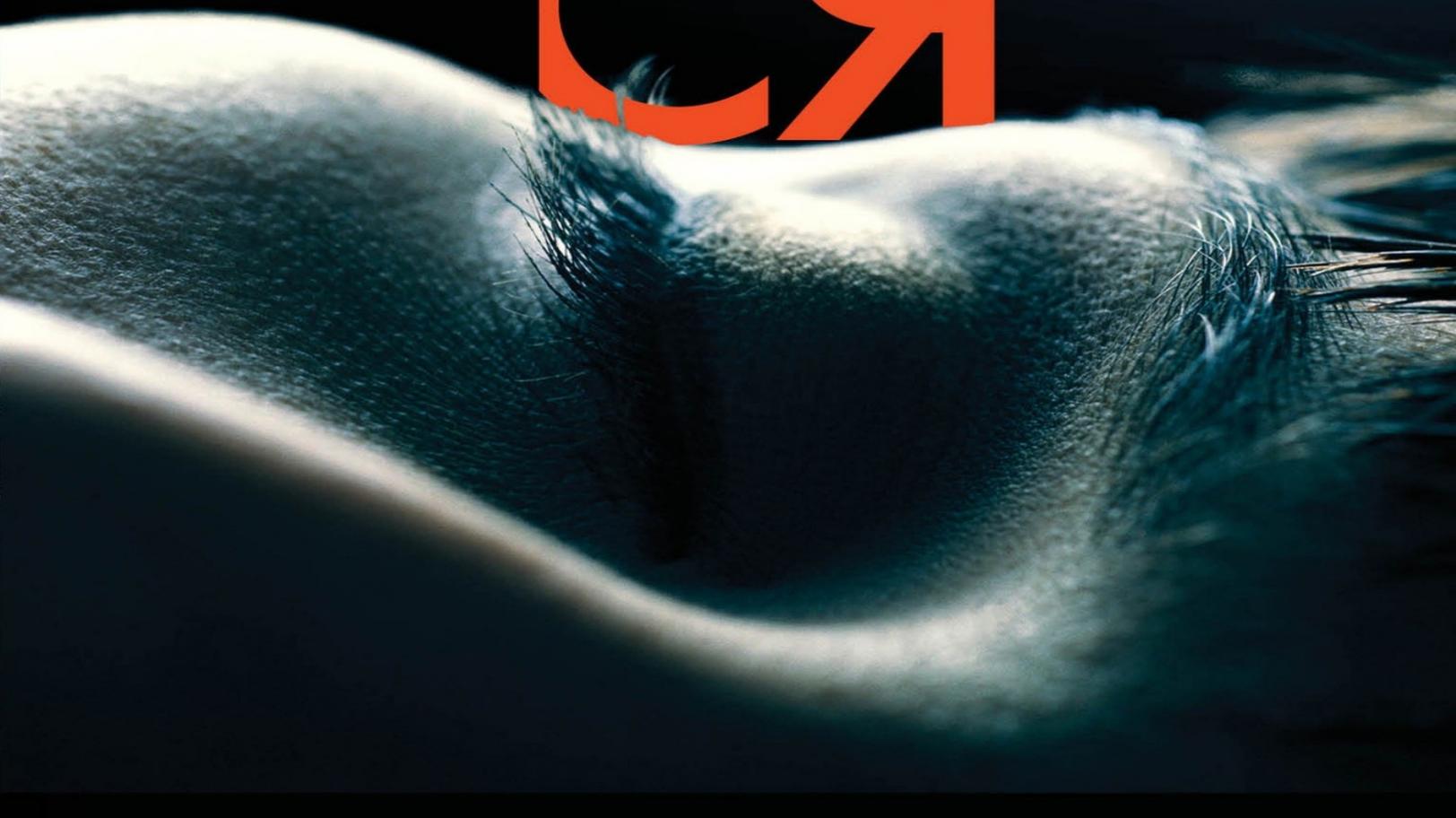

ХУДШЕЕ, ЧТО МОЖЕТ С ВАМИ СЛУЧИТЬСЯ...
И НИКТО НЕ ПОВЕРИТ, ЧТО ЭТО ПРАВДА

Лиз Лоулер

НЕ ПРО
СЫПАЙ
СЯ

Annotation

Самая захватывающая первая глава, которую вы когда-либо читали!
Кошмарный сон начинается, когда она открывает глаза...

Это так притягивает, что невозможно перестать читать. И так леденит кровь, что невозможно перестать думать об этом.

Доктор Алекс Тейлор просыпается привязанной к так хорошо знакомому ей операционному столу. Ее полностью подготовили к хирургической операции. Но человек, стоящий над ней, с лицом, скрытым маской, – не врач. Станным, словно измененным голосом он подробно рассказывает, что именно собирается с ней сделать.

А затем предлагает сделать выбор, который лишает ее дара речи...

Когда Алекс снова просыпается, уже после наркоза, на больничной койке, она понимает, что невредима, но никто не верит в ее жуткую историю. Ни коллеги, ни родные, ни жених, ни полиция, вызванная Алекс. И она начинает думать, что и в самом деле сходит с ума...

- [Лиз Лоулер](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

Лиз Лоулер

Не просыпайся

Глава 1

Ее разбудили знакомые звуки. Они звучали на редкость успокаивающе, несмотря на то что она сразу встревожилась и ей захотелось вскочить и посмотреть, что там делают ее коллеги. Она слышала, как звякали инструменты в металлической кювете. Аппаратура испускала регулярные сигналы, разрывались стерильные упаковки, на заднем плане раздавалось всепроникающее шипение кислорода.

Мысленно ясно представляя эту сцену, она осознавала, что должна встать, но ее обволакивала ватная сонливость, и отяжелевшие конечности, казалось, потеряли способность двигаться. Она не могла вспомнить, как забралась на одну из свободных каталок, но теперь думала, что, наверное, решила отдохнуть там часок-другой во время ночного дежурства. Обычно ее будил звонок горячей телефонной связи или настойчивые призывы трансивера. Обычно такие срочные вызовы означали, что ей надо вставать и бежать, просыпаясь уже по пути. Но этот странный сон породил ощущение инертной вялости, и она еле-еле смогла разлепить опухшие веки.

Ее ослепил яркий свет, глаза начали слезиться, и она прищурилась от его сияния. Преодолевая резь в глазах, едва смогла разглядеть какие-то общие очертания. В смятении и тревоге пригляделась к окружающей обстановке. Она лежала в незнакомой больничной палате. В ее отделении не пользовались такими светильниками – она видела над собой маленькие отдельные лампочки, легко заслоняемые ладонью. *Однако она находилась не в своем рабочем отделении, а попала в странную, незнакомую ей операционную.* С какой стати она здесь? Не могла же она забрести сюда, чтобы немного поспать... *Думай.* Неужели она зашла сюда, чтобы помочь травматологам? Может, им не хватало пары рук? Это казалось весьма маловероятным, но все-таки постижимым...

Она пристально посмотрела вниз – и оцепенела, с содроганием увидев, что ее собственное тело покрыто зеленой хирургической простынкой.

Звуки операционной смолкли, но кровь теперь так громко пульсировала у нее в ушах, что больше она ничего не слышала. Вытянутые руки, закрепленные застежками на липучках, покоились на мягких подлокотниках. Над правым локтем руку охватывала манжета для замера давления, а к среднему пальцу прицепили пульсоксиметр. Однако больше всего ее напугал вид двух больших венозных катетеров, вставленных в

предплечья. Оранжевые шприцы подразумевали использование инвазивной жидкости, которая в ее больничном мире применялась для шоковой терапии.

Подсоединенные к иглам трубки, изгибаясь, поднимались к скрытым от нее стойкам с пакетами жидких растворов. Она видела лишь нижние части установленных на штативы пакетов со светлой жидкостью, но могла лишь догадываться, что именно вливали ей в кровь.

Ее сосредоточенный взгляд скользнул дальше, за зеленые салфетки на ее груди и животе, и она чертовски встревожилась, увидев в воздухе розовые ногти своих ног. Ее бедра, осознала она, были расставлены, икры поддерживались под коленями, а лодыжки оказались закреплены скобами – она лежала на операционном столе с поднятыми ногами. По сухости во рту и затуманенному сознанию поняла, что пробудилась вовсе не от обычного, а от вызванного анестезией сна.

– Привет? – сказала она, пытаясь привлечь внимание человека, орудующего инструментами. Лязг стали по стали все еще продолжался. Занервничав, крикнула громче: – В чем дело? Я уже очнулась!

Учитывая ситуацию, она удивилась ощущению собственного спокойствия. Лежа в таком странном положении и ожидая объяснений, она испытывала страх и тревогу, однако профессиональные знания позволяли ей обдумать то, что могло с ней случиться.

Вечером она закончила свою смену. Ее память вернулась к последней осознанной мысли... Проходя по служебной автостоянке в новом легком платье и розовых босоножках, она думала о свидании с Патриком. Это воспоминание привело ее к заключению, что с ней, должно быть, произошел какой-то несчастный случай. Шампанское и розы, подумала она. Именно это обещал Патрик по окончании ее долгой дневной смены. Шампанское и розы, и – если она правильно понимала его – предложение руки и сердца...

Где же он сейчас? Несомненно, расхаживает по коридору перед операционной, встревоженно ожидая сообщений о ее состоянии, готовый броситься к любому, кто сможет дать ему ответ... Может, размышляла она, ее сбили? Возможно, выехавшая слишком быстро машина, которой она не заметила, поглощенная поиском автомобиля Патрика?

Из смутных воспоминаний всплыло, как она нетвердой походкой шла на своих невыносимо высоких каблуках, расправив плечи, втянув живот и выставив напоказ грудь, стремясь показать, как красиво смотрится на ней новое платье. Но потом на нее накатила внезапная волна головокружения, у нее подогнулись ноги, и она упала на колени; почувствовала боль в шее,

давление на губы, нехватку воздуха, словно ее рот закрыли кляпом, а потом... ничего... пустота.

Охваченная приступом душераздирающего страха, она судорожно вздохнула, пытаясь справиться с паникой. Насколько серьезна ее травма? Неужели она умирает? Не потому ли, что никого не оказалось поблизости? Неужели ее просто оставили умирать?

Включились ее профессиональные знания и интуиция. Первичное обследование. Необходимые проверки. По алгоритму ABCDE... нет, сначала правило ABC^[1]. Ее дыхательные пути чисты. Никакой кислородной маски или носовых катетеров. Она дышит самостоятельно, и более глубокие вдохи не вызывают боли. Кровообращение? Ее сердце бьется быстро и четко. Она слышит его пульсацию с монитора. Но почему же ее ноги распялены? Может, она истекает кровью? Тазовые переломы считаются наиболее тяжелыми. Обильное неконтролируемое кровотечение. Но в таком случае где же бригада озабоченных хирургов? Почему они не перевязали ей таз, чтобы зафиксировать состояние?

– Эй, вы слышите меня? – уже более сердито крикнула она.

Звяканье инструментов прекратилось. Она осторожно шевельнула головой – и не удивилась, обнаружив, что ее голова зафиксирована, а шея помещена в жесткий воротник. Видимо, не исключено повреждение шейного отдела позвоночника. Она начала волноваться. Кто, черт побери, занимается ее лечением? Ей хотелось поделиться с ним или с ней своими мыслями. Какие-то олухи позволили ей очнуться в одиночестве, но они грубейшим образом нарушили все правила, дав ей прийти в себя и осознать, что ее голова и руки обездвижены, а ноги разведены и закреплены скобами. Она могла бы причинить себе непоправимый вред, если б, запаниковав, начала срывать ограничительные приспособления, удерживающие ее в безопасном положении.

До нее донесся звук шагов, приближающихся к ней по каменному полу. Потом в поле периферийного зрения появилась ткань синевато-зеленого цвета – и кто-то в хирургическом костюме. Она мельком увидела бледную шею и край белой маски, но остальная часть лица – нос и глаза – попадала в область яркого света, лишавшего ее возможности что-то нормально разглядеть.

На глаза вдруг навернулись жгучие слезы, и она резко рассмеялась.

– Ненавижу чертовы больницы!

«Кто-то» оставался неподвижным и молчаливым, породив новый страх в ее сверхактивном мозгу.

– Простите за эти слезы. Я уже успокоилась, – сказала она. –

Послушайте, просто сообщите мне факты. Опасность для жизни? Роковые переломы? Я способна нормально воспринять все, понимаете? Я работаю здесь врачом, поэтому, прошу вас, не давайте мне подслащенную версию. Я предпочитаю знать правду.

– Ничего с вами не случилось.

Прозвучавший голос поразил ее. Казалось, он проходил через какую-то акустическую систему. Она удивленно прищурилась. Говорил ли с ней стоящий рядом человек, или голос доносится сзади из-за наблюдательной ширмы? Может, это кабинет компьютерной томографии, а не операционная палата? Голос принадлежал мужчине, но она его не узнала. Так не говорил ни один из ее знакомых хирургов. Прищурившись, она пригляделась к скрытому за маской лицу.

– Вы врач или они находятся в другом помещении? Мы находимся в кабинете компьютерной томографии?

– Да, я врач.

Господи, как же плохо его слышно! Казалось, он говорит, стоя рядом с ней, однако голос его звучит словно издалека, как по телефону. Почему он не выключит эти чертовы светильники и не снимет маску, чтобы нормально поговорить с ней? Может, даже взяв ее за руку...

– Так вы не обнаружили у меня никаких повреждений? – взволнованно вздохнув, спросила она.

– Да, ничего плохого с вами не произошло.

В раздражении она повысила голос:

– Послушайте, может, мы вернемся к исходному моменту? С какой стати я лежу здесь и как сюда попала? Что сказано о травмах в моей регистрационной карте?

– Знаете, вам вовсе не стоит так волноваться. Вон как у вас сердце заколотилось... Неровное дыхание, и уровень кислорода в крови приближается к критическому... Вы курите?

Ее взгляд метнулся к стоявшей рядом тележке с кардиомонитором. Она увидела тянущиеся от него провода и поняла, что те тянутся к электродам на ее груди.

– Послушайте, мне не хотелось бы быть невежливой. Вы, вероятно, проработали целый день, но я немного разозлилась, когда, придя в себя после наркоза, обнаружила, что оставлена в одиночестве. А теперь давайте проясним ситуацию. Я не собираюсь жаловаться, но желаю знать, кто вы такой. В данный момент я хочу знать ваше имя, а также что, собственно, со мной происходит.

– Ладно, Алекс, – сказал он, поднимая затянутые в фиолетовые

перчатки руки, в которых белел хирургический степлер, – раз уж мы прояснили ситуацию, то прямо сейчас, если вы не будете говорить вежливо, я намерен зашить ваш рот. У вас очаровательные губки. Будет жаль их испортить.

Волна ужаса мгновенно скрутила ей живот. Мышцы затвердели, прищуренные глаза открылись, а мысли, гнев и даже дар речи парализовало.

– Вспыльчивость вам сейчас не поможет, – спокойно продолжил незнакомец.

Шампанское и розы, подумала она. Думай об этом. Патрик. Думай о нем.

– Так-то лучше, – она уловила ухмылку в голосе мужчины, – я не могу работать под аккомпанемент воплей и криков.

В голове Алекс быстро закрутились варианты сценариев. Она попала в какую-то больницу. Кто-то найдет ее. Кто-то услышит ее крики. Ее захватил какой-то сумасшедший. Сбежавший больной? Настоящий врач? Или псих, изображающий врача? Очевидно, ему удалось захватить одну из операционных палат, и он... он случайно столкнулся с ней. Она вспомнила давление на губы. Кляп после падения на парковке... Он притащил ее сюда. Сбил ее с ног, потом заткнул ей рот какой-то тряпкой. Должно быть, усыпил ее. Хлороформом или эфиром...

– Пожалуйста, не кричите, – сказал он, словно читая ее мысли, – мы здесь совершенно одни, и мне правда не хочется насильственно заставлять вас умолкнуть. К тому же у меня болит голова. Холодные ветра всегда вызывают у меня мигрени. Удивительно, что у вас она не разболелась, учитывая, как легко вы оделись для такого холодного вечера.

Она мгновенно осознала свою наготу под зелеными салфетками. Ее обнаженные груди, и влагалище, и слегка приподнятый таз... От такого неестественного положения у нее начало сводить икры.

Патрик. Думай о нем или о чем-то за пределами этой операционной – о маме, о работе, об умершем сегодня пациенте... О людях, которые будут искать ее... *Думай, Алекс.* Надо попробовать разумно договориться с этим человеком. Заинтересовать его. Рассказать, чем она занималась. Кто она такая. Показать себя с личностной, человеческой точки зрения. Разве не это рекомендуют учебники? Она частенько применяла на практике теоретические познания. Первое правило: осознать причины раздражения больного. Второе правило: снять остроту его раздражения.

– Меня зовут Алекс, и я врач, – сказала женщина.

– И вам известно, что у вас загиб матки? – спокойно продолжил

незнакомец. – Для извлечения вашей спирали мне пришлось использовать изогнутое зеркало.

Ошеломленная, она лишь изумленно взирала на него. Значит, он уже что-то сделал с ней. Пока она лежала без сознания, его руки обследовали ее внутренности.

Думай, приказала себе Алекс. Думай хорошенько, пока еще не поздно покончить со всем этим кошмаром. Веди себя любезно. Вызови его симпатию. Постарайся, черт тебя подери, строго настраивала она себя, хотя ее распухший язык пока отказывался нормально шевелиться.

– С-спасибо, что вы извлекли ее. Не каждый смог бы оказать такую любезность.

– Всегда пожалуйста.

Его ответ заронил в ее душу лучик надежды. Получилось. Они уже разговаривали. Она фактически не видела его лица, и он, вероятно, отлично осознавал это. Она могла сказать ему, что ей неизвестно, кто он такой и что она готова забыть все, что он сделал с ней. Никто не пострадал, ничего страшного. Он мог свободно уйти.

– Интересно, – задумчиво произнесла она, – не могли бы вы разрешить мне встать и воспользоваться туалетом?

– Нет нужды, – его фиолетовые перчатки исчезли под зелеными салфетками и коснулись ее обнаженной кожи.

Она вздрогнула.

– Успокойтесь, – посоветовал мужчина, прощупывая нижнюю часть ее брюшной полости, – ваш мочевой пузырь пуст. Я уже вывел жидкость катетером. Выход мочи нормальный.

– Зачем вы сделали это?

– Серьезная операция, Алекс, – ответил похититель, обращаясь к ней по имени, с фамильярностью работающего рядом с ней коллеги. – Процесс мочеиспускания для вас какое-то время будет болезненным.

Рыдания невольно сотрясли ее грудь, и палату заполнил вопль отчаяния.

– Что вы сделали со мной?

– Я уже говорил вам. С вами ничего не случилось. Пока. Решение за вами. Вы просто должны ответить на такой вопрос: что значит «нет»?

В голове ее царил сумбур, когда она попыталась осмыслить этот вопрос. Что он вообще означает? Неужели она знает этого мужчину? О чем, черт возьми, он спрашивает?

– К примеру, вот эта красота. – Он покачал перед ней ее бледно-розовыми босоножками с изящными ремешками, на высоченных каблуках,

которые, безусловно, могли возбудить Патрика, хотя на них и невозможно нормально ходить. – Неужели они не подразумевают вашего согласия? Или вот эта прелесть? – Теперь перед ее лицом покачивались прозрачные чулки. – Они, несомненно, соблазнительны. Раздевая вас, я заметил, что вы обходитесь без бюстгалтера, а из ваших трусиков едва ли получился бы даже крохотный носовой платок.

Икры Алекс плотно обхватили кожаные ремни, врезавшиеся в ее плоть, когда она попыталась сдвинуть колени. Она отлично поняла, о чем он спрашивал.

– Прошу вас, – взмолилась она, – не надо!

– Алекс, ведь это простой вопрос. И, по-моему, нам обоим известно, что вы имеете в виду, говоря «нет», не так ли?

Ненависть возобладали над страхом, и на мгновение она почувствовала себя свободной и смелой.

– Я не понимаю этот вопрос, ублюдок, – яростно прошипела пленница, – а содержание кислорода в крови у меня понизилось из-за ваших снадобий! Вам необходимо вернуться к учебникам. Вы что, неудавшийся шарлатан? Верно, придурок?

Она услышала резкий вдох – раздражение проявилось легким вздутием его маски.

– Спокойнее, спокойнее. Злость вам не поможет. Вы лишь вынудите меня быстрее принять решение.

Он повернулся в сторону и придвинул к себе блестящий столик из нержавеющей стали с набором знакомых ей инструментов. Крючок для удаления внутриматочной спирали, маточные ножницы, влагалищное зеркало Куско и рядом с ними наркозная маска. Она оцепенела от ужаса, увидев, что он взял маску. Маску Шиммельбуша^[2]. Раньше Алекс видела такую конструкцию лишь раз в жизни, в стеклянном шкафу, в кабинете вышедшего на пенсию анестезиолога. Она вспомнила такой тип проволочной маски, потрепанное приспособление, накрывающее нос и рот. Только данное устройство выглядело более грубым: выгнутая рамка – размером с грейпфрут – из тонкой проволочной сетки, покрытая слоями марли для пропитки ее жидким анестетиком, пары которого предназначены для усыпления пациента.

– Незамкнутая цепь, – спокойно продолжил похититель, – непревзойденный старомодный метод. Не требуется вставлять никаких трубок. Никаких анестезирующих приборов. Всего лишь марля и маска. И усыпляющие пары, разумеется, позволяют врачу освободить руки для выполнения других дел.

Ее смелость испарилась. Самообладание ослабело. В нем нет никакого смысла. Спасения нет. Он мог сделать с ней все, что ему захочется, и она не в состоянии ничему помешать. У нее даже мелькнула мысль, не лучше ли будет умереть на этом столе. Она могла расстаться с жизнью, даже не осознавая ее окончания.

– С другой стороны, если я лишу вас сознания, то мы не сможем разговаривать. Вы даже не узнаете, если мне понадобится ваша помощь в случае осложнений. Я ведь мог бы дать вам зеркало, и вы помогли бы мне разобраться с проблемой. Иссечение вульвы может вызвать некоторые сложности.

Участившееся дыхание Алекс стало поверхностным. Она пристально смотрела на маску в его руке, слыша начавшийся в голове звон. У нее перехватило дыхание. Она не могла вымолвить ни слова...

– Последний шанс, Алекс. Я легко могу сделать это. Вы немного поспите, пока я займусь тем, на что, как нам обоим известно, вы предпочли бы ответить согласием, а потом – домой, бай-бай. Итак, я спрашиваю еще раз: что значит «нет»?

Все ее тело начало дрожать. Дрожь сотрясала большие грудные мышцы, ягодицы и ноги. Ее голова и шея оставались жестко зафиксированными, но руки и лодыжки в своих ограничительных ремнях тоже заметно тряслись. По ее лицу заструились слезы, наряду со слизистыми выделениями из носа и рта, и несмотря на это, когда она заставила себя возразить вслух, ее раздирал безмолвный крик: «Нет».

– Простите, я не поняла вас. – Из-за его действий у нее появились проблемы со слухом.

Похоже, он принял иное решение – маска закрыла половину ее лица, и сжиженный газ начал действовать.

– Я говорю «да», – сонно прошептала она. – «Нет» значит «да».

Глава 2

Алекс открыла глаза. Она лежала на каталке, покрытая белой простыней, и на нее спокойно смотрели двое коллег. Фиона Вудс, ее лучшая подруга и старшая медсестра отделения неотложной помощи, и Кэролайн Коуэн, старший врач-консультант и заведующая того же отделения. Их лица выражали одинаковые чувства – ободрение, – и на губах у них сразу же заиграли сердечные улыбки. Алекс четко осознала, где она находится, вплоть до номера палаты: номер девять.

Она заметила, что карманные часы Фионы показывают почти два часа ночи. Всего пять часов назад Алекс закончила дежурство здесь, в этом самом отделении, и быстро приняла душ в комнате для персонала. Ее выходное платье висело на плечиках; она еще успела нанести макияж и надушиться. Все это происходило совсем недавно, однако так многое изменилось... Ее жизнь висела на волоске. Если б она не согласилась... если б она отказалась... если б осмелилась...

Алекс зажмурилась, сделала медленный и глубокий вдох и, собравшись с духом, вновь открыла глаза.

– Привет, радость моя, – произнесла Кэролайн своим самым заботливым тоном. – Ты можешь рассказать мне, что случилось? Скажи мне, какой сегодня день и где, по-твоему, ты находишься?

Однако Алекс пока не готова была ответить на первый вопрос. Поэтому она сосредоточенно ответила на второй и третий:

– Сегодня воскресенье, тридцатое октября, я нахожусь в центре Бата, в моей родной больнице и в моем же отделении.

– Ты действительно здесь, милочка, только сегодня уже тридцать первое. Ты заставила нас поволноваться... Гроза разразилась нешуточная, проливной дождь и шквальный ветер... Ты прилично напугала нас, – Коуэн ободряюще кивнула, – но ты жива и здорова. Пара царапин на коленках да шишка на затылке, но в остальном всё в порядке. Умница Патрик настоял на продолжении поисков, иначе нам пришлось бы лечить тебя от гипотермии. Я настаиваю, чтобы ты здесь переночевала. Проведем несколько неврологических и гинекологических обследований. Ты пребывала в хорошенькой отключке. В какой-то момент я уже собиралась пригласить коллег для полного обследования... А сейчас полежи тихо и спокойно, и тогда не успеешь опомниться, как мы избавим тебя от этого ошейника.

Слезы облегчения полились из глаз Алекс, и она просто сморгнула их. Тонкие брови Кэролайн озабоченно сошлись к переносице. Она выглядела старше своих лет, ее крепкое телосложение и сильные, накачанные руки объяснялись не спецификой медицинской службы, а долгими годами трудов на их с мужем ферме.

– О, радость моя, не плачь. Мы посадим тебя и в два счета обеспечим чашкой чая. Фиона, сбегай позови еще несколько наших умниц. Надо быстро разобраться с нашим любимым доктором. Только не беспокой никого из парней, – в обходительной манере предупредила Коуэн помощницу. – Уверена, что Алекс не жаждет, чтобы они пялились на ее крутую задницу.

Алекс лежала совершенно безмолвно. Она испытывала жуткую усталость и с благодарностью внимала прозаичным распоряжениям и легкому подшучиванию Кэролайн. Позже она сможет дать волю своим чувствам. Позже сможет поорать во все горло и отрубиться в изнеможении, но пока ей лучше оставаться спокойной. Ей необходимо сохранять спокойствие, если она хочет оказать какую-то помощь полиции.

Вместе с Вудс в палату вернулись еще три медсестры.

– Я могу держать ей голову, – предложила Фиона.

Остальные медсестры расположились с одной стороны от Алекс, и каждая из них положила руки на свой участок ее тела. Они крепко удерживали ее плечи, бедра и ноги. Стоя во главе стола, Фиона обхватила руками голову пациентки, а Кэролайн, ослабив крепления шейного бандажа, сняла этот хомут. Затем осторожно положила руку на шею Алекс и, начиная от основания черепа, прощупала шейный отдел позвоночника, пытаясь обнаружить признаки травм или деформаций.

– Немного болезненно? – спросила она, почувствовав, как Алекс вздрогнула.

Та собралась кивнуть, но Вудс мгновенно пресекла эту попытку:

– Эй, ты же не настолько глупа, чтобы кивнуть! – Лицо подруги находилось так близко, что Алекс почувствовала запах сигаретного дыма.

Очевидно, Фиона опять сорвалась. Жаль, ведь она так хорошо удерживалась от курения со своими никотиновыми пластырями...

Следующие несколько минут, после перекатывания ее на бок в обездвиженное вытянутое положение, благодаря поддержке сильных рук Вудс Кэролайн тщательно проверила весь остальной позвоночник. И наконец – унижительный момент, особенно потому, что она знала всех этих людей, – Коуэн погрузила палец в прямую кишку, чтобы оценить тонус сфинктера. Но вот осмотр закончился, и когда пациентку перекатали

обратно на спину, лицо Кэролайн расплылось в широкой улыбке.

– Ты в полном порядке, Алекс. В этом ошейнике нет ни малейшей нужды. А сейчас я собираюсь приподнять тебя на подушки, и ты сама выпьешь чашку чая. – Она взглянула на Фиону. – И совсем нелишним будет принять еще пару таблеток ко-кодамола.

Нет сомнений, что Кэролайн Коуэн мастерски умеет сохранять спокойствие в критических ситуациях. Размеренность и описание действий, да и сама интонация словно предназначались для предотвращения истерического припадка. Она давала Алекс время привыкнуть к ситуации, оптимально структурируя все сведения, чтобы та смогла легче принять грядущие неприятности. Алекс всегда восхищалась ею, а сейчас – больше всего. Коуэн полностью обеспечила подготовку пациентки к дальнейшим откровениям.

Когда палату покинули помощницы, Кэролайн вымыла руки в раковине. Струя воды забрызгала ее зеленую униформу – и блузу, и брюки, – но она, посмеиваясь и шутя по этому поводу, вытянула пару бумажных полотенец с настенного держателя. И опять же ее тихий смех дал Алекс понять, что поведение подруги вполне естественно. Постепенно, шаг за шагом, всему свое время. Никакой спешки. Она в безопасности, и никому не удастся прошмыгнуть мимо Коуэн.

– Итак, радость моя, есть вопросы? – спросила заведующая отделением.

До боли прикусив нижнюю губу, Алекс пыталась сдержать угрожающий прорваться поток слез. Позже, пообещала она себе. Она сможет выплакаться потом, в объятиях Патрика.

– Полиция. Вы еще не вызвали полицейских? – спросила Алекс. – Им необходимо заблокировать все выходы. И в первую очередь проверить все операционные. Мне нужно сдать все анализы: на ВИЧ-инфекцию, сифилис, гонорею, беременность – полный набор. Пусть даже это займет целую ночь. Мне необходимо точно знать, что он сделал со мной.

Спокойствие Кэролайн улетучилось. Теперь она выглядела серьезно озабоченной.

– Алекс, о чем ты говоришь? Почему нам надо вызвать полицию?

Пациентка почувствовала, как заколотилось ее сердце. Надсадное дыхание резко участилось. От неудержимой дрожи, сотрясавшей ее конечности, с нее соскользнула простыня.

Ее голос, как она узнала позже, разнесся по всему отделению. Превзойдя все прочие звуки – крики боли, смятения и страха, дребезг тележек, развозящих медикаменты по палатам, громкую сигнальную

разноголосицу двадцати с лишним мониторов. Ее голос, ее ответ, превзошел все.

– Потому что он изнасиловал меня!!!

Глава 3

В настоящее время случаи изнасилования в отделении неотложной помощи имеют свой особый уровень конфиденциальности. Согласно правилам, уважая человеческое достоинство, эту ситуацию окутывают молчанием. Дежурные медсестры, лечащий врач и полицейские занимаются своими делами так незаметно, что никто, кроме них, в отделении не осознает случившегося.

В случае Алекс Тейлор, однако, в ту ночь в отделении не было сотрудника, не знавшего о случившемся или не слышавшего о предполагаемом инциденте. Еще до окончания обследования возникли предположения о том, что могло случиться на самом деле. Преимущественная версия склонялась к тому, что она перенесла черепно-мозговую травму. Вероятно, имели место спутанность и помрачение сознания.

В смотровой палате судмедэксперт и сотрудница уголовного розыска не могли не верить этой расстроенной женщине и отрицать возможность изнасилования, но им с трудом верилось в остальную часть ее рассказа. Только Мэгги Филдинг оставалась на нейтральной и объективной позиции, проявляя, после завершения обследования, должную профессиональную заботу и внимательно слушая длинную историю Тейлор. Она без промедления отвечала на любые вопросы пациентки.

– Алекс, спираль на месте. Нет никаких признаков того, что ее извлекали. Я видела усики, и все остальное выглядит нормально.

Филдинг дожидалась очередного комментария пострадавшей. Она не сводила с нее взгляда и, казалось, никуда не спешила. Мэгги была эффектной женщиной спортивного сложения, высокой и стройной. Ее великолепные волосы цвета шоколада в распущенном состоянии доходили до талии.

На лице Тома Коллинза, судмедэксперта и уроженца Новой Зеландии, бывшего также терапевтом, неизменно отражалось сочувствие. На время обследования он покинул палату.

Приподняв задницу Алекс, под нее подложили бумажное полотенце и вычесали лобковые волосы для выявления улики. Потом полотенце, расческу и выпавшие волоски поместили в специальный пакет, запечатали, поставили подпись и дату и передали офицеру полиции. Затем ей подстригли ногти и собрали их кусочки в отдельный пакет. Состригли

несколько волос с головы. Она также плюнула в какую-то специальную склянку, и у нее взяли кровь на анализ и мазки изо рта, ануса и влагалища. Доктор Тейлор видела, как Мэгги растирает мазок по предметному стеклу, понимая, что его будут исследовать на наличие спермы. В заключение ее с ног до головы тщательно осмотрели, выискивая любые повреждения. Синяки. Царапины. Следы укусов или зубов, которые могли бы помочь идентифицировать напавшего на нее человека.

Отойдя к двери, Мэгги Филдинг позвала обратно Тома Коллинза. Всего несколько недель назад Алекс сама стояла на месте Мэгги, рядом с тем же самым экспертом, когда тот брал кровь на анализ у женщины, изнасилованной ее приятелем. Тогда они были в равном положении – оба профессионалы, исполнявшие свои обязанности, официально описали и сфотографировали множество синяков и ушибов. На этот раз, если смотреть на ситуацию глазами Тома, Алекс стала жертвой, а он, оставшись профессионалом, выполнял свою работу, прилагая всяческие усилия для сокрытия факта их личного знакомства.

– Могли бы мы еще разок пройтись по вашим показаниям? – спросила констебль.

Изначально, придя в палату, эта женщина спокойно представилась как констебль Лора Бест. Она выразила Алекс глубокое сочувствие по поводу случившегося и добавила, что нет необходимости обращаться к ней официально – вполне достаточно просто имени. Однако к данному моменту сочувствия во взгляде Лоры заметно поубавилось. Ее веснушчатое лицо стало более отстраненным. И выглядела она немного раздраженной. Все четверо людей провели в этой закрытой смотровой палате уже больше часа, и на них начал сказываться разогретый и спертый воздух.

Перелистнув несколько страниц блокнота, Бест начала зачитывать показания:

– Вы помните, как, пересекая служебную парковку, почувствовали удар по затылку, позже у вас возникло ощущение кляпа во рту, и, возможно, вы уловили запах эфира. Затем вы очнулись в какой-то операционной, обнаружили себя с зафиксированными конечностями и увидели человека, изображавшего хирурга.

– Я не знаю, изображал ли он хирурга, – сердито возразила Алекс. – Я говорила, что он был одет как хирург.

Прежде чем продолжить, Лора на мгновение поджала губы.

– Далее он угрожал зашить вам рот, показал поднос с инструментами и сказал, что извлек вашу спираль, опустошил ваш мочевой пузырь с помощью катетера, а затем объяснил, что собирается сделать вам какую-то

операцию... на вульве... – На этом слове констебль запнулась.

– Иссечение вульвы, – раздраженно уточнила Тейлор. – И я подтверждаю, что все перечисленное вами верно.

– Далее этот человек задал вам вопрос, в связи с которым вы подумали, что он намерен изнасиловать вас. После чего, по вашим словам, усыпил вас.

– Да.

– И далее вы помните только, как проснулись здесь, в вашем отделении.

– Да.

– Но вы не можете описать его внешность или узнать его голос.

– Нет. Я уже упоминала, что в той операционной меня ослепляли лампы. Я видела хирургическую маску, и мне удалось разглядеть, что он одет в униформу хирурга. Но его голос... Казалось, он говорил через какое-то акустическое устройство, и его голос звучал отдаленно, словно сам он не стоял рядом со мной. Он говорил по-английски, но, с другой стороны, в его произношении проскальзывал американский акцент.

– То есть этот англо-американский врач проделал с вами все вышеперечисленное? Гм-м... Простите меня, доктор Тейлор, если я покажусь вам слишком тупой или, возможно, невосприимчивой, но вы покинули это отделение в половине десятого вечера, а на парковке вас обнаружили в половине второго ночи.

– И что же тут непонятного?

– Вы упоминали большие иглы... оранжевые катетеры, вставленные в обе ваши руки. Разве там не должны были остаться следы уколов?

– Вы не слушали меня. Не восприняли сказанное мной. Да, катетеры там были. Я видела их. Очевидно, его план отчасти состоял в том, чтобы ввести меня в заблуждение, заставив поверить, что я получила серьезные травмы. Внушить мне, что я не в состоянии двигаться. Вся сцена предназначалась для того, чтобы я осознала себя беззащитной и согласилась... согласилась позволить ему сделать то, что ему хотелось.

Легкая улыбка скользнула по губам молодой сотрудницы полиции. Она взглянула на Тома Коллинза и Мэгги Филдинг. Алекс заметила, как все они обменялись быстрыми взглядами. Да, обменялись недоступными для нее говорящими взглядами. Словно эти профессионалы принадлежали к закрытому клубу, куда не допускались жертвы.

– Я испугалась бы, увидев такое в кино, – едва не усмехнувшись, заметила Лора.

Разозлившись, одетая в больничный халат пациентка вскочила с

мягкой каталки и встала босиком в шаге от констебля Бест.

– Увы, черт возьми, это вовсе не выдуманное кино, поэтому вам лучше приберечь усмешку на другой случай. И я не придумала всю эту чертовщину! На меня напали. Насильно увезли куда-то, и если б я не согласилась на то, что он хотел, то могла бы сейчас покоиться в чертовом морге.

– Извините, если я огорчила вас. Мы не говорим, что этого не было, – ответила Лора, приобщая к своим оправданиям Тома и Мэгги. – Просто пытаемся во всем разобраться. Вас нашли полностью одетой. Ваше нижнее белье, ваши туфли – все было на месте. Даже платье застегнуто на все пуговицы.

И дальше она высказала то, что думала на самом деле, что вертелось у нее в голове, очевидно, на протяжении всего этого опроса.

– Ваши коллеги сообщили мне, что на работе у вас выдался трудный день...

Ее заботливый тон опять разозлил Алекс.

– Не более чем обычно. В отделении неотложной помощи трудности возникают постоянно, разве вы не замечали?

– Насколько я поняла, день был труднее обычного. Если, конечно, вы не ежедневно теряете детей.

– Я... я... «Скорая» привезла малышку уже мертвой. Мы ничего не могли сделать для того ребенка!

– Я полагаю, Алекс и так уже вынесла достаточно, – вмешалась Мэгги Филдинг. – Ей необходим отдых. И в следующий раз, детектив Бест, когда полиция столкнется с таким случаем, по-моему, будет уместнее прислать к нам более опытного офицера или, по крайней мере, более опытного в делах об изнасиловании, как вам, несомненно, и будет сказано, когда вы представите отчет о показаниях.

В лучшие времена Алекс не особо симпатизировала Филдинг. Эта женщина считалась блестящим гинекологом, но ее манеры обычно отличались грубоватой бестактностью. Однако сейчас доктора Тейлор порадовало ее присутствие.

– Я хочу видеть Патрика, – попросила она. – Где Патрик? Мне необходимо увидеться с ним!

– Он здесь, – кивнув, ответила Мэгги, – ждет в коридоре.

– Вам понятно, он нужен мне! Патрик, – вскрикнула Алекс, – Патрик!

В объятиях любимого она наконец дала волю слезам – и в промежутках между бессвязными всхлипами, призывами и проклятиями поведала ему о своем ночном кошмаре. Потрясенный и разгневанный

Патрик потребовал, чтобы Лора Бест нашла этого мерзавца. Потребовал, чтобы она задействовала больше полицейских, и спросил, почему их поисковая группа еще не обыскивает больницу. Именно Алекс удалось удержать его от начала немедленных самостоятельных поисков: она вцепилась в его руки, не отпуская от себя, и необходимость в его присутствии победила. В его объятиях Алекс почувствовала себя в полной безопасности – и в итоге смогла успокоиться и уснуть.

Глава 4

Лора Бест стояла рядом с Патриком Фордом. Несмотря на бессонную ночь, проведенную у постели подруги, он выглядел элегантным и свежим. И, судя по напряженности его взгляда, опять готовился к горячей дискуссии с констеблем. Впрочем, его вопросы могли и подождать – теперь настал ее черед. Ей пока не представился случай снять с него показания по поводу вчерашнего вечера, поскольку, высказав ей свои требования поиска человека в хирургической униформе, Форд счел необходимым посвятить все свое внимание утешению подруги.

Они как раз проходили по служебной парковке, и Патрик показывал, где они с охранником обнаружили травмированную Алекс Тейлор и где была припаркована его машина. Всего через несколько машин от места, где ее нашли, однако поначалу он ничего не заметил. Его объяснение такого факта звучало правдоподобно. Приехав на стоянку, Форд немного подождал, а потом направился в больницу искать Алекс, и там ему сообщили, что она ушла минут пятнадцать назад. Тогда Патрик подумал, что она, должно быть, поехала на такси к нему домой, поскольку он слегка опоздал, и поэтому сначала съездил домой, а потом вернулся к больнице и начал поиски.

– И почему же вы опоздали? – спросила его Лора.

– Да, в сущности, это и опозданием-то не назовешь, – пожал плечами, ответил Патрик, – учитывая, как долго я обычно дожидался ее выхода. Ей никогда не удавалось вовремя уйти с работы. Сам я работаю ветеринаром и закончил прием немного позже, минут на пять или десять, но беспокоиться особо не стал, поскольку, как я сказал, Алекс обычно сама опаздывала. Я приехал сюда примерно без двадцати десять, максимум без пятнадцати.

– А когда вы вернулись опять и начали поиски?

– Вероятно, около одиннадцати. До моего дома минут двадцать езды, а мне пришлось скататься туда и обратно. И я подождал там минут пятнадцать, надеясь, что она вот-вот появится.

– Так как же получилось, что вы так долго не могли найти ее? – удивилась Лора.

– В данном случае вполне уместно будет признаться в глупости или в некомпетентности, – раздраженно заявил Форд. – Мы лишь в самом начале поискали на парковке между машинами. А потом напрасно тратили время, рыская по больнице, заглядывали в каждую палату, полагая, что какому-то

пациенту могла понадобиться ее помощь... Да и позже-то нашли ее с трудом – она лежала под деревьями в крошечной темноте, ее сложно было заметить.

– И как она чувствовала себя? Рассказала что-то существенное?

– Она спала беспробудно, – покачивая головой, ответил Патрик.

– У вас есть какие-то идеи по поводу того, что могло случиться?

– Что вы имеете в виду? – Он удивленно вскинул голову.

– Просто любые мысли, которые пришли вам в голову прошлой ночью, – слегка пожав плечами, пояснила Бест.

– Вы подразумеваете, что не верите ей? – вызывающе произнес Патрик. – Я лично не знаю, что и думать. Услышанное потрясло меня. Однако я ни на секунду не усомнился в том, что говорила мне Алекс. – Он пристально взглянул на констебля. – Насколько я понимаю, вы уже занимались поисками этого человека? По крайней мере, пытались найти подтверждения ее истории?

– Да, безусловно. – Лора с важным видом кивнула. – Мы проверили все операционные, прилегающую к больнице территорию, поговорили с персоналом хирургического отделения. А теперь, разумеется, исследовали с вами то место, где вы обнаружили ее. Ветви над ее головой сильно раскачивались на ветру. Вокруг того места, где она лежала, валяется мусор, обломки веток, некоторые довольно тяжелые. Она получила удар по голове и лишилась сознания.

– То есть, по вашему мнению, ее вырубил падение одной из тех веток? – выразительно уточнил Форд. – Но разве такой вариант согласуется с ее рассказом?

Бест немного помедлила, задумчиво поджав губы.

– А что, если у нее выдался травмирующий день? – в итоге предположила она. – Мне говорили, что вчера она потеряла ребенка. Возможно, это как-то сказалось на ее психическом состоянии...

– Психическом состоянии! – прищурившись, воскликнул Патрик. – Надеюсь, вы не думаете, что психика доктора Тейлор неустойчива, поскольку, уверяю вас, нервы у нее в полном порядке. Уж я-то знаю. Мы провели с ней достаточно много времени. Не стоит увлекаться ошибочной версией. Хотя есть и другое возможное объяснение, и кроется оно в физических причинах. Наиболее вероятно сотрясение мозга. И – да, возможно, именно тяжелая ветка ударила ее по голове. – Его взгляд спокойно оценивал констебля. – Но, надеюсь, вы будете серьезно относиться к ее словам, пока не использовали все возможности для поиска похитителя. И если это все, что мы могли обсудить, то я лучше поспешу

проверить, как она себя чувствует.

Лора ухмыльнулась, глядя на его удаляющуюся спину. Излишне самоуверен, на ее вкус. Красив, конечно, и стильно одет, хотя скорее похож на городского щеголя, чем на ветеринара. Прямо-таки излучает самодовольство. И все же не годится в герои ее романа. Тем не менее разговор с ним прошел продуктивно: ей удалось установить временные рамки того, кто где был во время этого так называемого похищения. Доктор Тейлор определенно достаточно долго находилась на парковке. Если б ее кавалер прибыл вовремя, то ничего не случилось бы. И констеблю Бест не пришлось бы зря тратить ночь, обыскивая больницу. Зато никто не скажет, что она отнеслась к делу небрежно. Как-никак Лора была настоящим профессионалом.

* * *

На следующее утро, заглянув в глаза Патрика, Алекс обеспокоилась тем, о чем он мог подумать. Когда она проснулась, он сидел рядом с ее кроватью и сразу завладел ее рукой. В его темно-синих глазах она увидела любовь, понимание, озабоченность знанием того, через что ей пришлось пройти, и еще нечто особенное. Не имевшее отношения к чувствам – она увидела несвойственное ему сомнение или опасение.

Когда Алекс взглянула на Патрика, тот не произнес ни слова. Просто пристально посмотрел ей в глаза, наклонился и припал поцелуем к ее губам. Легкое давление, мгновение утешительной сердечности, а потом он выпрямился в своем кресле, ожидая, что скажет она сама.

– Нам не удалось выпить шампанского, – вяло произнесла Алекс.

– Оно охлаждается во льду, – улыбнувшись, ответил Патрик.

– Лед, должно быть, давно растаял. И этикетка отмокла.

– Его вкус все так же хорош. Или я могу купить другую бутылку.

Их пальцы переплелись, и пациентка мягко сжала руку Патрика.

– Как там моя мать?

– Вероятно, размышляет, придем ли мы с тобой к ланчу. Отчаянно хочет обсудить заключительные приготовления к вашей исторической семейной свадьбе.

Алекс насмешливо скривилась. В истории еще не бывало так долго планируемой свадьбы. Ее сестра Памела наконец-то определилась с выбором места проведения, нарядов, фотографа, цветов – и единственной

подружки невесты. Алекс предоставила выбор платья последней на усмотрение своей сестры. После множества примерок самых разных очаровательных платьев и выслушивания от Памелы неизменно сомнительных охов и ахов, она отказалась от участия в выборе. Ведь ей приходилось тратить на походы по магазинам основную часть своих выходных.

– Я имела в виду, как она восприняла эту историю?

Патрик высвободился из ее рук и сложил пальцы домиком.

– Она пока не знает. Мне подумалось, что лучше тебе самой рассказать ей обо всем. Спокойно, при свете нового дня. В общем...

Алекс выпрямилась. Ее пристальный взгляд замечал малейшие изменения в выражении лица Форда.

– Что «в общем», Патрик?

– Просто сегодня твои мысли могут измениться. Может появиться иной взгляд на вчерашнее. Знаешь, дорогая, вчера ночью тебе удалось по-настоящему напугать меня. И я не испытывал большего облегчения в жизни, когда мы все-таки нашли тебя. Погода стояла ужасная. Тебя могла сбить какая-то машина. Ты могла умереть там без помощи.

Вновь началась знакомая уже дрожь. Теперь Алекс знала, чем она вызвана. Паникой. Не из-за того, что с ней случилось, а из-за того, что ей не верят. Она сжала кулаки, вдавив в ладони пальцы с недавно обстриженными ногтями, и приказала себе успокоиться.

– Где меня нашли?

– На парковке.

– Я имею в виду, где именно на парковке?

– Наверное, сразу за ней. Мы с охранником нашли тебя лежащей на траве под деревьями. Рядом валялась пара больших веток, и мы подумали, что одна из них треснула тебя по голове.

– Вот как... Значит, именно так ты и думаешь?

– Нет, – немного помедлив, произнес Патрик. – Вернее, да, возможно, ветка и ударила тебя по голове, но это вовсе не значит, что я не верю в остальные несчастья, случившиеся с тобой. Послушай, Кэролайн Коуэн записала тебя на компьютерную томографию. И, по-моему, это отличная идея. Мы же не знаем, в сущности, насколько сильный удар ты получила. По нашим подсчетам, ты провалялась без сознания больше трех часов. Это на редкость долгий обморок.

– Патрик, а что там говорят остальные? Чем занимаются полицейские?

– Ищут его, но пока безуспешно, никаких следов. Честно говоря, милая, по-моему, они больше разговаривали с твоими коллегами, чем

суетились с поисками этого типа. Не думаю, что они поверили в достоверность твоего рассказа. Все беспокоятся, разумеется. Но, по-моему, полицейские не верят тебе.

Он умолк, не оставив Алекс и тени сомнения в том, что подразумевали его слова. Либо она получила мозговую травму, либо помешалась.

– А ты? Ты веришь мне?

Патрик встал с кресла и присел на край матраса, чтобы иметь возможность обнять свою подругу.

– Разумеется, верю, – прошептал он ей на ухо.

Потом немного отстранился, чтобы видеть ее лицо, и она заметила, что сомнение, таившееся раньше в его глазах, исчезло.

– У меня нет причин не верить тебе, – добавил Патрик. – Разве ты когда-нибудь обманывала меня?

Алекс вновь успокоенно прижалась к его груди. Она привыкла чувствовать себя в безопасности с этим мужчиной. Он интересовал и озадачивал ее в равной мере. Его увлеченная преданность ветеринарии вполне согласовалась с ее собственной приверженностью человеческой медицине. Патрик выделялся честолюбием и целеустремленностью – эффективное сочетание для мужчины, который к тому же выглядит как манекенщик. Они познакомились благодаря его увлеченности регби. В разгар какой-то игры его доставили к ним в больницу с подозрением на перелом лодыжки. Алекс не воспылала к нему любовью с первого взгляда. На самом деле поначалу она сочла его занудой. Патрик знал медицину не хуже ее и начал подробно диктовать ей, как надо его лечить, пока Алекс не поставила его место, заявив, что здесь она – врач и сама будет решать, нужны ему костыли или нет. На следующий день в ее кабинет доставили не слишком оригинальный букет цветов, а следом появился и сам Патрик, пригласив ее куда-нибудь выпить...

Обнимая его, Алекс опять исполнилась тревоги. Она перенесла кошмарную травму и никогда в жизни еще не чувствовала себя такой одинокой и беспомощной. Мысль о том, что ей не поверили, казалась почти невыносимой. Особенно недоверие полицейских. Рядом с ней покачивался воздушный шарик, надутый гелием, а приклеенный к его веревочке стикер гласил: «Скорее поправляйся!» – и она с нежностью подумала, что Фиона, наверное, стащила его у какого-то уснувшего пациента. Хотя от чего ей надо поправляться? От ошеломившего ее удара? От последствий трудного рабочего дня? Неужели все действительно думают, что у нее разыгралось воображение?

Отстранившись от Патрика, она взглянула ему в глаза и прямо заявила:

– На свободе гуляет убийца. Не просто насильник. Тот тип – чокнутый садист. Ты должен поверить, что все случившееся прошлой ночью не является плодом моего больного воображения или результатом мозговой травмы. Я лежала связанная по рукам и ногам, Патрик, и только мысли о тебе удерживали меня от безумия. Несомненно, что я не пролежала на парковке несколько часов. Я находилась во власти такого жуткого выродка, какого ты и представить не можешь. И знаешь, что больше всего меня расстраивает? То, что полицейские не собираются нормально расследовать это преступление. Они не способны поверить, что такое могло случиться. Но я сделаю томографию, и тогда мы сможем опровергнуть самое примитивное заключение – о том, что я потеряла треклятый разум.

* * *

Патрик настоял на своем присутствии в кабинете компьютерной томографии. Защищенный оцинкованным фартуком, он улыбнулся, когда Алекс исчезла в камере установки.

Форд донимал рентгенолога бесконечными вопросами, заявляя, что недавняя травма мозга могла не проявиться так быстро после несчастного случая. Он утверждал, что повреждения сосудов мозга можно не заметить, если не случилось явного кровоизлияния. Предположил, что через несколько дней, наверное, обязательно нужно будет провести повторное сканирование. Рентгенолог терпеливо слушал и отвечал на все его вопросы, а в заключение сказал, что ее мозг не только совершенно нормален, но и что томограмма не выявила даже легкий ушиб. Алекс хотелось рассмеяться, увидев, какое разочарование отразилось на лице Патрика. Ему явно хотелось обнаружить иное объяснение реально случившегося похищения. И кто мог бы обвинить его? Гораздо легче было бы смириться с больным воображением.

Форд стоял в такой напряженной позе, что рентгенолог быстро сообразил, что именно его беспокоит. Алекс обожала Эдварда Даунинга и очень жалела, что в конце этого года он уйдет на пенсию. Даунинг был профессионалом старой школы и обаятельным мужчиной, неизменно вежливым и приветливым, и, вероятно, одним из лучших рентгенологов страны. Добродушно рассмеявшись, он подмигнул Алекс.

– Разумеется, это не исключает некоторых странностей.

– Верно, не исключает, – с готовностью согласился Патрик, пока не

заметил смятения своей подруги. – Ну, я же всего лишь пошутил.

Алекс с благодарностью сжала его руку, боясь, что голос подведет ее. Она преодолеет это злосудие. У нее есть Патрик и Фиона, а еще Кэролайн, конечно. Она не осталась наедине с тем ночным кошмаром.

Вскоре после полудня они с Патриком покинули больницу, и тогда тот поведал ей свой план. Он уже договорился с Кэролайн Коуэн и освободился от собственной работы, пригласив временного заместителя. Так что они поедут отдыхать. На недельку. В жаркие края, где можно валяться на пляже, потягивать восхитительные коктейли и поглощать морские деликатесы. Там Тейлор отлично перезарядит свои батарейки. В нынешнем ослабленном состоянии она могла лишь вяло размышлять о том, почему все пытаются так спешно сбегать ее куда подальше. Разве она не должна быть доступна для полиции, если у них возникнут дополнительные вопросы или они произведут арест, поймав этого преступника? В нормальных обстоятельствах, когда совершено преступление, жертву, конечно, не отпустили бы с такой легкостью в отпуск. И Алекс подозревала, почему именно все так любезно способствовали ее отъезду. Никто не верил, что имело место преступление. Никто не верил, что она стала его жертвой.

Глава 5

Через десять дней, когда самолет авиакомпании «Вёрджин Атлантик» обратным рейсом из Барбадоса доставил их в аэропорт Гатвик, оба они покрылись легким загаром, а Патрик еще и слегка прибавил в весе. Он пребывал в радужном настроении, хотя Алекс выглядела грустновато. Даже после приземления Патрик не снял выданные в самолете яркие желтые носки, и бригада бортпроводников встретила его понимающими улыбками, когда он проходил мимо них в своих открытых кожаных сандалиях.

– В жизни не носил таких уютных носков, – заметил Форд.

Немного опередив подругу, он вышел в зал выдачи багажа и уже сосредоточенно высматривал на табло номер ленты конвейера, где будут выдаваться их чемоданы.

Алекс понимала, почему у него такое хорошее настроение. Вчера вечером они занимались сексом. Любовью она это занятие не назвала бы, поскольку не испытывала чувства любви. Патрик щедро расточал ласки. Обласкал ее вниманием практически с ног до головы. Он воздерживался от проникновения гораздо дольше обычного, и она вполне успела расслабиться и возбудиться. И даже когда проник в нее, все еще могло пройти нормально, если б он не прошептал:

– Не так уж плохо, верно?.. Не так, как если бы... – И, продолжая сдерживаться, вдруг хрипло спросил: – Спираль ведь на месте? Я могу спокойно кончить?

Всего несколько слов, но они резко усугубили страдания Тейлор. Вновь и вновь она пыталась проанализировать их. «Не так уж плохо...» Имел ли он в виду сравнение с ее воображаемым насильником? Все, сказанное им, выдавало его реальные мысли: «Не так, как если бы...»

«Закончи же фразу, – хотелось крикнуть ей, – закончи чертову фразу! Не так, как если бы тебя действительно изнасиловали?»

Они провели в отпуске целую неделю, но сексом занимались только вчера вечером. Все остальные дни Алекс оправдывала отсутствие желания и возбуждения выпитой за обедом бутылкой вина и более поздними коктейлями. Каждый вечер, быстро занырнув под простыню на одну из двух больших односпальных кроватей, она изображала хмельной сон до тех пор, пока не слышала громкий храп Патрика. Тогда бесшумно выскальзывала из номера их колониального отеля и спускалась по задней лестнице на частный пляж перед отелем. Там бродила по песку взад-вперед

под бдительными взглядами секьюрити, мечтая, чтобы отпускные дни скорее закончились и она перестала притворяться, что отдыхает в обычном отпуске, перестала играть роль обычной праздной туристки.

Патрик, погрузив их чемоданы на тележку, остановился возле книжного магазина.

– Нам надо прикупить лимонад и коку для ромового коктейля. Должны же мы достойно отметить окончание отпуска.

– Купим по дороге, – коротко бросила Алекс, стараясь скрыть досаду.

До аэропорта они добирались на его «Лендровере», но сейчас сам Патрик явно не собирался садиться за руль. В самолете он выпил несколько бокалов вина, а в промежутках между кормежками заказывал еще и лагерь^[3].

Основную часть поездки на машине Патрик провел в полулежачем положении, пристроив на край «торпеды» ноги в ярких желтых носках. Он оживился в Чиппенхэме, где Алекс заехала на станцию обслуживания, и когда она быстро направилась к зданию, чтобы воспользоваться дамской комнатой, крикнул ей вслед:

– Не забудь коку!

Взяв кока-колу и молоко на утро, Алекс встала в очередь в кассу, отчаянно пытаясь избавиться от приступа уныния. С ним было легче справиться, выпивая коктейли на солнечном пляже, но с каждой милей, приближавшей ее к дому, увеличивалось ощущение ужаса. Вполне естественно, что Патрик забыл о главной причине их отпуска. Казалось, он уже полностью успокоился и похоронил неприятное прошлое. Вполне возможно, что это был его способ выживания, но чрезмерная общительность и глупые запросы в аэропорту впивались в мозг Алекс точно иголки.

Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Продвигаясь к кассе, пробежала глазами выложенные на прилавок свежие газеты. Ее внимание привлекала первая страница «Вестерн дейли пресс»:

«Медсестра из Бата по-прежнему не найдена».

Алекс склонилась к газете, читая заметку:

«Растут опасения за судьбу беременной двадцатитрехлетней Эми Эббот. Младшая медсестра пропала четыре дня назад. Последний раз Эми видели в воскресенье на площади Кингсמיד. Одета в синие джинсы, светло-зеленую рубашку и рыжевато-коричневую кожаную куртку, она...»

Ее отвлекли звуковые сигналы, а потом голос продавца произнес:

– Два фунта восемьдесят девять пенсов, пожалуйста.

Оплатив покупки, она уныло поплелась обратно к машине.

На последнем участке поездки Алекс приняла решение. Разбудив Патрика, когда машина остановилась около его дома, она сообщила, что, по ее мнению, сегодня каждому из них лучше выспаться у себя. Ей необходимо отлежаться, учитывая завтрашнее ночное дежурство, и ему утром тоже возвращаться к работе, поэтому, возможно, идея сегодняшнего потребления ромовых коктейлей не так уж хороша. Алекс добавила, что вернет ему машину завтра утром. Все это она протараторила легкомысленным тоном и испытала облегчение, когда Патрик не стал особо возражать. Ее отлично устроил краткий поцелуй и его обычный прощальный взмах руки.

* * *

Войдя в свою квартиру, Алекс включила везде свет, проверила, надежно ли закрыты окна, и заперла входную дверь на оба замка. Она выбрала для жилья этот дом ради собственной безопасности и душевного спокойствия. И решающим положительным фактом стало наличие домофона на главной входной двери.

Щедро плеснув в стакан рома, Алекс опустилась с ним на пол в гостиной, прислонилась спиной к стене и, поставив рядом телефон, прослушала сообщения. Три – от матери, все о последних приготовлениях к свадьбе, назначенной на следующую неделю. Одно – от Кэролайн, с нетерпением ожидающей ее возвращения; веселое, оптимистичное, выражавшее надежду на то, что она хорошо отдохнула.

Последнее из записанных сообщений оставили в половине шестого.

«Привет, сообщение для доктора Тейлор. Это Мэгги Филдинг. Я получила результаты ваших обследований. Обычно я не оглашаю их по телефону, но уверена, что вам не терпится их услышать. Доктор Тейлор, у вас всё в порядке, поэтому можете перестать принимать антибиотики. – И после небольшой паузы: – Послушайте, если хотите, я готова поговорить... в любое время. У вас есть мой рабочий телефон, но просто на всякий случай сообщаю вам номера моих домашнего и мобильного телефонов».

Алекс не стала записывать эти номера, а просто сохранила все сообщение. После третьего стакана рома поднялась, стащила с дивана подушку и улеглась на пол. И с подушкой под головой, прижавшись спиной к стене гостиной, широко открытыми глазами оглядела эту ярко освещенную комнату.

Патрик не говорил, что перестал ей верить, однако многое сказало уже то, что он поднял эту тему лишь однажды, в последний вечер. Алекс задумалась, не пришел ли он к выводу, что у нее случилась странная форма психоза, и не удобнее ли будет позволить ему остаться при своем заключении. Ее мать и сестра по-прежнему пребывают в неведении.

А Мэгги Филдинг давала ей шанс выговориться...

Доктор Тейлор понимала, что профессиональный психоаналитик помог бы ей отделить фантазии от фактов, сны от реальности – если бы, разумеется, у нее действительно случилось какое-то нервное расстройство или если бы все случившееся ей пригрезилось.

Но она точно знала, что ничего ей не пригрезилось. Ее платье – Алекс помнила, как удивилась, обнаружив, что опять одета в него. Когда Кэролайн помогла ей сесть на каталке, она откинула край белой простыни и в изумлении уставилась на свой наряд. Лора Бест заметила еще, что все пуговицы аккуратно застегнуты. И действительно, так и было. Все эти пуговички в форме сердечка старательно вставили в нужные петельки. Однако никто из них не заметил, каким чистым осталось платье. А ведь предполагалось, что она провалялась больше трех часов на траве под деревьями. И все твердили о том, какой ужасной была погода. Холодная и дождливая ночь... но никто не заметил, что ее одежда осталась сухой.

Глава 6

Наклонившись, Алекс завязала шнурки кроссовок. Затем положила в карман стетоскоп и жгут, прицепила именной бейдж, закрепила пару ручек на треугольном вороте рубашки и подошла к большому зеркалу. Пояс зеленых брюк, скрытый верхней блузой, стал слишком свободным. Алекс всегда сохраняла стройность и поддерживала хорошую форму спортивными пробежками. В университете она два года подряд завоевывала второе место на стометровке и спустилась на третье лишь однажды, когда прохладным летним днем на дорожку впервые вышла одна шестнадцатилетняя студентка и установила новый студенческий рекорд. С тех пор Алекс прочитала о ней в газетах несколько статей – головокружительный взлет этого юного дарования в легкой атлетике завершился мировым чемпионством и завоеванием золота на Олимпиаде 2016 года.

С легким загаром и чисто вымытыми каштановыми волосами, стянутыми на затылке в пучок, Алекс выглядела довольной и полной жизни... на первый взгляд. Лишь при ближайшем рассмотрении становились заметными темные круги, скрытые под слоем косметики. Освеженные каплями глаза блестели, но только потому, что она намеренно сохраняла на лице веселое выражение. Ее скулы уже сводило от профессиональных улыбок.

Целый день Алекс подавляла искушение выпить чего-нибудь покрепче, но в последний момент, уже сняв с вешалки куртку перед выходом из квартиры, ослабила борьбу и все-таки запила глотком водки «Абсолют» маленькую таблетку диазепама. При излишнем легкомыслии это легко могло войти в привычку. С вечера похищения она выпивала ежедневно. Отпуск в какой-то мере оправдывал выпивку, но этот глоток перед работой должен остаться единственным. Она сделала его для храбрости. Исключительный случай.

Глубоко вздохнув, во всеоружии как никогда, Алекс покинула раздевалку и вышла в коридор своего больничного отделения.

Ее ждала ночь пятницы, а значит, придется напрячься. Никто не обращал на нее особого внимания. На большой белой доске объявлений все одноместные палаты «тяжелых» больных уже были заполнены новыми именами. В конце коридора бригады «Скорой помощи» ожидали принятия пациентов. Быстрая проверка компьютера показала, что «легкие» палаты

тоже заняты. За стеклянной перегородкой врачебного кабинета Алекс заметила Натана Белла – тот поедал чипсы «Доритос», одновременно печатая на клавиатуре, – и заглянула к нему спросить, готов ли он сдать дежурство.

Высоченный и тощий, почти как скелет, Натан не мог даже спокойно сидеть. Его правая ступня постоянно постукивала по полу, а из-за этого подергивалась и вся нога, что, вероятно, объясняло, почему так быстро сгорают все калории усиленно потребляемой им нездоровой пищи. Он проработал в отделении уже год и проявил себя как хороший врач, хотя пациенты относились к нему с подозрением – их шокировала ярко-красная гемангиома на левой половине его лица. Алекс раздумывала, пытался ли Натан вообще изучить возможность лазерной терапии для уменьшения интенсивности такой красноты.

– Присоединюсь к тебе через минутку, хотя спешки никакой нет. Я остаюсь до полуночи, – сказал он.

– Почему? – поинтересовалась Алекс. – Кто-то заболел?

Белл покачал головой, продолжая просматривать на мониторе данные анализов крови.

– Нет. Кэролайн подумала, что тебе в первый день после отпуска может понадобится помощь.

Он прямо заявил ей об этом, хотя Коуэн, как подозревала Алекс, не хотела бы, чтобы она узнала об этом. На самом деле, вероятно, Кэролайн просила Натана подыскать правдоподобную причину для продолжения работы на несколько часов. Он мог, к примеру, сказать, что в ночь пятницы всегда полно работы, а ему некуда спешить. Но Натан Белл не умел врать. Он отличался грубоватой правдивостью.

Алекс уже собиралась заметить, что ему нет необходимости задерживаться, когда трансивер изверг пронзительный крик.

– Я догоню тебя, – сказал Белл, – мне нужна еще лишь пара минут.

Фиона Вудс на приемном пункте, вооруженная трансивером и ручкой, готовилась записать подробности от парамедика. Окружавшие ее коллеги примолкли, чтобы она лучше слышала сообщение звонившего, и часть пациентов и посетителей тоже замерли, прислушиваясь к ее разговору.

– Приемный покой отделения неотложной помощи, – четко и ясно произнесла Фиона.

Ее новая прическа выглядела убийственно: плотно заплетенная французская косичка до предела натягивала кожу на висках. Вудс постоянно сражалась со своими натуральными кудрями, и Алекс не сомневалась, что эта новая попытка к концу смены обеспечит ей головную

боль.

– Имеется молодая женщина без сознания на месте происшествия. Глазго – шкала тяжести комы – двенадцать, глубокое оглушение. Систолическое давление – восемьдесят пять. Частота сердечных сокращений – сто десять. Дыхание – двадцать шесть. Сатурация кислорода в крови – девяносто девять процентов. Джинсы в крови – либо ректальное, либо вагинальное кровотечение. Прием.

Нажав кнопку передачи, Вудс спросила:

– Известно, беременна ли она? Прием.

– Не установлено. Мы имеем словесный ответ, но невнятный. У нас нет истории болезни. Прием.

– Расчетное время прибытия? Прием.

– Четыре минуты. Мы на территории больницы. Ей удалось самой добраться сюда.

– Спасибо, бригада «пять-три-четыре». Отделение готово оказать помощь.

Сопровождаемая Фионой, Алекс быстро направилась в реанимацию. Когда врачи вошли в реанимационную палату, Вудс коротко сообщила медсестрам сведения о поступающей пациентке. Алекс порадовалась, что на дежурстве сегодня именно она. Фиона была великолепным специалистом и после семи лет работы в медицинской сфере знала практически все о специфике экстренной помощи. Алекс машинально натянула перчатки, надела зеленый пластиковый фартук и прошла во второй отсек, чтобы проверить аппаратуру. Проверка исправности приборов считалась залогом успешной помощи.

У стены, за передвижной медицинской кроватью на колесах, находился стеллаж с оборудованием. С первого взгляда Алекс поняла, что всё на месте, но проверила каждый прибор. Проверка заняла меньше минуты, после чего она перешла к другим устройствам: прибору для подачи кислорода и дыхательному реанимационному мешку, укомплектованному специальной маской, которые использовались для поддержания вентиляции легких. Нажимая соответствующие кнопки и щелкая тумблерами, включила кардиомониторы, которые сразу тревожно запиликали, пытаясь найти объект измерения.

За перегородкой, разделявшей отсеки, Натан готовил шприцы и спринцовки, выкладывая их на столик. В некоторые он набрал солевой раствор, а остальные распаковал и приготовил для взятия анализов крови. Фиона Вудс и другая медсестра подвесили к штативу капельницы два литровых пакета с теплой жидкостью. Очередной пункт проверки в

критической ситуации – работа рентгеновской установки. Палату тщательно подготовили к приему больной. Режим ожидания в состоянии полной готовности к любым неожиданностям.

* * *

Кровь женщины, пропитавшая белое покрывало, расплзлась обширным ярко-красным пятном. Она стекала за край каталки на колеса и на пол. Под кислородной маской белело почти бескровное лицо. Веки подергивались, изо рта доносились еле слышные стоны. В течение нескольких минут, понадобившихся для доставки пострадавшей в палату, ее состояние серьезно ухудшилось. Потеря крови увеличивалась с каждой секундой.

Пока они перекладывали больную, Натан Белл наложил жгут на ее левую руку, вставил иглу и подсоединил капельницу с раствором, вставленным в давящий пакет, для обеспечения ускоренной и стабильной подачи.

– Есть вообще хоть какие-то сведения о том, что случилось? Какая-то травма? Что с ней произошло? – быстро спросила Алекс, проводя предварительный осмотр пациентки.

О критическом состоянии говорили огромная потеря крови, пепельный цвет лица и побелевшие пальцы.

– Поступил вызов по «девять-девять-девять», – ответил парамедик. – Ее обнаружили прямо на территории нашей больницы – очевидно, пыталась найти помощь. Парочка, столкнувшись с ней, сказала, что она что-то простонала, а потом упала прямо на них. Сначала никак не отреагировала на наше вмешательство, а потом, уже загрузившись в машину, мы услышали ее тихие стоны.

– Выяснили имя?

– Карманы проверить не успели. Сумки при ней не было, но, может, что-то обнаружится в куртке.

Алекс не понравились низкие гортанные звуки, издаваемые женщиной. Они зарождались где-то в глубине грудной клетки, и, по оценкам шкалы комы Глазго, неврологическим функциям и уровню сознания, ее состояние продолжало ухудшаться.

Фиона Вудс приготовила ножницы, а ее напарница удалила пропитанное кровью покрывало. Синие джинсы пострадавшей от паха до

колен потемнели от крови, как и ее светло-зеленая блузка.

Фиона умело и спокойно разрезала одежду.

– У нее маточное кровотечение, – мгновенно определила она. – Я вставлю катетер. В трусах сгустки.

Тейлор переместилась к ней от головного края кровати и осмотрела обнаруженное. В темной свернувшейся крови виднелись светлые выделения.

– Похоже на эмбриональные ткани. Положи их в лоток, – велела Алекс. – Запиши выявление травмы и состояние, срочно требующее привлечения акушера-гинеколога.

Для такой травмы могло также понадобиться участие анестезиолога и хирурга общей практики.

– Мы имеем кровопотерю третьего класса, быстро усиливающуюся до четвертого. Мне срочно необходимо привлечение других специалистов, – добавила Алекс.

Очередные двадцать минут жизнь в организме молодой женщины поддерживалась физиологическими растворами и вливаниями донорской крови. Предстояла операция. Прибыла срочно вызванная подмога, и в контролируемом стремительном процессе четких действий делалось все возможное для стабилизации состояния пациентки и обеспечения интенсивной терапии.

Анестезиолог готовился дать женщине наркоз. Весь персонал реанимационной напряженно трудился, быстро оказывая ей неотложную помощь. Пробы крови уже отправили на обследование, а кровоточившие сосуды зажали, перекрыв все источники кровотечения.

Алекс подошла к головной части кровати с респиратором и увидела, как под кислородной маской задвигались губы. Слыша тихий ток кислорода, она склонилась к лицу пациентки и спокойно заговорила с ней, используя такие же простые слова, какими недавно говорила с ней Кэролайн:

– Привет, милая. Меня зовут Алекс, я врач. Ты в больнице, в полной безопасности. Сейчас я помогу тебе. Ты можешь сказать мне, как тебя зовут?

Веки женщины затрепетали, и вот она открыла голубые глаза. Тейлор заметила, что они нормально сфокусированы. Взгляд был осмысленным, и врач сердечно улыбнулась тяжелобольной.

– Привет, милая, ты поговоришь со мной?

Голос пациентки был слабым, дыхание затруднено, и Алекс интуитивно почувствовала, что эта молодая женщина не выживет.

Возможно, сейчас она вообще сказала свои последние слова, поэтому Тейлор оставила без внимания жесты анестезиолога, предлагавшего ей уступить ему место для работы. Ей хотелось дать больной немного времени для такой последней возможности.

– Передай маме, что я прошу простить меня, – проговорила умирающая. – Передай, что я люблю ее. Я оказалась такой дурой... Я...

Она начала задыхаться, и Алекс мгновенно вернула на место кислородную маску.

Около нее появилась Фиона. Улыбнувшись пациентке, она мягко, но настойчиво сказала:

– Алекс, ее необходимо срочно оперировать.

Доктор Тейлор погладила лоб женщины.

– Я передам ей, милая, но тебе скоро станет лучше, и ты сама сможешь поговорить с ней.

– Алекс! – скрипнув зубами, властно произнесла Вудс.

– Доктор Тейлор, вы должны пустить к ней анестезиолога, – невозмутимо заявила Мэгги Филдинг, и ее голосу наконец удалось прояснить Алекс всю срочность ситуации.

Она окинула пристальным взглядом бригаду медиков, окруживших ее, – на их лицах запечатлелось нетерпеливое ожидание.

– Доктор Тейлор, мы должны помочь ей! – выразила общее мнение Мэгги.

Веки больной вдруг поднялись, и открывшиеся глаза исполнились страхом.

– Вы говорили, что поможете мне. Вы, вы... – Ее глаза опять закрылись, но она успела прошептать последние слова: – Мне надо было сказать «да»...

Глава 7

Семье еще придется опознать умершую, однако в кармане ее кожаной куртки обнаружился кошелек с дебетовой картой Национального Вестминстерского банка и «Баркликард»^[4], что позволило идентифицировать женщину как Эми Эббот.

Смерть констатировали два часа назад, но покойная пока лежала в реанимации. Эми Эббот не суждено было проехать по коридорам в больничный морг, поскольку за ней уже прислали черный фургон с коронером. Осмотрев труп женщины, коронер упаковал ее вещи в мешки и снял фотокопии с медицинского отчета. Рядом с ее каталкой дежурил полицейский, дожидаясь распоряжения на перевозку.

Алекс хотелось причесать ее темные волосы, вымыть испачканные кровью руки и убрать у нее изо рта ужасную дыхательную трубку, но она не имела на это права. Эми Эббот больше не была ее пациенткой. Теперь о ней позаботится коронер. Будет проведено вскрытие, ее органы извлекут из тела, рассекут и будут досконально изучать под микроскопом, пока не выявят причины, повлекшие смерть.

Последний час Алекс простояла на одном месте как вкопанная. Не мешая полицейским, она находилась достаточно близко, чтобы видеть лицо Эми. Судя по его чертам, больная упокоилась явно не с миром в душе. В ее широко открытых глазах осталось удивление, а раскрывшиеся губы застыли в мучительном изгибе.

В палате появился полицейский в штатском, и Алекс видела, как он разговаривал в углу с Натаном Беллом, Мэгги Филдинг и анестезиологом. Затем глянул в ее сторону и коротко кивнул, видимо, узнав, кто она такая. Анестезиолог говорил больше всех, и по его натянутому выражению лица и жестам, дважды указавшим в ее направлении, создавалось впечатление, что он считал Тейлор виновной в сложившейся ситуации.

Когда Эми Эббот произнесла последние слова, анестезиолог, не особо церемонясь, оттолкнул Алекс в сторону, заняв ее место. Очередные полчаса он пытался реанимировать женщину, обеспечивая вентиляцию легких, пока Натан Белл делал ей непрямой массаж сердца. Услышав, что Алекс заявила о необходимости вызова коронара, последний спокойно согласился с этим. Предполагалось констатировать внезапную смерть от неизвестной причины, но когда Алекс заявила, что, по ее мнению, Эми убили, его брови удивленно поднялись, и она отчетливо услышала, как он процедил сквозь

зубы:

– О господи! Так, значит, вы та самая...

У доктора Тейлор осталось мало сомнений в том, что ее персону широко обсуждали, что коронер слышал о ее похищении и, судя по его тону, относился к этой истории скептически.

Фиона Вудс и остальные медсестры смущенно отвели глаза. Натан Белл, постукивая ногой по полу, сосредоточенно копался в приборах на стеллаже. Но Мэгги Филдинг удивила Алекс. Сделав вид, что ей надо выключить кислородный концентратор, находившийся за ее спиной, она ободряюще сжала ее плечо и уверенно сказала:

– Вы сделали все что могли.

Детектив в сером костюме направился к Алекс.

– Доктор Тейлор? Меня зовут Грег Тёрнер, инспектор уголовной полиции, – представился он. – Не могли бы мы найти тихое место для разговора?

Алекс заметила залоснившееся пятно на его темном в крапинку галстуке и загнутые кончики воротничка белой рубашки. Вероятно, он лишь недавно разменял четвертый десяток, однако в его черных волнистых волосах серебрились седые пряди, и от усталых зеленых глаз расходились лучики морщинок.

Ставив резиновые перчатки и сунув их в карман, Алекс направилась в ближайшее относительно тихое место. Там опустилась в одно из низких квадратных кресел, а полицейский устроился напротив – так, что между их коленями осталось буквально несколько дюймов.

– Почему вы решили вызвать нас? – спросил он, положив руки на колени. – Вы знали, что она находилась в розыске? Что это именно Эми Эббот? Медсестра, работавшая в этой больнице?

Алекс прочистила горло, подыскивая правильные слова в надежде, что их воспримут как попытку профессиональной помощи.

– Я узнала, кто она, лишь после ее смерти. Вскоре после того, как вызвала вас. Я слышала, что она работала у нас, хотя никогда не сталкивалась с ней. А вызвать вас меня побудило то, что она сказала.

Ее молчание побудило Тёрнера задать логичный вопрос:

– И что же?

– Она успела произнести лишь несколько фраз. Мы как раз собирались дать ей наркоз, когда я увидела, что она пытается что-то сказать. Попросила меня передать матери ее извинение и признание в собственной глупости. А потом сказала: «Мне надо было сказать “да”...»

Выражение лица Грега Тёрнера оставалось практически

непроницаемым. Ни его глаза, ни очередной вопрос не проясняли того, о чем он думал.

– И вы осознали, что таких слов достаточно, чтобы вызвать нас?

– Да.

– Почему?

Алекс откинулась на спинку кресла, сожалея, что в такой тесной комнате у нее нет возможности встать и побродить. Ей было бы легче говорить в движении, а не лицом к лицу с въедливым детективом.

– Две недели назад со мной кое-что случилось, хотя не думаю, что ваша коллега поверила моей истории. Я собиралась встретиться на нашей парковке со своим другом, Патриком. Сразу после окончания вечерней смены. Я потеряла сознание, а когда очнулась, обнаружила себя во власти странного человека. Я была... Послушайте, возможно, будет лучше, если вы поговорите с детективом Бест. Она все подробно записывала. Мне... э-э... не то чтобы мне трудно вспоминать об этом. Просто... В общем, честно говоря, я сомневаюсь, что вы поверите мне.

Неожиданно по щекам Алекс заструились слезы.

Вытащив из стоявшей рядом упаковки несколько салфеток, Грег Тёрнер вручил их ей.

– Что ж, сами-то вы, очевидно, уверены в своей истории. Если не возражаете, я предпочел бы услышать ее из первых уст.

За полчаса Алекс успела выложить инспектору все, вплоть до результатов томографии и отпуска на Барбадосе.

– И сегодня вы первый день как вернулись к работе? – сразу уточнил он.

– Да.

– Может, следовало отдохнуть подольше?

Разочарованно закрыв глаза, Алекс смиренно вздохнула.

– Доктор Тейлор, вне зависимости от того, на самом ли деле произошло похищение, что вы полагаете как врач? – спросил Грег. – Могли бы вы рекомендовать так быстро вернуться к работе тому, кто испытал подобные ужасы? Ведь на вашу долю выпало крайне стрессовое и травматическое испытание.

Алекс выпрямилась, расправила плечи и вздернула подбородок.

– Именно о таком испытании Эми и сказала напоследок. Меня он спрашивал о том же самом.

– Доктор Тейлор, ее слова могли означать все что угодно. Ее «да» могло подразумевать множество вариантов. Результаты вскрытия будут готовы утром. Не лучше ли подождать с выводами? У родителей Эми

Эббот и так будет достаточно проблем, когда они узнают о смерти дочери. И речи быть не может о том, чтобы сообщить им о ее возможном убийстве. Вернувшись в участок, я изучу показания, данные вами констеблю Бест, и узнаю, насколько продвинулось следствие. Я свяжусь с вами, когда разберусь в деле. А пока мне хотелось бы попросить вас не обсуждать ни с кем ваше мнение относительно того, что произошло сегодня ночью. Это никак не поможет родителям Эми, да и, честно говоря, никому не принесет пользы.

– Вы верите мне? – набравшись смелости, спросила Алекс.

Ее собеседник встал, пригладил пиджак и застегнул вторую пуговицу.

– Доктор Тейлор, вы испытали серьезный стресс. Возможно, вы слишком быстро вернулись к работе. Уверен, ваши коллеги поймут, что вам необходимо еще отдохнуть, – он вежливо улыбнулся, – ведь у вас трудная работа. И, безусловно, учитывая, сколько страданий вы видите, – почему бы вам не подарить себе еще немного отдыха?

Глава 8

Кожа ее рук покраснела, пальцы выглядели толстыми и распухшими. С момента возвращения домой Алекс сидела на полу в душевой кабине, подтянув к себе ноги и обхватив колени руками. Рабочий костюм промок, облепив ее дрожащее тело, а глаза болели от продолжавших скатываться по щекам жгучих слез.

Сквозь шум сильных струй воды она слышала несколько телефонных звонков и предположила, что ей звонили либо Фиона, либо Кэролайн, поскольку заведующая уже могла узнать о сегодняшнем ночном происшествии в ее отделении. Однако пока она была не готова говорить с ними. Они не верят ей, так какой же смысл в дальнейших разговорах? Натан Белл попытался отговорить ее от спешного ночного ухода, но Алекс упрямо стремилась как можно скорее выбраться из больницы. Куда бы она ни взглянула, повсюду видела озабоченные и смущенные лица сотрудников. Фиона Вудс крепко обняла ее на прощание, но даже она, несмотря на изначальную обеспокоенность, теперь, услышав попытки новых объяснений, раздраженно закатила глаза, и Алекс начисто покинули остатки уверенности в себе.

Они ведь были ее лучшими подругами, не просто коллегами. У каждой из них случались тяжелые времена, и когда возникала нужда поплакаться в жилетку, любая с готовностью подставляла плечо. В худших случаях они плакали вместе, особенно когда умирали молодые пациенты. Тогда они напивались, топя свои печали в вине. Фиона одна из немногих знала, через что Алекс пришлось пройти тринадцать месяцев назад. Но, казалось, она совсем забыла о той травме. И кто стал бы ее винить?

Вудс подтвердила, что Алекс уже срывала крайне сложные ночные дежурства, вызывая длительные простои. Когда Натан Белл предложил вызвать Кэролайн, Алекс жутко разозлилась. Ее безудержная ярость прорвалась прямо в служебном помещении, в стенах которого она и извергала яростные проклятия.

Потрясенный Натан опасливо попятился от нее, а Фиона отфутболивала всех, кто пытался зайти в комнату. Алекс еще не видела такого яркого оттенка свекольного пятна на его лице – оно приковывало ее взгляд до тех пор, пока в нем не проявилось достаточное отвращение, побудившее ее броситься к двери.

За мгновения своей недостойной выходки она в сердцах перевернула

горшок с южкой и опрокинула чайный поднос, оставив в кильватере еще больше бардака и бурных недоуменных вздохов.

Как же, размышляла Алекс, она дошла до такой жизни? Ей ведь удалось восстановить разбитое душевное спокойствие и жить дальше, оставив позади ту стрессовую ситуацию. С каждым новым прошедшим месяцем личные датчики тревоги звучали все слабее, и все реже появлялись призрачные кошмары. Она познакомилась с Патриком, и постепенно ее страхи значительно уменьшились, а по прошествии года Алекс уже радовалась тому, что приняла решение остаться в Бате, раздумав возвращаться в лондонский госпиталь Святой Марии. Она полагала, что это прошлое стало далеким воспоминанием и его кошмары больше никогда не повторятся. Только вот сейчас, тринадцать месяцев спустя, ей предстоит справиться с гораздо более сложной ситуацией.

С ситуацией совершенно иного плана. Этот тип не удовлетворится насильственным похищением женщины. Ему явно хотелось почувствовать кровь жертв на своих руках. Он бродит где-то поблизости; возможно даже, как раз сейчас выбирает очередную жертву, а полицейские не способны поверить в его существование... Как же такое вообще может быть? Неужели она представляется им столь невероятной жертвой? Над ней теперь тайком смеялись, и она уже прославилась на всю больницу как «та самая...», если судить по замечанию анестезиолога. Алекс подозревала, что он не договорил главного: «Та самая сумасшедшая».

Уж лучше и впрямь сойти с ума. Ей хотелось, чтобы все случившееся привиделось ей в бредовом сне, ведь тогда у нее появилась бы возможность, вновь справившись с нервами, продолжать жить, не думая о том, почему похититель оставил ее в живых, почему оставил в неведении относительно того, была ли она изнасилована. Никаких физических признаков насилия не обнаружили, никаких внутренних повреждений и следов на ее бедрах, но, с другой стороны, откуда они могли появиться, если ее лишили возможности сопротивляться, если погрузили в наркотический сон, и она не могла ни остановить этого мучителя, ни узнать, что он сделал с ней? Или именно так он все и задумал? Просто заставить ее думать, что ей суждено умереть, что ее изнасилуют? Запудрить ей мозги... Похоже, какой-то садист решил поразвлечься.

Какими бы мотивами он ни руководствовался, ему удалось лишить ее нормальной жизни, опять поставив в положение, не имевшее ни малейшего сходства с нормальным бытием. Ежедневно Алекс прокручивала в памяти обстоятельства того происшествия, повторяя свои жалкие попытки договориться с ним. Вспоминала все то время, что пролежала в какой-то

операционной, думая, что поймана в ловушку, раненая и беспомощная...

Лучше, чем большинство женщин, она представляла, как надо действовать в случае столкновения с таким типом – кричать во всю глотку, царапаться, кусаться, стремясь вырваться от него; представляла, как можно отбиться от него. И в заключительной сцене она обычно убегала, видела свет в конце тоннеля, видела человека, готового помочь, а потом, успокоившись, разражалась слезами облегчения, и все окружающие старались помочь ей, защитить ее... и все верили ей.

Она считала себя смелой. Способной справиться с любыми трудностями. Способной выжить в самой невообразимой ситуации.

До сих пор.

Взяв бутылку водки, Алекс сделала очередной глоток. Она не собиралась сегодня возвращаться на работу, так какой же смысл оставаться трезвой? По крайней мере, она сможет забыться.

Глава 9

Натянув поверх спортивного костюма хирургический, Алекс сунула ноги в синие кожаные сабо. Она спокойно миновала безлюдный приемный покой, но не особо удивилась его пустоте. Сейчас, в середине ночи, дежурный мог и отлучиться.

Выбравшись из душа после того, как вода совсем остыла, Алекс приняла решение прекратить напиваться и вернуться в больницу, пока еще мужество не покинуло ее и ею не завладело решение никогда больше туда не возвращаться.

Она направилась прямо к операционным. Ей захотелось взглянуть на них ночью, когда стихает суэта, и попытаться выяснить, каким образом ее могли перевезти туда тем вечером так, что никто ничего не заметил.

Пока это казалось вполне возможным.

Возле каждого входа в здание стояли наготове кресла-каталки, и в конце коридора операционного отделения выстроился целый ряд пустых каталок. Если б кто-то в хирургическом костюме положил ее на одну из них, накрыл покрывалом и повез куда-то, то никто и не подумал бы останавливать его и о чем-то спрашивать. Если б она, проходя здесь, случайно встретила кого-то, то с легкостью придумала бы правдоподобное объяснение. Одетая, как остальные сотрудники операционного отделения, ответила бы, что пришла сюда что-то забрать.

Во второй операционной, где обычно занимались травмами, шла операция. На табло, включенном над двухстворчатыми дверями, высвечивалась предупредительная надпись: «Занято». И, испытывая чувство вины, Алекс подумала, что за время ее позорного бегства «неотложка» привозила, возможно, срочных больных, и Натан Белл трудился там один, если, конечно, не позвал на помощь кого-нибудь – к примеру, Кэролайн.

В больнице было восемнадцать операционных: восемь в основном блоке, пять в амбулаторной хирургии, три в родильном отделении, и две больше не использовались по исходному назначению. Раньше в этих закрытых палатах размещалась старая амбулаторная хирургия, а теперь их использовали для приема амбулаторных больных. Поговаривали и о других закрытых операционных, сохранившихся с викторианских времен, которых Тейлор никогда не видела, – они находились в подвальном этаже, недоступные и закрытые не только для больных, но и для персонала. По

слухам, их затопило порядка ста лет назад, и вместо восстановления и ремонта над ними воздвигли корпуса новой больницы. Алекс мельком подумала о том, не стоит ли ей найти их и проверить, действительно ли они сейчас недоступны, – и спросила себя, у кого ей надо получить разрешение на такую проверку. Хотя очнувшись она в современно оборудованной палате, оживленной сигналами мониторов и аппаратуры, и шипением кислородного концентратора... Пожалуй, сначала лучше попытаться поискать в современных отделениях.

Следуя по коридору, Алекс быстро и тихо заходила в каждую операционную и оценивающе рассматривала потолки и обстановку, но не нашла ничего похожего на то, что искала. Подойдя к восьмой палате, она услышала шум движущейся каталки и быстро спряталась. Напрягая слух и пытаясь определить, откуда именно везут каталку, уперлась взглядом в латунную табличку на стене коридора. Табличка увековечила память одного хирурга, и выгравированное на ней изречение, казалось, высмеивало нынешнее положение Алекс: «Свет добрых дел вечен».

А как же быть с тьмой злодеяний? Неужели она тоже вечна? Или их тоже надо простить, дабы протиснуться в жемчужные врата Небесного Иерусалима? Прости того, кто согрешил против тебя, и получишь бесплатный пропуск в рай...

Наконец Алекс рискнула выглянуть в коридор. Никого там не увидев, вышла из укромного места и направилась к восьмой операционной. Открыв двухстворчатые двери, проскользнула в наркозную комнатку. Относительно небольшая, эта комнатка вмещала лишь аппаратуру анестезиолога, чтобы тот мог провести там предварительную подготовку для совместной работы с хирургом. Запертые шкафы с медикаментами и рабочие столы окаймляли наркозную тележку и маленький наркозный аппарат.

За второй парой двухстворчатых дверей располагалась сама операционная палата. Одна стена поблескивала стальным блеском – там на пульте размещалось множество переключателей и розеток, а также встроенные стеклянные панели для просмотра рентгеновских снимков. Не включая света, Алекс подошла к операционному столу. Путь ей освещал свет, проникавший сквозь матированные панели из наркозной комнаты, и она достаточно ясно разглядела подвешенный над столом круглый светильник. И осознала, что в ту ночь ее ослеплял светильник другого типа. Тот, тоже круглый, вмещал семь лампочек и имел значительно больший диаметр. С одной стороны у него, точно стационарная антенна, торчала позиционная рукоятка, позволяющая оперативно менять направление светового потока. Лежа на этом столе под воздействием наркоза, вы вполне

могли подумать, что на вас уставилось семиглазое роботизированное насекомое.

Плечи доктора Тейлор вдруг поникли, когда она здраво оценила свои намерения. Поиски вылились в напрасную трату времени. Каким образом она собирается узнать, под каким именно светильником лежала? Что она, собственно, видела? Круглые очертания, возможно, меньше, чем у того светильника, который только что осмотрела? Но это же фактически мог быть любой из светильников, виденных ею только что в одной из операционных. Ее же почти полностью ослепляло его сияние.

Алекс напряженно застыла, услышав, как открылись внешние входные двери. Стоя недвижимо и тихо в полумраке операционной, она видела чей-то силуэт за матированными дверными панелями. Очертания высокого человека в синей одежде. Хирург или анестезиолог, насколько она могла судить, разглядев ярко-розовый головной убор. Кто-то в выборе шапочек отдавал предпочтение моде, а остальные выбирали разные цвета, осознав необходимость быть легко узнаваемым среди врачей, традиционно носивших синие шапочки.

Опасаясь, что ее вот-вот обнаружат, Алекс почувствовала, как заколотилось вдруг сердце. Она слышала звяканье ключей, открывших шкаф с медикаментами. И через мгновение до нее донесся стук закрывшейся металлической дверцы, а потом опять открылись и закрылись внешние двери, ведущие в коридор. И тишина.

Дрожа от облегчения, она успокоенно перевела дух. Ей пора уезжать домой, подальше от этого места и от воспоминаний о нем. Запереться дома на все засовы, выпить водки и разогнать ужасных зловещих призраков. У нее не хватило смелости продолжить самостоятельные поиски.

Глава 10

Грег Тёрнер ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Поморщился, уловив запах пота собственных подмышек. Скоро он примет душ в служебной кабинке и переоденется. Прошедшей ночью инспектор увидел, что доктор Тейлор заметила грязное пятно на его галстуке, и ему захотелось прикрыть его, скрестив руки на груди. Он редко испытывал смущение, однако что-то в ее облике – свежесть, чистые волосы или, может, уязвимый взгляд – побудило его держаться подальше от людей, пока он не примет душ, не побреется и не повяжет чистый галстук.

Детектив вздохнул. Сон в офисном кресле оказался не лучшей идеей, но инспектор так поздно закончил разбираться с материалами дел, что едва ли уже стоило идти домой. Объемы текущей работы измотали его почти до предела, и он мог бы покончить с ними, если б его не вызвали в больницу. Что повлекло за собой дополнительную бумажную работу и потерю времени, которое он мог бы посвятить другим своим делам. К тому же после визита к родителям Эми Эббот в его голове продолжали звучать горестные стенания очередной несчастной семьи.

А еще Тёрнер невольно продолжал думать о докторе Тейлор. Она выглядела вполне здоровой, в отличие от ее истории! Именно сама история звучала безумно.

После ожидаемого стука в дверь в кабинет вошла Лора Бест. Ее коротко стриженные, едва закрывавшие уши белокурые волосы выглядели шелковистыми и блестящими. Сшитую по фигуре белую рубашку без воротничка отличали идеальная свежесть и чистота. Да, Лора производила хорошее впечатление; она неизменно имела безупречный вид, сочетавшийся с полной готовностью к новому рабочему дню.

Бест проработала в Управлении уголовных расследований Скотланд-Ярда полтора года, и Грег успел понять, насколько она честолобива. В отделе ее прозвали непоседливой торопыгой – правда, по совершенно необычной причине. Лора всегда с готовностью задерживалась на работе; казалось, она вообще не замечает времени. Нет, такое негласное прозвище она заработала, поскольку коллеги осознали, что ее торопливая непоседливость направлена в будущее. Бест нечаянно сболтнула, что хотела бы стать инспектором до двадцати восьми лет, – и, несомненно, нацелилась на это дело весьма серьезно. Она одержимо стремилась отличиться, завоевать уважение в отделе. На сегодняшний день Лора не

только успешно вела все дела, но и сдавала в архив должным образом сделанные и скопированные документы еще до того, как за преступниками захлопывались двери камер. Ее успехи в значительной степени зиждились на доскональном изучении каждого дела. Она стремилась заниматься лишь заведомо выигрышными расследованиями – причем теми, что завершались в короткие сроки, – оставляя другим трудоемкие и затяжные дела.

Обладая известной наглостью, Бест снискала восхищение большинства сотрудников, но Грег относился к ней весьма настороженно. И не потому, что она целенаправленно пробивала себе дорогу к карьерному росту, стремясь для начала сравняться с ним в звании, – его настороженность не имела ничего общего с работой. Она относилась к сфере личных отношений.

– У вас усталый вид, – первым делом заявила Лора, – и вы, похоже, со вчерашнего дня не удосужились сменить костюм.

В присутствии других сотрудников она не стала бы говорить с Тёрнером так небрежно.

– А вы, Лора, как обычно, свежи, словно роза, – ответил он.

– Может, благодаря тому, что занимаюсь спортом и не злоупотребляю выпивкой и куревом, – сказала его коллега, выразительно посмотрев на банку из-под кока-колы на подоконнике, служившую ему, как она знала, в качестве пепельницы.

Полицейский участок придерживался строгой политики по запрету курения, и в основном Грег соблюдал правила, лишь изредка ближе к утру отступая от них, особенно когда на улице хлестал дождь, как и случилось прошедшей ночью. Или после секса, который имел место в его кабинете один-единственный раз. С Лорой Бест.

– Ну, и как вы пообщались с нашей чокнутой докторшей? – спросила она. – Уже прочитали мой отчет?

Тёрнер кивнул. Он запросил его по возвращении в участок вчера ночью и практически мог бы согласиться с заключением Лоры, если б не познакомился с доктором Тейлор лично. Пострадавшая не производила впечатление чокнутой. Нервная и плаксивая – возможно, но разве ее можно было назвать сумасшедшей? Грег отбросил эту неприятную мысль.

– Значит, вы не допускаете даже малейшей вероятности того, что это похищение могло иметь место? – уточнил он. – Проведены исчерпывающие поиски?

– Все отражено в отчете. Наша команда все там прочесала. Сержант Макинтайр, будь его воля, заглядывал бы даже под простыни пациентов. Они обыскали все здания снизу доверху и всю больничную территорию. –

Бест иронически усмехнулась. – Разумеется, Грег, какая-то вероятность существует. Такого рода вещи случаются постоянно. С тем же успехом, выглянув в окно, вы сможете увидеть летающего слона.

Ошибочно приняв молчание коллеги за одобрение, она принялась на полном серьезе дискредитировать репутацию доктора.

– Эта дамочка явно свихнулась. Даже коллеги не поверили ее словам. По их мнению, во всем виновато сотрясение мозга. Но не хотите ли узнать мое мнение? – Не дожидаясь ответа, Лора перевела дух и продолжила: – В тот день она потеряла пациента. Причем не просто пациента, а ребенка. По моему, доктор Тейлор свихнулась на этой почве. Им там приходится иметь дела с такими ужасами, что у нее просто крыша поехала. Либо... – последовала выразительная пауза, – она придумала всю эту историю совершенно по другой причине.

Тёрнер сурово взглянул на коллегу. Несмотря на то что та сделала несколько ценных замечаний, его покоробил стиль их подачи.

– Лора, не стоит так нападать на эту женщину. Почему бы вам не проявить немного сострадания?

Глаза и рот Бест удивленно округлились.

– Сострадания? Если она выдумала такой бредовый кошмар, то ее надо поместить в дурдом. По крайней мере, уволить с работы. Не забывают, в ее руках жизни людей. Неужели вам захотелось бы попасть к ней на лечение?

Грег пожалел, что не разобрался в этом отчете сам, а предпочел спросить Лору. В его кабинете, когда они общались один на один, ее назойливая фамильярность пугала его. В компании с другими сотрудниками речи Бест не отличались особой вольностью, но даже тогда Тёрнер нервничал, опасаясь, что она откроет рот и сболтнет о том, что случилось в этом самом кабинете.

Ему вообще не следовало связываться с ней. Но она захватила его в момент слабости. Утром того наполненного событиями дня инспектор получил окончательное решение суда о разводе, и ощущение неудачника в сочетании с чрезмерным количеством спиртного побудили его искать участия и утешения у другой женщины. Так что полгода назад он дал Лоре в руки мощное оружие. И теперь она легко может покончить с его карьерой, если ей когда-нибудь взбредет в голову поделиться с нужными людьми этим секретом.

– Мы даже не понимаем, с какими заморочками ей приходится справляться, – сказал Тёрнер, пытаясь урезонить ее. – В ближайшее время нам с вами надо выяснить, не занималась ли она тяжелыми больными, которым, с нашей точки зрения, уже едва ли стоило цепляться за эту жизнь.

Однако именно ей приходилось пытаться спасти их. Возможно, не всегда успешно.

– На мой взгляд, – твердо заявила Бест, – она так часто сталкивалась с кровавыми травмами, что навоображала, будто с ней самой случилось нечто ужасное.

Она решительно направилась к двери, но потом замедлила шаг и повернулась. Ее пристальный взгляд оценил весь неряшливый вид Грега – небритую физиономию, нуждающуюся в стрижке шевелюру и болтавшийся на шее грязноватый галстук.

– А теперь она снова вызывает нас ради расследования так называемого убийства? На вашем месте я подумала бы о выдвижении обвинения за напрасную трату времени полиции.

После ухода Лоры Грег почувствовал горечь во рту. Стоя у окна своего кабинета, он смотрел на город, где ему повезло родиться. Уже две тысячи лет Бат, красивый и уникальный город, славился как родина многочисленных богачей и аристократов, а ныне даже числился среди объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Здесь, разумеется, отдыхали, попивая целительные воды, и Джейн Остин^[5], и Томас Гейнсборо^[6], и знаменитый красавец и модник Бо Нэш^[7]. Город пробуждался для нового дня, и перед Грегом маячили очертания георгианских зданий, знакомых ему как собственные пять пальцев, однако они больше не вызывали у него чувства сопричастности.

Тёрнер больше не чувствовал себя здесь как дома. Присутствие Лоры Бест стало для него подобно колючке, засевшей в душе, и в новом году ему придется принять важные решения. Либо уйдет она, либо придется уйти ему.

Он был всего лет на десять старше Лоры и имел свои собственные амбиции. Однако сложившееся положение отбирало у него кучу сил. Ему вообще не следовало спать с ней, и эту ошибку уже не исправишь.

Грег устал, и сейчас такого рода мысли могли лишь усугубить его трудности. Ему надо оформить бумаги по делу Эми Эббот и отправляться на вскрытие. Резко отвернувшись от окна, он настроился на работу.

* * *

Сидя за своим рабочим столом, Лора Бест еще переживала из-за полученного от Грега упрека. Она невольно задумалась о том, стал бы он

так стремиться защитить доктора Тейлор, если б эта женщина была старой толстухой? Порой шеф вызывал у нее такую злость, что ей хотелось рвать и метать. Он обладал способностью выявлять все лучшее и худшее в ней – и особенно ее неприглядную, стервозную личность. Бест горько вздохнула. Ей вообще не следовало спать с ним. Сразу после секса она поняла, что Тёрнер пожалел об этом. Он не мог даже посмотреть ей в глаза. И для нее это было тем более унижительно, поскольку он реально понравился ей. Последние шесть месяцев ей надоело показывать ему, что это не имело значения, что она не ожидала какого-то продолжения и не надеялась на завершение их романа в романтическом стиле. Ее вполне устроило бы, если б Грег имел по крайней мере совесть признать, что соблазнил ее.

Пытаясь успокоиться, Лора глубоко вздохнула. Тёрнер использовал ее ради чисто сексуального удовлетворения, и она всячески старалась простить его... Ладно, больше никаких иллюзий. Ей надоело пытаться завоевать его сердце. Вместо этого она покажет ему, на что способна. По крайней мере, докажет, что доктор Тейлор сбрендил. И тогда получит повышение. У Лоры перехватывало дыхание, когда она вспоминала, как начальник целовал ее и как ей было тошно, когда после этого он избегал смотреть на нее. Она вела себя как дурочка. Что ж, урок получен. Больше она никогда не позволит себе ослабить бдительность. Безусловно, это ценный урок. Лора просто благословляла судьбу, что Грег совершенно не осознавал того, как близка она была к тому, чтобы признаться в своих чувствах, которые, к счастью, уже перегорели. Отныне ее интересовала только карьера.

Глава 11

Мощные удары по входной двери вырвали Алекс из похмельного сна. Она оторвала больную голову от подушки и усилием воли разлепила тяжелые припухшие веки. Гостиную заливал дневной свет, хотя еще горели и люстра, и торшеры. Ее влажная одежда беспорядочно валялась на ковре, там, где она сбрасывала ее, а выпитая бутылка водки противно заплескалась у нее в животе, когда Алекс поднялась с импровизированной кровати.

– Секундочку! – крикнула она, хватая с пола подушку с пуховым одеялом и засовывая их в диванный ящик.

Проходя мимо зеркала, увидела у себя на лице разрушительные действия своих возлияний. Из зеркала на нее уставились глаза панды, окруженные черными кругами от потекшей под душем туши. Она выглядела как несусветное чудище, и сейчас ее вряд ли узнали бы даже хорошие знакомые.

Приоткрыв дверь, Алекс выглянула в щель.

На лестничной клетке стоял полицейский детектив, беседовавший с ней ночью, в том же самом костюме, но другой рубашке и чистом галстуке.

– Можно войти?

Хозяйка попятилась от двери, позволив ему проследовать за ней в гостиную. Она даже не попыталась собрать разбросанную мокрую одежду или скрыть следы своего пьянства. Пусть думает что угодно. С кем не бывает, рассудила Алекс. Почему она должна быть исключением?

– Хотите кофе? – спросила она.

– С удовольствием.

Оставив его в одиночестве, в ожидании закипания чайника, Алекс успела смыть косметику и причесаться. Когда она вернулась в гостиную, неожиданный гость стоял спиной к ней у окна, и она заметила, что при дневном освещении его темные волосы приобрели золотисто-каштановый оттенок. Ее квартиру редко посещали мужчины, и Алекс подумала, не сочтет ли он гостиную пустоватой.

– Какое сказочное местечко, – заметил инспектор. – Едва выйдя из дома, вы можете окупаться в Эйвон... Завидую вам.

– Обычно я совершаю пробежки вдоль берега, и они на редкость живописны.

Дом стоял на южном берегу реки Эйвон, и это стало второй причиной

для покупки квартиры именно в нем, вдобавок к тому, что строгая охрана свободно пропускала на домовую территорию лишь жильцов. Безусловно, Тёрнеру удалось дойти прямо до ее двери только благодаря полицейскому удостоверению.

Темный шерстяной ковер и хромированный журнальный столик со стеклянной столешницей располагались между двумя диванами, обтянутыми коричневой кожей. Около каждого дивана стояли торшеры на длинных ножках. Их изящно изогнутые верхние концы завершались серебристыми плафонами, а третий светильник, стоящий в углу, затенялся абажуром, сплетенным из бордовых нитей. Единственными украшениями гостиной служили расположившиеся на изящном серванте две уотерфордские хрустальные вазы для цветов; правда, пока они пустовали. Между ними раскинулась большая коряга, найденная на берегу и высохшая до серебристо-серого оттенка.

В выборе интерьера Алекс положила на вкус Патрика – и постепенно начала привыкать к столь изысканно лаконичной обстановке, пока не увидела в ней Грегга Тёрнера. Присущая его облику приземленность предполагала, что ему должна больше нравиться традиционная деревянная мебель с приятной на ощупь обивкой. Мысленно доктор Тейлор представила, как он с почерневшими от угля руками разводит огонь в камине, рядом с которым дремлет большая мохнатая собака, изредка сонно поднимающая голову в надежде, что ее погладят...

Алекс тряхнула головой, отгоняя безнадежные призрачные фантазии. В ее дом пришел полицейский в штатском костюме и при галстукке, а она начала представлять его в другой обстановке, заметив красивый цвет его волос и то, что он не вписывался в ее комнату. Откровенно говоря, редкий человек вписывался в нее, разве что эстетствующие снобы в шикарных костюмах или в платьях для коктейлей. Сейчас Алекс и сама видела эту крутую, расчетливо-шикарную гостиную, где не только крошки уронить, туфли-то неуместно сбросить.

– Как вы себя сегодня чувствуете? – спросил гость, повернувшись к ней.

– Так, словно мои мозги взбили миксером. Больно даже головой пошевелить.

– Может, попробуете принять резолв, – инспектор сочувственно улыбнулся. – По-моему, это лучшее лекарство, хотя вам, как врачу, вероятно, лучше знать.

– Большинству моих пациентов я обычно ставлю большую капельницу с физраствором. А мне должна помочь пара таблеток парацетамола. Вы

что, работали всю ночь?

– А также утро и день, – ответил Тёрнер и, заметив недоумение на лице хозяйки, добавил: – Уже без пятнадцати четыре.

Алекс была потрясена. Значит, она провалялась в своей импровизированной постели около десяти часов. После обхода операционных вернулась домой в самом начале шестого утра, с трудом доплелась до гостиной и устроилась у стены с остатками водки. Но Алекс думала, что сейчас еще утро. Через пять часов она собиралась вернуться на работу. Собиралась стойко встретить критику, извиниться за то, что бросила Натана Белла одного, сорвала свое дежурство, вела себя как законченная идиотка. В очередной раз.

– Я только что разговаривал с коронером, – сообщил Грег. – Мне выдали предварительный отчет о вскрытии. На очереди еще токсикология и прочие исследования, но он дал мне достаточно материала для работы.

Глубоко вздохнув, Алекс ждала продолжения.

– Он полагает, что имел место самостоятельный криминальный аборт.

Алекс упала на диван. Она была так уверена, так убеждена, что и в этом виноват похитивший ее мерзавец! Судорожно вздохнув, попыталась осмыслить это откровение.

– Почему же они решили, что он был самостоятельный?

– Они пока еще ничего не решили, но находки склоняют их к такому выводу. Ее отпечатки пальцев на инструменте.

– Каком инструменте?

– Она пыталась сделать его профессионально. Есть версия, что ей не удалось сделать аборт самой или она не выдержала мучительной боли.

– Вы подразумеваете, что инструмент находился внутри? Чем она воспользовалась?

– Какой-то маточной кюреткой. Я не вполне понимаю, что это такое. Этот инструмент вроде как повредил матку. Его обнаружили там во время вскрытия. Суд-медэксперт считает причиной смерти геморрагический шок. Но что это за штука?

– Хирургический инструмент в форме длинной тамбурной иглы с каплевидным крючком. Она используется для выскребания содержимого матки. Применяется во время хирургического аборта и исключительно под наркозом. Вы представляете, как женщина делает это сама? Вводит себе иглу через собственное влагалище? Извините за натуральные подробности, но они именно таковы.

Увидев, как Тёрнер поморщился, Алекс решила пойти до конца:

– С какой стати ей делать аборт самой? Причем у нас, в Бате, в

Соединенном Королевстве, в двадцать первом веке... Ведь есть Национальная служба здравоохранения и множество частных клиник, готовых оказать всяческую помощь. Зачем вообще женщине идти на жуткий риск, пытаясь самой избавиться от нежеланной беременности?

– По словам ее терапевта, в последнее время она была подавлена, особенно с тех пор, как узнала о беременности. Он лечил ее от гонореи, и она беспокоилась, что это могло повредить плоду. Две недели назад она советовалась с ним по поводу прерывания. Он ждал ее решения.

Алекс поднялась с дивана, в отчаянии махнув рукой.

– Так почему же она не пришла к нему? Ведь с легкостью могла получить любую помощь...

– Нам пока неизвестно, почему Эббот сделала это. Она была профессиональной медсестрой. Возможно, думала, что справится самостоятельно. Или на отчаянный шаг ее толкнула депрессия... Мы пытаемся установить отцовство. Ее родители сообщили нам, что у нее не было постоянного друга, но если мы сумеем найти его, возможно, он как-то прояснит ситуацию, поведав нам нечто новое.

– Значит, все, что я говорила вам раньше, сейчас звучит несуразно. Должно быть, вы сочли, что вам позвонила какая-то сумасшедшая. Я как раз подумала...

Грег Тёрнер сел на подоконник и скрестил ноги в лодыжках.

– Доктор Тейлор, нам не удалось обнаружить никакой связи. Я прочел ваши показания и пообщался с констеблем Бест. Понимаете, в ту ночь они тщательно обыскали и саму больницу, и прилегающую территорию. И ничего не нашли. Проверили все операционные. В трех из них в то время, о котором вы говорили, проводились операции. Мы опросили хирургические бригады, работавшие в ту ночь, и все они признали, что никто посторонний не мог бы занять одну из операционных так, чтобы они не знали об этом. Дежурные уборщицы находились в больнице до полуночи, поскольку в одной из операционных обнаружили стафилококк, и им пришлось ждать полного окончания работ, чтобы провести дезинфекцию. К сожалению, система видеонаблюдения не достигает той части парковки, где вас обнаружили, но на земле около того места, где вы лежали, обнаружили три большие свежесломанные ветви.

Алекс старалась сохранять спокойствие. Ей отчаянно захотелось выпить что-нибудь покрепче – кофе, сдобренного виски, оказалось недостаточно. Она нуждалась в крепком неразбавленном напитке, чтобы разогнать кровь.

– Платье, в котором я была в ту ночь, забрали ваши сотрудники; не

думаю, что констебль Бест обратила на него внимание.

Полицейский прищурился, услышав, как изменился тон ее голоса, когда она упомянула имя его подчиненной.

– Оно осталось сухим, совершенно сухим... и совершенно чистым, насколько я видела, – продолжила Алекс. – Они нашли меня за парковкой, где я долго лежала под дождем, умудрившись остаться сухой и чистой. Как вы это объясните, инспектор Тёрнер?

– Не знаю. Может, в лаборатории что-то обнаружат... Если уже не обнаружили. Я напомню им о необходимости провести исследование. И также поговорю об этом с констеблем Бест. Хотя не сомневаюсь, что она не обошла вниманием состояние вашего платья. Ее отношение к работе достаточно серьезно.

Алекс вспыхнула, осознав подразумеваемый Тёрнером упрек, но, черт побери, она предпочла бы быть проклятой, чем извиниться. Лора Бест даже не потрудилась позвонить и спросить, как она себя чувствует.

– Спустя несколько дней констебль Бест пыталась увидаться с вами, но вы уже улетели, – добавил инспектор. – Ваши коллеги сообщили ей, что у вас недельный отпуск.

Почувствовав, как задрожали ее губы, Алекс до боли прикусила нижнюю губу, чтобы не разреветься. Ей уже осточертело плакать, так откровенно проявляя собственную слабость. Восстановив дыхание, она немного успокоилась.

– Две недели назад у меня была нормальная жизнь. Любимая работа, коллеги, доверявшие моему мнению... А сейчас от моей жизни остались одни руины. И я не в состоянии ничего исправить. Что бы вы сделали на моем месте?

Обхватив ладонями кружку с кофе, Грег задумчиво помолчал.

– Я знал многих мужчин и женщин, переживших кризисные этапы жизни, – наконец сказал он. – Один мой друг, тоже полицейский, выполнял задание, когда произошел несчастный случай, что повлекло за собой лечение от тяжелого стресса. Он винил себя в смерти пешехода, который выскочил на дорогу перед его мчавшейся на предельной скорости машиной. Не важно, что его полностью оправдали, – он считал, что во время той гонки и преследования должен был предвидеть возможность совершенно неожиданного появления человека на дороге. Сопровождавший их вертолет не заметил того человека, напарник моего друга, сидевший на пассажирском сиденье, тоже не заметил его, но мой друг упорно винил себя. Поговорите с кем-нибудь, доктор Тейлор. Наш мозг хрупок и уязвим. Он может подвести нас, когда мы менее всего

ожидаем этого, и совершенно необъяснимым образом повредить нам. Вы сможете все исправить, когда будете готовы. И жизнь ваша вновь наладится.

Глава 12

На кремовых стенах ее детской спальни в родительском доме еще виднелись шрамы от пластилина и скотча, которыми она когда-то приклеивала фотографии и плакаты, и по-прежнему в больших стеклянных рамах висели копии знаменитых работ Энди Уорхола^[8] – портреты Джеки Кеннеди и Ингрид Бергман. В этой спальне она видела сладкие детские сны и мечтала о будущем.

Ноги Алекс так сильно дрожали, что от падения она удерживалась только благодаря тому, что крепко вцепилась рукой в дверцу гардероба. На глаза ей попало платье точно такого же розового оттенка, как у того, что было на ней тем вечером, когда на нее напали. Платье того же стиля, только длиннее, и к нему того же типа босоножки с ремешками. Ее сестра Памела взирала на нее со смесью гнева и возмущения. Типичные для нее чувства. Алекс осознавала, что постоянно вызывала возмущение у своей младшей сестры. Между ними – всего полтора года разницы, но в смысле зрелости Алекс всегда чувствовала себя значительно старше.

Памела выросла, полагая, что ее сестра достигала любых целей практически без усилий, что ей достаточно было щелкнуть пальцами для получения желаемого. Памеле даже не приходило в голову подумать о годах упорной учебы и о всех тех потрясающих вечеринках, семейных отпусках и дружеских встречах, которые Алекс пропустила ради сосредоточенных занятий во время сессий, ради успешного будущего и достижения намеченных целей.

Памела поступила в специальный колледж вместо университета, предпочла получить свидетельство об окончании предпринимательских и технических курсов вместо диплома, подрабатывала на стороне, отказавшись от студенческого займа, и в итоге стала помощницей управляющего отелем. Последние несколько лет она, казалось, была вполне довольна жизнью: прекрасные друзья, прекрасные подруги, прекрасные отпуска, все прекрасно. Прекрасно и безопасно. И ничто не омрачало ее счастья, за исключением все того же детского возмущения старшей сестрой. Несколько раз, когда они встречались в компании и Алекс представляли кому-то одновременно с сестрой, неизбежно следовал вопрос: «А чем вы занимаетесь?», и после ответа старшая Тейлор видела восхищение в глазах друзей Памелы и ее завистливые взгляды. Именно ученые степени, звания, должности и титулы больше всего раздражали ее

сестру. Она заиклилась на всем этом.

Ее муж непременно должен был иметь титул. И вот она встретила знатного помещика, лорда или шотландского пэра, имеющего длинную родословную и наследные владения в той самой горной Шотландии. Он как раз жил в отеле, где работала Памела. Этот богатый аристократ превосходил ее самые смелые мечты. Он забрал ее с работы и в тот же день изъявил желание жениться на ней. Богатый, слегка занудный Хеймиш, с которым Алекс еще предстояло познакомиться, выбрал ее младшую сестру, хотя при наличии весьма серьезного счета в банке мог взять в жены любую стильную светскую львицу.

Именно Памела обрела свое счастье, в то время как Алекс еще выплачивала студенческую ссуду, с трудом справляясь с долгами по ипотеке, а теперь ее жизнь вообще превратилась в руины. Однако Тейлор-младшая упорно продолжала считать себя неудачницей, не реализовавшей свой потенциал, бедной малышкой, прозябающей в тени своей старшей, более ученой сестры.

– Алекс, что, черт побери, тебя не устраивает? – Памела отпихнула сестру в сторону и вытащила из шкафа розовое платье. – Это же твой цвет! Если б ты нашла время зайти к нам и посмотреть заранее, то мы еще успели бы поменять его, выбрав наряд по твоему вкусу.

Прикрыв глаза, Алекс отчаянно пыталась взять себя в руки.

– Нормальный наряд, Памела.

– Нормальный?! Что ж, спасибо тебе большое, сестричка. Я купила тебе платье, надеюсь, что оно тебе понравится. А ты лишь сочла его нормальным... Ты обзавелась чудным загаром, явно нашла время съездить в отпуск, и теперь, в день моей свадьбы, воротишь нос от платья подружки невесты...

– Извини, – старшая вымученно улыбнулась, – оно мне нравится. Дело не в платье. Оно мне очень нравится.

– Но я же видела выражение твоего лица.

Алекс подумала, не пора ли рассказать сестре о случившемся.

– Уверяю тебя, дело не в платье. Мне...

– Это же мой день, Алекс! – Глаза Памелы возмущенно сверкнули. – А не твой! С тобой уже все давно ясно. Мама постоянно твердит нам, как святая Алекс спасла очередную жизнь...

– Памела, пожалуйста, успокойся. Платье ты выбрала замечательное. Мне просто необходимо кое-что тебе рассказать.

– Не сегодня, Алекс. – Младшая покачала головой, растянув губы в фальшивой улыбке. – Сегодня, ради разнообразия, все разговоры только

обо мне.

Дверь спальни захлопнулась, оставив Алекс одну в комнате. Дрожащими руками она открыла свою сумочку и вытащила бумажный пакет, который таскала с собой последние дни. Присобрав горловину пакета, закрыла им нос и рот и дышала в него до тех пор, пока не закончился приступ паники. Постепенно нормальное дыхание восстановилось, а сердцебиение замедлилось.

У нее вырвался истерический смешок, когда она подумала, имеет ли вообще смысл рассказывать о случившемся Памеле. Скорее всего, не имеет. Ее сестра тоже подумает, что она все выдумала. Тринадцать месяцев назад Алекс поймала недоверчивый взгляд Памелы, а ведь тогда она рассказала ей о другой ситуации, гораздо более правдоподобной и случавшейся в жизни многих женщин. Недавнюю же историю, как предположила Лора Бест, ей мог навевать лишь какой-то ужастик...

Внизу собрались родственники, а родители еще готовились к выходу в своей комнате. Патрик развлекал в саду юных гостей, несомненно, кормя их «байками из ветеринарной лечебницы», а Алекс торчала в своей детской спальне с пакетом у рта, пытаясь собраться с силами.

* * *

В городском зале приемов под приглушенным сегодня вечером сиянием хрустальных люстр собрались на свадьбу около двухсот гостей. Они танцевали под музыку, исполняемую шестью джазовыми музыкантами. Во время ужина играл другой ансамбль – струнный квартет, создавая подблюдное настроение. С расходами не считались. Во время церемонии венчания в Батском аббатстве пел знаменитый хор, и когда солистка начала исполнять «Аве Мария», Алекс впервые за долгое время обрела покой. Цветы на алтаре низвергались кремовыми купами, воздух насыщали ароматы, и Памела, плавно двигаясь к алтарю, выглядела как сказочная принцесса. Приемную украсили подобными цветочными композициями – они ниспадали изящными волнами по светлым каменным колоннам.

Бесконечной чередой безукоризненно одетых официантов и официанток гостям подавались канапе с морскими гребешками и тигровыми креветками, рыбные котлетки и ломтики лосося на банановых листьях. Фужеры для шампанского вновь и вновь наполнялись лучшим

марочным искристым вином задолго до того, как начали произносить речи, а всем мужчинам предлагалось подымить свернутыми вручную сигарами.

Такую свадьбу запомнят надолго, о ней будут рассказывать друзьям, а в понедельник утром «Дейли телеграф», безусловно, посвятит ей раздел в светской хронике.

Алекс смотрела на свою сестру, не завидуя и искренне надеясь, что та будет счастлива с Хэймишем, что их союз заключен на небесах. Судя по блеску в глазах Памелы и ее исполненному восторгом лицу, она уже предвкушала будущее счастье.

Они помирились, когда Памела, выйдя из «Роллс-Ройса», увидела Алекс в розовом платье подружки невесты, и ее карие глаза мгновенно наполнились слезами.

– Прости, что я вела себя как набитая дура. Мне так приятно, что ты здесь, – сказала она.

Алекс осторожно поцеловала ее скрытую под вуалью щеку и впервые за целую неделю почувствовала себя лучше.

Напротив нее за столом сидел Патрик в окружении детей, ловивших каждое его слово. Он продолжал общаться с этими юными гостями, все еще развлекая их волнующими историями о животных. Алекс с нежностью взглянула на него, на время забыв о недавнем разочаровании. Он был хорошим и добрым человеком. Разве и впрямь так ужасно с его стороны, что ему не хочется говорить о случившемся, не хочется, чтобы ему постоянно напоминали о ее мучительном похищении? Если б она сама услышала такую историю от Фионы или, может, от Памелы, то, без сомнения, ей было бы трудно поверить, что такое вообще могло случиться. Патрик же, по крайней мере, хотел верить ей. Но не было никаких доказательств. И никакого логичного объяснения. Она пережила жуткое испытание, выйдя из него фактически целой и невредимой, однако полицейские не могли отнестись к ее словам серьезно. И никто не мог, подозревала она, даже Фиона. Не то чтобы та высказалась по этому поводу определенно – просто, казалось, избегала общения. Они разговаривали на работе, но исключительно о пациентах. Если б не события последнего года, Фиона, вероятно, могла бы поверить в историю Алекс или по крайней мере признать, что с ней произошло нечто более серьезное, чем сотрясение мозга. Но, учитывая то, что случилось в прошлом году, Тейлор постоянно думала, поверила ли ей тогда Фиона, не подумала ли она, что Алекс в некотором смысле сама виновата?

Возможно, вообще нет смысла заикливаться на прошлом. Она жива и здорова. Может, напавший на нее мужчина больше ни для кого не

представлял опасности. Возможно, ее избрал своей мишенью сбежавший из психиатрического крыла больной, который дорвался тем вечером до нескольких часов свободы. Если так и было, то опасность больше никому не грозит. Эта мысль казалась обнадеживающей, и Алекс все больше хотелось признать ее верной, по мере того как шампанское притупляло ее обычно аналитический ум.

Когда Патрик, подняв бокал, взглянул на нее, она заметила, как нежен его ласкающий взгляд, и впервые с той ужасной ночи ей реально захотелось лечь с ним в постель.

– О чем ты думаешь? – прошептала она.

Патрик приподнял бровь, делая вид, что тщательно обдумывает ее вопрос.

– Даже не знаю. Свадебный торт, россыпи конфетти, все эти праздничные нюансы... действуют весьма опьяняюще, если задуматься. – Он игриво подмигнул подруге. – Хотя не уверен, что мне нравится подвенечное платье в стиле пышного воздушного торта.

– Тише, – со смехом произнесла Алекс, – Памела выглядит прелестно.

– Я просто невольно думаю, – прошептал Патрик, склонившись к ней, коснувшись губами ее уха и лаская дыханием шею, – не скрываются ли под ним рулоны туалетной бумаги.

Алекс громко рассмеялась и пристально взирала на него до тех пор, пока не увидела, как его щеки слегка порозовели. День выдался удивительный. Он стал своеобразным поворотным пунктом, легкой паузой в осознании всего случившегося. Она ничего не забудет, но, по крайней мере, сможет продолжать жить с этим.

Глава 13

На восемнадцатом перекрестке автострады М4 произошла крупная авария: столкнулись пять машин и туристический автобус с пенсионерами, возвращавшимися после уик-энда в Лондоне.

В раздевалке для персонала Алекс старательно прополоскала рот освежающей жидкостью и, дохнув в сложенные чашечкой ладони, принялась к своему выдоху. Мятный запах убедил ее, что всё в порядке, но в качестве дополнительной предосторожности она развернула пастилку мятной жевательной резинки.

Как же она забыла о дежурстве, в очередной раз мысленно укорила себя доктор Тейлор. К счастью, она прекратила выпивать задолго до конца свадебного торжества, и этим, в сущности, ограничила возлияния длинного субботнего дня, не желая напиваться. Конечно, без анализа крови или алкотестера Алекс не могла исключить того, что превысила допустимый уровень алкоголя. Ирония случившегося не осталась незамеченной для нее: в первый раз ей не захотелось напиться до забытья, но ее грубо вернули на землю. Какая же она идиотка! Настолько поглупела, что забыла столь важное обстоятельство, как собственная работа...

Не желая еще больше испортить свою репутацию, Алекс отвергла мысль о попытках позвонить коллегам и выяснить, не сможет ли кто-нибудь подменить ее.

Что ж, это станет для нее предупреждением. В каком-то смысле ей повезло, что она осознала свои трудности. С выпивкой докатилась почти до края... Ее уже стал узнавать продавец спиртного навынос в местной лавочке... Ладно, пора завязывать с излишествами. Больше нет нужды бежать от своего страха.

Нацепив на лицо улыбку, Алекс вышла в кровопролитный беспредел. Получасовое предупреждение поступило до того, как привезли первую жертву аварии, а сейчас каталки с ранеными выстроились в ряд по всему коридору. Видя везде свидетельства бурной деятельности, Алекс наконец успокоилась. Это была ее работа, и она умела делать ее лучше всего.

Все шло нормально. Даже борясь с усталостью, Алекс радовалась тому, как многим уже успела помочь.

Все палаты в реанимации были заняты. Мониторы издавали тревожные сигналы. Мусорные урны были переполнены, и вокруг них скопились уже ненужные материалы и оборудование. Твердые пластиковые

контейнеры на рабочих стеллажах до краев заполняли иглы, рядом валялись использованные шприцы, а врачи стремились найти относительно тихое местечко, чтобы сделать записи. Швабра и ведро спокойно стояли у стены, словно при таком количестве мусора бесполезно было постоянно вызывать уборщиц. Любой ближайший медик мог быстро убрать кровь, но меньше всего в столь сложных условиях работы врачам нужен был мокрый пол.

Оставшиеся пациенты еще ждали осмотра, и хотя они тоже срочно нуждались в помощи, их состояние было более стабильным, чем у первоочередных жертв. Не считая ходячих потерпевших, на настоящий момент врачи разобрались с семью критическими травмами и двенадцатью тяжелыми случаями.

Бригада травматологов поделила пострадавших между собой, а вызванные дополнительно доктора и медсестры оперативно справлялись с любыми ранениями. Кэролайн, как обычно, держала все под контролем, но Алекс заметила пятна пота, проступившие у нее под мышками, – они показывали, что даже она изрядно потрудилась в сегодняшней запарке. К одной из потерпевших вызвали Мэгги Филдинг, и, несмотря на ужасную какофонию рыданий и воплей, предупредительных сигналов тревоги, телефонных звонков и механических шумов, Алекс расслышала, как та успокаивает раненую женщину, удивившись, каким мягким может быть голос Мэгги.

Пациент из четвертой палаты со страхом взглянул на Алекс, в отчаянии вцепившись в ее запястье.

– Док, вы ведь не позволите мне умереть?

Высвободив руку, она ободряюще улыбнулась ему и попыталась второй раз вставить катетер в старческую вену.

– Джордж, у вас все будет хорошо. Просто позвольте мне быстро вставить вам катетер, и тогда я введу лекарство. А через минуту ваше сердце начнет биться нормально.

– Кажется, еще чуть-чуть – и оно взорвется...

– Постарайтесь успокоиться и дышите кислородом... а остальное предоставьте мне.

Этот старик не был одним из потерпевших в дорожной аварии. Его привезли из дома, и он нуждался в срочной реанимации.

– Черт, – прошептала Алекс и вновь улыбнулась ему, – ваши вены не желают выходить и подыграть мне.

Быстро обежав каталку, она затянула жгут на другой руке Джорджа. Его рука свесилась с каталки, и ей пришлось опуститься на колени. Алекс

слегка похлопала по его предплечью, и ее вознаградила вид набухшей кровью вены.

– Нужна помощь? – спросила Фиона, появившись рядом.

Доктор Тейлор почувствовала искренность ее предложения. Сердечная приветливая улыбка Вудс в начале их смены выражала невысказанное извинение. И Алекс с удовольствием отметила, что осуждение из ее взгляда пропало.

– Можешь принести мне аденозин, – сказала она. – Здесь уже негде уместить кювету. Я достала лекарство из шкафа и набрала его в шприц.

– Вечно я доставляю неприятности, – улыбнувшись им с Фионой, заметил Джордж. – Паршивые вены всегда прячутся. Полагаю, они скукоживаются при виде ваших иголок.

Пока Алекс вставляла катетер, Вудс пошла за лекарством. Быстро вернувшись, спросила:

– Можно тебя на полслова?

Тейлор последовала за ней к аптечному шкафу, и Фиона показала ей пустую ампулу.

– Вот это ты приготовила?

Алекс в замешательстве взглянула на шприц. К нему прилагалась выписанная ею этикетка. И на ней значилось имя Джорджа Барлета. Но она набирала не эту ампулу. Если б она ввела ему такое лекарство, то к данному моменту Джордж мог уже умереть. Раствор адреналина 1:1000 заставил бы его уже и без того опасно быстро бьющееся сердце биться еще быстрее.

– Н-н-ничего не понимаю, – запинаясь, произнесла доктор Тейлор. – Я не брала адреналин. Уверяю тебя, я не брала его. Должно быть, кто-то другой положил его сюда... Невероятно, чтобы я могла дать ему такое лекарство. Да ни за что в жизни!

Прикусив нижнюю губу, Вудс пристально посмотрела на коллегу.

– Но, Алекс, это здесь единственная ампула. И она лежала рядом со шприцем – в этой кювете для инъекций. – Она положила ампулу обратно в кювету и взяла шприц.

Доктор Тейлор в панике окинула взглядом стол, отказываясь признать, что она могла сделать столь ужасную ошибку. Где-то здесь должна лежать пустая ампула от аденозина. Должна быть. Она же держала ее в руке. И ясно видела маркировку. Она не могла ошибиться.

– Кто-то забрал ее, – воскликнула она, – и случайно положил эту ампулу в мою кювету! Надо спросить у других врачей. Наверняка один из них за последние пять минут пользовался адреналином.

В глазах Фионы плеснулось мучение, и Алекс почувствовала, как

заколотилось ее сердце, когда она поняла, что Вудс явно поверила в ее ужасную ошибку. А потом содрогнулась, осознав, как просто такая ошибка могла вырасти в трагедию.

– Алекс, пойдй выпей чаю, – предложила Фиона. – Я позову Натана, и он разберется с этим. Я скажу ему, что ты вышла на пять минут.

Почувствовав, как у нее защипало глаза, Алекс поняла, что слезы неизбежны.

– Нет, я не могу. Мне самой необходимо разобраться с этим недоразумением.

– Доктор Тейлор, всё в порядке? – спросила Мэгги Филдинг. – Не возражаете, если я пройду к аптечному шкафу?

Алекс отступила в сторону, пропуская Мэгги.

– Все отлично. Я... гм... я полагаю, что вы не пользовались сейчас адреналином, верно?

– Нет, – Филдинг покачала головой, – но мне нужно взять болеутоляющее для пациента.

Она помедлила, изучая содержимое шкафа, и, поскольку Фиона и Алекс продолжали молча стоять рядом, обратила внимание на их странное бездействие.

– У вас действительно всё в порядке? А что, кому-то понадобилось ввести адреналин?

– Никому, – быстро ответила Вудс.

– Алекс, в чем дело? – подойдя к ним сзади, внезапно рывкнула Кэролайн. – Что происходит с мистером Бартлетом? Почему вы не занимаетесь им?

Повернувшись к аптечному шкафу, Фиона вытащила аденозин и показала заведующей.

– Мы как раз собирались сделать ему инъекцию аденозина, – сказала она.

Коуэн взяла кювету с пустой ампулой, помеченную именем Джорджа Бартлета.

– А это тогда для кого? – Она заметила маркированный шприц в руке Вудс и строго произнесла, явно подозревая что-то неладное: – Дай-ка мне его.

Опустив глаза, Фиона передала ей шприц.

По привычке заведующая машинально проверила название лекарства на ампуле.

– Что?..

– Ему еще ничего не кололи. Это не для него, – быстро вставила Вудс.

– Неужели? – саркастически откликнулась Кэролайн, и ее недоверие подчеркнуто выразилось в следующих словах: – Здесь же написано его имя! То есть, очевидно, ему собирались сделать такой укол!

Алекс выбрала неудачный момент для судорожного вздоха, увидела, как потрясенно глянула на нее Коуэн, и поняла, что заведующая, наверное, почувствовала запах алкоголя. Недоверчиво взглянув на Алекс, она опустила взгляд на шприц, который держала в руке. Наконец вновь подняла глаза, и у доктора Тейлор мучительно сжалось сердце от плеснувшегося в них презрения. Ей хотелось закричать, отчаянно хотелось объяснить, что это не ее вина. Но отвращение во взгляде начальницы подсказало ей, что она лишь зря потратит время.

– Уходи из отделения, – тихо приказала Кэролайн.

Пребывая в полнейшем шоке, Алекс смогла лишь вымолвить:

– Я... я...

– Эй, не слишком ли это круто? – вмешалась Мэгги Филдинг, и властные нотки ее голоса превзошли приказной тон заведующей. – Доктор Коуэн, здесь же есть еще люди. Не думаете ли вы, что, прежде чем обвинять персонал, надо выяснить факты? Вы даже не спросили пока, кто виноват. Просто предположили, что ошиблась доктор Тейлор. – Ее взгляд устремился на Фиону. – Доктор Тейлор просила вас приготовить лекарство?

– Нет! – резко бросила Вудс. – Она просила меня принести лекарство.

Тонкая улыбка изогнула губы Мэгги, и она грубо заметила:

– Это то же самое.

Сверкнув глазами, Фиона негодуяще вздернула подбородок:

– А вот и нет! Вовсе не то же самое!

Кэролайн выслушала их в полном молчании. Она не сводила взгляда с Алекс и в итоге повторила приказ:

– Уходи сейчас же, пока я не вызвала охрану проводить тебя.

Слезы обожгли глаза Алекс, и она отрицательно покачала головой.

– Я поговорю с вами позже, доктор Тейлор. Пожалуйста, не усугубляйте и без того сложное положение. Я требую, чтобы вы немедленно покинули отделение, – приказала Коуэн.

На дрожащих ногах направившись к выходу, Алекс чувствовала, что вслед ей смотрит множество глаз, хотя и понимала, что это всего лишь ее воображение. Все сейчас слишком заняты, и никто даже заметил, как в очередной раз рухнул ее мир.

Глава 14

Если б разочарование могло материализоваться в предгрозовую атмосферу, то в кабинете Кэролайн вот-вот засверкали бы молнии и загремели громовые раскаты. Ее разочарование было осязаемым. Заведующая вела себя вежливо и учтиво, но от ее голоса веяло морозной стужей, когда она напомнила Алекс о ее преступной ошибке.

– Будет преуменьшением сказать, что я разочарована. Я пригласила вас сегодня, чтобы дать возможность объяснить ваше поведение, прежде чем я приму решение, давать ли этому делу официальный ход. Как вы понимаете, пока я ничего не сообщила в отдел кадров. У нас есть возможность откровенно поговорить. Вы согласны? Доктор Тейлор, вы понимаете меня?

Проглотив свою гордость, Алекс кивнула.

– Да, и я благодарю вас за то, что вы не дали этому делу официальный ход.

– Ну, такая возможность еще остается. Итак, объяснитесь, пожалуйста.

– Я забыла о дежурстве, – тихо ответила Тейлор.

– Забыла? – Кэролайн потрясенно взглянула на нее. – Ты забыла! И это твое оправдание?

– Я совершенно забыла, – серьезно продолжила Алекс. – В субботу была свадьба моей сестры, и у меня выпало из памяти то, что мне предстоит воскресное дежурство.

Сидя в кресле, Коуэн с суровым видом подалась вперед.

– Ладно, Алекс, мне понятно, что пока ты, очевидно, не в состоянии думать о работе. Я понимаю, что на твою долю выпало тяжелое испытание и тебе необходим более длительный отпуск, чтобы полностью оправиться.

– Оправиться от чего? – возмутилась Тейлор.

– От того, что с тобой происходит в настоящее время! Ты же понимаешь, о чем я говорю. И вообще, ты осознаешь, как я беспокоилась о тебе?

Слезы обожгли глаза Алекс. Она любила Кэролайн и уважала ее больше, чем любого из известных ей врачей. Ей не хотелось, чтобы эта женщина потеряла веру в нее.

– Извините, что подвела вас. Вчера я допустила непростительную ошибку. Понимаю, что вы потеряли веру в меня, но я искренне считала, что способна выполнять свою работу.

– И именно поэтому, Алекс, я потеряла веру. Сейчас ты заявила то, что

говорит каждый пьяный водитель после аварии: «Я думал, что способен нормально вести машину». Глупая девчонка, ты портишь свою жизнь из-за какого-то бреда... Алекс, я хочу, чтобы ты работала в моей команде. И возлагаю на тебя в будущем большие надежды. Надеюсь, когда-нибудь я увижу, как ты сама станешь здесь заведующей. Но если ты будешь продолжать жить в таком духе, то погубишь себя. В прошлом году ты пережила тяжелое испытание, и последние несколько недель показали, что ты еще не восстановилась. Найди того, кто поможет тебе во всем разобраться. Я не буду давать этому случаю официальный ход, но мне придется самой теперь следить за твоим поведением.

По щекам Алекс неудержимо потекли слезы, но она быстро смахнула их. Кэролайн только что призналась, что не поверила в ее похищение, что случившееся месяц назад казалось ей лишь бредом, навеянным больным воображением, порожденным тем «тяжелым испытанием», что выпало на долю ее сотрудницы в прошлом году.

– Послушай, тебе нужно еще отдохнуть. Давай, расслабься хорошенько со своим красавчиком. Алекс, он беспокоится за тебя. Его беспокоит твое пьянство. – Коуэн улыбнулась, пытаясь подсластить горечь следующих слов. – Он говорил, что во время вашего отпуска ты частенько прикладывалась к бутылке. – Заведующая спокойно откинулась на спинку кресла, и ее суровое лицо смягчилось. – Подумай о том, что я сказала. Подумай о своем будущем.

Алекс с трудом залезла в машину. Ее трясло от унижения. Как Патрик посмел? Как он посмел говорить такое за ее спиной? Он же предал ее! Все его объятия и утешения ничего не значат, если он мог так поступить с ней. Почему он прямо не сказал это ей самой? Не сказал о том, что его беспокоит? Почему не мог обсудить с ней эту треклятую ситуацию? Он вел себя так, будто ничего не случилось; так разве ж удивительно, что она выпивала? И когда же он, интересно, успел поговорить с Кэролайн? Когда они успели так подружиться, что Патрик решил поделиться с ней своим беспокойством? Из всего, что мог сказать, он выбрал самое ужасное, сообщив заведующей о ее выпивках...

Вытащив мобильник, Алекс быстро нашла номер Патрика и, едва услышав знакомый голос, тут же крикнула:

– Предатель!

Первые же его слова ошеломили ее:

– Кэролайн имела право знать.

– Знать!.. Ты едва не погубил мою карьеру. Мне повезло, что меня вообще не уволили!

– Тебе повезло, что по твоей вине не умер пациент, – резко парировал он.

– Патрик, я ни в чем не виновата. И с лекарством ничего не напутала.

– К сожалению, Алекс, ты не можешь это доказать. Никто не поверит тебе на слово, считая, что ты была пьяна, – произнес Патрик таким печальным тоном, что ее возмущение вдруг улетучилось. У нее больше не осталось сил отстаивать свою правоту. – Как ты себя чувствуешь? – внезапно спросил он.

Алекс сидела молча, не в силах вымолвить ни слова.

– Я люблю тебя, – озабоченно продолжил Форд.

– Но неужели ты еще доверяешь мне? – прошептала она и, услышав его вздох, резко добавила: – Просто ответь мне!

– Чем больше я думаю об этом, тем больше склоняюсь к тому, что это была галлюцинация, что удар по голове серьезно повредил твоему мозгу. Алекс, ты же сама знаешь, что полицейские не обнаружили следов того типа.

Ей нечего было на это сказать.

– Ты слушаешь, милая? Ответь мне. Сейчас ты сама не своя.

– Ты помнишь, что я говорила о том, как очнулась на том операционном столе? – спросила Алекс.

– Да, но...

– Я говорила, что меня слепили светильники.

– Бога ради, Алекс, – сердито бросил Патрик, – это могли быть мы с охранником. Мы искали тебя с фонарями. И светили ими тебе в лицо.

– Значит, ты больше не веришь мне, – констатировала она.

– Этого я не говорил, – сразу успокоившись, мягко заметил он.

Алекс прервала звонок, и Патрик не услышал ее ответа.

– Нет, так ты и сказал, – с горечью прошептала она.

* * *

Идея сходить на корпоративную вечеринку родилась у Фионы.

Для Алекс это не сулило ничего хорошего, но она согласилась пойти, только чтобы дать Фионе возможность повеселиться, поскольку давно знала, что Вудс вылезает из дома в основном на работу да иногда на их дружеские посиделки. К тому же Алекс понимала, что в последние недели подруга обделена ее вниманием.

В последний четверг каждого месяца для персонала устраивалась вечеринка в разных местах – либо в городе, либо в самой больнице. Сегодня вечером она проводилась на территории больницы в клубе отдыха. Его здание располагалось поблизости от врачебного жилого корпуса, и, следовательно, им достаточно будет пройти пару минут, чтобы рухнуть на свои кровати и проспать после большого количества спиртного, обычно поглощаемого на таких сборищах. Вернувшись после учебы в Бат, Алекс поначалу жила в больничном врачебном корпусе, пока обстоятельства не побудили ее подыскать где-то более надежное жилье. Она поехала на эту вечеринку, твердо намереваясь не пить.

Фиона же явно намеревалась развлечься на полную катушку. Она распустила волосы, и ее лицо, как обычно, обрамляла кудрявая грива; нарядившись в обтягивающие черные джинсы и зеленую шелковую блузку, приколотла к ней дешевую брошку с подмигивающим Санта-Клаусом. Подруги стояли у входа в клуб, и Вудс курила, сорвав с плеча антиникотиновый пластырь и наклеив его на сигаретную пачку. Алекс укоризненно покачала головой, с удивлением заметив, как, потушив окурок, Фиона опять наклеила пластырь на плечо.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, у тебя повысится уровень никотина, – предупредила Алекс.

– Да заткнись ты, доктор Всезнайка! – со смехом откликнулась подруга. – Живем только раз, а у меня выдался чертовски трудный денек. Мы молоды, и одна из нас еще свободна и одинока, поэтому может себе позволить оторваться на вечеринке. Да и тебе просто необходимо встряхнуться, – протараторила она с шутливо-серьезным видом, – как раз тебе сейчас больше всех нужно поразвлечься. Ты же шикарная телка и можешь с легкостью закадрить любого. Пора тебе... – Фиона увидела убитый взгляд Алекс и замялась. – Ну, блин, ты же понимаешь, что я не имела в виду... Ладно, послушай, давай на фиг забудем о мужиках и просто пойдем и оттянемся по полной. А главное, давай напьемся.

– Я скоро присоединюсь к тебе, – с еле заметной улыбкой ответила Алекс, смиренно пожав плечами. – Там чертовски жарко.

– А чего же ты ждала, напялив на вечеринку какой-то левый шерстяной свитер? Может, попросту снимешь его?

– Под ним только бюстгальтер, – покачала головой Алекс. – Я немного освежусь и тогда уж начну веселиться.

За их спинами хлопнула дверь, и к ним присоединился раскрасневшийся Патрик Форд с тусклым взглядом.

– Привет вам. Вы тут, что ли, развлекаетесь?

– Патрик, я как раз собиралась выйти освежиться, – устало вздохнув, сообщила Алекс. – Как видишь, я переборщила с нарядом.

Он оценивающе посмотрел на нее.

– Милая, разве у тебя нет более подходящей одежды? Кстати, ты забыла в моей машине атласный жакетик. Хочешь, я принесу его?

– Отличная идея, Пат, – сказала Фиона, и Алекс заметила, каким неодобрительным взглядом он окинул ее подругу, посмевающую укоротить его имя. Сама же Вудс осознала лишь, что появление Патрика огорчило Алекс, хотя и не догадывалась о причинах.

– Фиона, меня зовут Патрик. Знаешь ли, я предпочитаю, чтобы меня называли полным именем, – заявил Форд.

– На самом деле отлично знаю, – с приторной улыбочкой ответила Вудс, – именно поэтому и назвала тебя Патом.

– А ты можешь быть просто душкой, когда захочешь, – съязвил он в ответ.

Алекс опять вздохнула, и Патрик пристально посмотрел на нее.

– К чему бы все эти вздохи? Из-за меня? Ты явно не рада видеть меня, хотя сама же пригласила. Ты же пришла, по-моему, около часа назад, однако не удосужилась найти меня... На данный момент, видимо, я не способен правильно оценить ситуацию.

Алекс почувствовала стеснение в груди. Ей показалось, что ее загнали в ловушку, захотелось заорать, чтобы все, черт побери, просто оставили ее в покое. Однако она честно ответила:

– На данный момент, полагаю, именно я не способна правильно оценить ситуацию. Не способна слепить или измыслить историю, удовлетворяющую твоей версии событий. Если у тебя нет конкретных доказательств того, что я сошла с ума или стала патологической лгуньей, то нам, в сущности, больше не о чем говорить. Только и всего. Или ты не согласен?

– Милая, ты ведешь себя как истеричка, – холодно блеснув глазами, ответил Форд. – И, в сущности, по-моему, ты выбрала для разборок не лучшее время и место.

– Такого времени и места просто не существует, – Алекс с отвращением покачала головой. – В том-то и проблема.

– Возможно, если б ты меньше пила, то поняла бы, что проблема того не стоит.

– Увидимся в баре, – не удостоив его ответом и спокойно взглянув на Фиону, сказала Алекс. – Мне нужно минут пять, чтобы охладиться.

Она резко развернулась и вышла из клуба.

* * *

Осушив третью стопку водки, Алекс опять пожалела, что не оделась полегче, поскольку между лопаток у нее уже потекли струйки пота. Последнее время она предпочитала носить одежду, скрывающую фигуру. И не утруждала себя заботой о прическе, а косметикой пользовалась только для того, чтобы скрыть бледность и темные круги под глазами. Ей не хотелось больше выглядеть женственной или сексуальной. Она хотела стать невидимой.

Алекс удивилась, заметив в баре Натана Белла. Раньше она не встречала его на подобных сборищах и никогда не задумывалась о причинах его отсутствия, но если б задумалась, то решила бы, что такая обстановка противоречит его интровертной, социально застенчивой натуре. Алекс ничего не знала о его личной жизни, за исключением того, что его мать недавно «опять приняли». Куда ее приняли, Тейлор не знала, поскольку Натан не продолжил свое пояснение, и она могла только предполагать, что он имел в виду какую-то лечебницу. Просто случайно услышала, как он говорил кому-то по телефону: «Передайте ей привет и скажите, что я навещу ее во вторник». А когда заметил Алекс, то просто сказал: «Речь о моей матери, ее опять приняли».

Направляясь к Натану, она мельком глянула в сторону Патрика. Повесив на шею гирлянду из золотой мишуры, тот маячил на танцплощадке в компании Фионы и нескольких других медсестер и, судя по его раскованному танцу, прекрасно проводил время. Кэролайн с неловким видом танцевала в более консервативном стиле с несколькими младшими медсестрами и санитарями. Она приветливо махнула Алекс рукой, но им пока не удалось пообщаться. Эдвард Даунинг, рентгенолог, собрал в углу приличную компанию сотрудников своего отделения, явно нарочно отделившись от остальных гостей, и Тейлор подумала, не устроил ли он здесь себе собственную прощальную вечеринку. Том Коллинз и Мэгги Филдинг, оба элегантные и высокие, о чем-то оживленно болтали. Перехватив их взгляды, Алекс слегка кивнула. А потом, повернувшись к стойке бара, заговорила с Беллом:

– Привет, Натан. Тебя нечасто увидишь на наших сборищах.

– Подумал, что мне пора стать более общительным, – пожал тот застенчиво плечами. – То есть на самом деле я пришел благодаря Фионе; она сказала, что из нашего отделения будет мало народу... Вот я и решился.

Видя его в профиль с правой стороны, Алекс отметила, что у него

красивая форма лица с волевыми высокими скулами и выступающим подбородком. Его бледные губы были не слишком полными.

– Как ты себя чувствуешь? – неожиданно спросил он.

– Нормально, – весело ответила Алекс, – великолепно.

– Правда? А я думал, что ты еще переживаешь.

– С чего ты так подумал?

– Ну... гм... нападение месяц назад и... гм... ситуация на работе...

Извини, это не моя идея последить за тобой. Доктор Коуэн предложила нам поработать вместе несколько недель. Надеюсь, ты не против?

Несмотря на постоянное присутствие Натана, последние дни в больнице прошли нормально. Если уж на то пошло, одновременное посещение двумя врачами одного пациента сокращало время ожидания для других. Кэролайн воспользовалась этим обстоятельством, чтобы приглядеть за Алекс, объяснив другим сотрудникам, что это связано с изучением распределения времени трудового процесса. Все, казалось, поверили такому объяснению, и Алекс восприняла это с благодарностью. Если кто-то и пытался сплетничать втихаря, то она ничего не слышала.

Алекс понимала, как ей повезло, что ситуация с Джорджем Бартлетом закончилась нормально. Любой другой начальник потребовал бы всестороннего расследования оплошности с лекарством, но Коуэн пока помиловала ее.

Взяв бокал Натана, Алекс выпила треть его пива.

– Извини, – шутливо произнесла она.

Ей следовало быть благодарной Кэролайн за то, что та не потребовала официального дисциплинарного расследования. Вот только кому, интересно, ей следовало быть благодарной за то, что вся ее жизнь покатила к чертовой матери?

Белл пожал плечами, отмахнувшись от столь незначительной вольности, и сделал знак одному из барменов.

– Позволь мне угостить тебя выпивкой.

Через несколько минут, когда перед ними поставили новые напитки и Натан убрал в карман сдачу, Алекс обратилась к нему так, словно они и не прерывали разговор:

– Ты еще не слышал, какая я фантазерка?

– Неужели фантазерка?

– В общем, такой вариант, по крайней мере, позволяет мне самой определять стратегию поведения, – заявила Алекс, сделав изрядный глоток пива. – С поврежденным мозгом или психикой не так легко освоиться. А с фантазиями... Что ж, это звучит более экзотично. Алекс – грандиозная

фантазерка...

Она продолжала пить, ничуть не волнуясь, что ее могут счесть безрассудной.

– Тебе хочется поговорить об этом? – спросил Натан.

– Нет, спасибо. Я предпочитаю, чтобы мы выпили еще и поговорили для разнообразия о тебе, мистер Белл. Мне хотелось бы знать, почему ты не привел с собой сегодня какую-нибудь милую подружку.

– Я мог бы то же самое спросить у тебя.

– Ну, я-то притащилась не одна. А вон с тем темноволосым красавчиком в дальнем углу, хотя он думает, что я слишком много пью и не способна отличить правду от фантазии.

– Я уверен, что он так не думает. – Белл выглядел смущенным.

– Натан, не надо пытаться улучшить мне настроение. Все кончено. Он не верит мне, черт побери. Поэтому все, на хрен, кончено.

Натан поморщился. При всем желании она не могла оправдать свою грубость только воздействием алкоголя. Просто ей захотелось шокировать этого скромнягу, хотя в итоге шокированной оказалась она сама. Прежде Алекс никогда не разговаривала в таком стиле, никогда не переходила границы приличий. Устыдившись собственного сквернословия, она смутилась и решила, что пора начинать трезветь.

– Прости. Мне пора уходить.

– Уходить! О нет, куда ты не уйдешь! – воскликнула Фиона у нее за спиной. – Мы еще даже толком не сплясали. Что за чертова спешка? Ты так мило общалась здесь с доктором Беллом, и я уверена, что он хотел бы потанцевать... Не правда ли, доктор Белл?

– Нет, но в любом случае благодарю. – Натан поднял руки, оборонительно выставив ладони. – Здесь, у бара, мне очень комфортно. На самом деле я и сам подумывал вскоре уходить.

Вудс, отступив назад, для устойчивости расставила пошире ноги. Поморщилась, с любопытством скосив взгляд на Натана, и вдруг повторила его слова, почти идеально подражая ему: «Здесь, у бара, мне очень комфортно. На самом деле я и сам подумывал вскоре уходить».

Явно удивившись, Белл осмелился улыбнуться и задумчиво похлопал в ладоши.

– Надо же! Какие интересные импровизации бывают на ваших вечеринках...

Фиона соблазнительно улыбнулась и, плавно изгибаясь всем телом, скользнула к бару и втиснулась между Натаном и Алекс, сосредоточив все внимание на подруге.

– Милая, разве у тебя нет более подходящей одежды? – продолжила она голосом Патрика.

Барменша таращила глаза, слушая эти выступления.

– Вы потрясающи! А можете изобразить кого-нибудь из знаменитостей? – с восхищением спросила она.

Народ в баре прекратил разговоры, прислушиваясь, а Фиона мило улыбнулась своей умолкшей аудитории. Ее взгляд задержался на Алекс. Она подмигнула ей и перевела взгляд на Патрика, неожиданно появившегося за ее спиной. И вдруг заговорила голосом Алекса:

– Натан, не надо пытаться улучшить мне настроение. Все кончено. Он не верит мне, черт побери. Поэтому все, на хрен, кончено.

Алекс почувствовала себя так, словно ей вlepили пощечину. Ее потрясло то, как похоже Фиона имитировала ее голос и интонации, и еще больше потрясла бестактная жестокость ближайшей подруги.

– Мне пора уходить, – пробормотала она.

В мучительном смятении доктор Тейлор, спотыкаясь, шла по парковке, не осознавая, что Натан следует за ней.

Увидев свою зеленую «Мини», Алекс замерла в изумлении. Из соображений безопасности она припарковала машину в освещенном месте поблизости от здания больницы, и теперь отлично видела надпись, появившуюся на лобовом стекле.

По всей ширине стекла желтели слова, написанные желтым красочным распылителем:

Алекс склонна говорить «да».

* * *

В полицейском участке, после краткого разговора с дежурным констеблем, они разделились. Натана провели в смежную с приемной комнату для допросов, а второй полицейский, понажимав кнопки на какой-то панели, проводил Алекс наверх, в кабинет инспектора Тёрнера. Больше сорока минут она проторчала одна в кабинете, и в итоге вся комната – обстановка и интерьер – отлично запечатлелись в ее памяти.

Стены покрывала светло-сиреневая краска, на полу лежало ковровое покрытие оттенка флага военно-воздушных сил. Закрытые белые вертикальные жалюзи на единственном окне отсекали вечерний свет

улицы, отчего помещение выглядело совсем закрытым и могло бы вызвать страх у больных клаустрофобией. Алекс сидела около стола на посетительском месте в таком же кресле, которое стояло напротив со стороны хозяина кабинета. На столе расположились газеты «Бат кроникл», «Гардиан» и «Дейли мейл» на различной стадии прочтения. В открытом пластиковом контейнере лежал вполне свежий и полусъеденный гамбургер с курицей и салатом-латуком. На батарее под подоконником пристроилась помятая банка из-под кока-колы.

Из коридора донеслись звуки шагов, и в дверях появился инспектор Тёрнер, держа поднос с двумя кружками и сахарницей.

– Кофе, – приветливо объявил он и, кивнув на мобильник, лежавший там же, на подносе, добавил: – А ваш друг сообразителен.

Пока Алекс в ужасе таращилась на свою машину, Натан сделал несколько фотографий надписи.

– Извините за ожидание, – продолжил хозяин кабинета. – Я отправил группу полицейских к больнице, надеясь получить видеозаписи камер слежения из вашего клуба. Они должны вскоре вернуться.

Алекс облегченно вздохнула. Очень скоро она узнает, кто же издевался над ней. Так же, как и все остальные.

– Он ваш кавалер? – спросил Грег Тёрнер.

– Нет, – она покачала головой. – Коллега. Друг.

– Это с ним вы ходили на эту вечеринку?

– Нет. Я ходила туда с моим кавалером и с подругой, Фионой Вудс. Натан пришел на вечеринку сам по себе, но он последовал за мной, когда я... В общем, слегка перебрав, я почувствовала себя неловко, и когда выбежала из клуба, Натан последовал за мной. Мы с ним вместе оказались около моей машины.

– Надеюсь, вы не собирались садиться за руль? – с оттенком неодобрения спросил Грег.

– Мне просто хотелось немного побыть в одиночестве, – ответила Алекс, в очередной раз покачав головой. – Но сесть за руль я не смогла бы в любом случае – мои ключи остались в сумочке, забытой на вечеринке.

– Как и ваш кавалер?

– Да, он, вероятно, еще веселится. Скорее всего, даже не заметил, что я ушла. – Услышав в собственном голосе жалобно-обиженный оттенок, Алекс быстро сменила тему: – Как дела у родителей Эми Эббот?

– Опустошены, – Тёрнер слегка пожал плечами, – не могут смириться со случившимся.

– А ее приятель? Вам удалось найти его?

Полицейский опустил глаза на свой рабочий стол и нервно потер пальцем переносицу.

– Нам ничего не известно о наличии у нее приятеля; мы знаем лишь, что она была беременна.

– И вам совсем ничего не удалось выяснить? – упорствовала Алекс.

– Доктор Тейлор, мне ведь не положено обсуждать с вами это дело.

– И не положено во время разговора смотреть на меня?

Грег мгновенно поднял голову, и Алекс осознала, что он более чем способен выдерживать взгляд собеседника. Она почувствовала себя глупо. Ведь инспектор оттачивал свое мастерство на преступниках, которые, несомненно, как раз пытались избежать его взгляда...

– Неужели ее родители верят, что она сделала это сама? – спросила Алекс. – Неужели думают, что их дочь умерла из-за того, что сделала с собой?

Тёрнер промолчал, но она знала ответ на свой вопрос.

– Разумеется, они так не думают, – тихо, но уверенно заключила Алекс. – Никакая молодая женщина не решится на такой невыносимый и ужасный поступок. И к тому же где она пропала все это время?

– Нам пока неизвестно, – губы инспектора сложились в подобие вежливой улыбки, – следствие еще ведется. У нее было много знакомых. Вы же знаете, что ее нашли на территории больницы. А в последний раз, по нашим сведениям, ее видели...

– На Кингсמיד-сквер, – вяло закончила Алекс, – знаю. Читала в газете.

– Поймите, доктор Тейлор, полиция в данном случае не занимается расследованием убийства. В худшем случае – самоубийства, но более вероятно трагическая случайность. Вам действительно не стоит думать, что это как-то связано с вашим делом. Если, разумеется, вы не узнали что-то новое для нас.

Голова Алекс раскалывалась после чрезмерного количества спиртного и громобойной музыки, игравшей в клубе.

– Вас не было, когда она умирала. Она сказала мне кое-что. И я поняла, о чем она говорила. Это читалось в ее глазах... Она...

Их разговор прервал стук в дверь, и Алекс с удивлением увидела, что в кабинет зашла Лора Бест. Доктор Тейлор не помнила, чтобы эта женщина раньше улыбалась ей так дружелюбно. Может, тот факт, что сейчас посетительница полицейского участка была нормально одета, а не лежала нагишом на смотровом столе, побудил эту молодую особу отнестись к ней как к личности, а не просто как к опрашиваемой жертве преступления. Или она изобразила дружелюбие ради Грега Тёрнера?

– Чем могу помочь? – спросил тот.
– Видеоматериалы, – сказала Бест, поднимая черную видеокассету.
– Господи, вот это скорость... Вы что, слетали туда?
– Я оказалась поблизости, – Лора улыбнулась, – и мне запросто их выдали, поскольку доктор Тейлор уже достаточно обращалась к нам по разным поводам. Я уверена, что ей не терпится увидеть своего преступника.

Акцент на слове «преступник» прозвучал еле заметно, но чуткий слух Алекс распознал легкую издевку.

Инспектор Тёрнер кивнул своей подчиненной, жестом предложив вставить кассету в видеоаппаратуру. Пренебрежительное пожатие плеч и взгляд, брошенный на босса, дали понять, что Лора Бест уже просмотрела запись и не увидела там ничего существенного. Сердце Алекс упало, и она села поудобнее, чтобы лучше видеть экран, на котором разворачивались действия, происходившие около ее машины.

Объемистая черная куртка с капюшоном полностью скрывала голову и лицо этого вандала, мешковатые брюки и грубые перчатки не позволяли оценить ни размеры его конечностей, ни цвет кожи. Установить личность «художника» было совершенно невозможно.

– По-моему, это шутка, – сказала Бест.
– Простите? – Алекс изумленно распахнула глаза.
Ей захотелось вскочить и залепить этой женщине пощечину.
Лора выразительно взглянула на Грега Тёрнера, явно предлагая ему разделить ее мнение.

– Всего лишь шутка, – повторила она.
– Если и шутка, то с садистским душком, – откликнулся Грег.
– Ну да, разумеется, но тем не менее шутка. Или, если угодно, обманный трюк.

Алекс стало тошно, когда подразумеваемое дошло до нее.
– Вы полагаете, кто-то написал это, зная, что я ответила ему согласием?

Никто из полицейских не произнес ни слова.
– Вы полагаете, кто-то написал это, считая меня легкодоступной? – продолжила она.

– Если вы не обсуждали с кем-то интимные подробности того случая, – решительно покачав головой, ответил Грег Тёрнер, – то никто больше не мог их знать. Как вы думаете, возможно ли, что вы поделились ими с кем-то, а он потом сделал надпись на вашей машине?

Алекс решительно покачала головой.

– В общем, я могу лишь предположить, что констебль Бест права, говоря о садистской шутке. Возможно, кто-то услышал о вашем испытании и, будучи жестокосердным, решил превратить его в легкий глупый розыгрыш.

Алекс с трудом поднялась на ноги.

– Я устала. И сейчас мне надо домой.

– Выпейте сначала кофе. Мы еще немного побеседуем, а потом я отвезу вас домой, – предложил Грег.

Но Алекс уже шла к двери.

– Думаю, не стоит. Меня сделали глупым посмешищем. Разве не так, инспектор Тёрнер? Ладно, не забывайте, что вам удалось хорошо посмеяться за мой счет.

– Доктор Тейлор, может, вам это понадобится...

Оглянувшись, Алекс увидела, что Лора Бест держит ее черную сумочку на длинном ремешке. Удивленная такой любезностью, она прошла обратно по кабинету, чтобы взять ее.

– Барменша сказала, что вы забыли сумку. Я подумала, что она вам пригодится.

Алекс пробурчала слова благодарности.

В полном молчании она проследовала через приемный вестибюль к выходу. Натана поблизости не наблюдалось. Тишина сопровождала ее в темноте улиц, но в ушах звучал язвительный голос похитителя из-под хирургической маски. «Что значит “нет”?.. Ведь это простой вопрос».

Глава 15

Прошло почти полтора месяца с той жуткой ночи и одна неделя с вечера последней корпоративной вечеринки. Любая надежда на то, что тот безумец больше не представляет опасности, улетучивалась из сознания Алекс, едва она видела свою машину. Ее ужасало то, что он по-прежнему где-то рядом, а она не в силах ничего доказать. Полицейские сочли надпись на ее машине глупым розыгрышем – дескать, она стала мишенью чьей-то жестокой шутки...

Поднеся бумажный пакет ко рту, Алекс принялась глубоко дышать. Ей надо прекратить вспоминать эту историю, иначе она станет узницей в собственном доме. Но избавиться от воспоминаний было ужасно трудно. Она постоянно изводилась страхами и тревогой. На работе парковалась как можно ближе к входу в свое отделение. Пристально вглядывалась в каждого проходящего мимо мужчину. Дежурные, санитары и врачи, с которыми она общалась, – все стали теперь новыми подозреваемыми. Как и пациенты из мужских палат с легкими недомоганиями. Находясь в их палатах, Алекс внимательно следила за их лицами, но главное, прислушивалась к их голосам. Однако никто не говорил голосом того человека. Да и возможно ли это? Тембр его голоса был искаженным. Пониженным и искаженным. Больше всего тот голос напоминал осипшего после трахеотомии больного, которому вставили голосовой протез. Во время речи голос похитителя звучал механически, поскольку воздух проходил уже не через голосовые связки, а через специальную трубку. И теперь Алекс как одержимая размышляла о том, мог ли издеваться над ней мужчина, перенесший операцию трахеотомии. Может, кто-то винил ее за утрату собственного голоса? Она сходила с ума от всех этих жутко навязчивых размышлений. Тот человек продолжал сводить ее с ума, разрушая жизнь.

Перестал звонить Патрик. Его последнее сообщение трехдневной давности еще хранилось в памяти телефона. Алекс прослушивала его снова и снова, стараясь уловить малейшую фальшь, но его извинения за нанесенную ей обиду звучали искренне. Ему не следовало действовать за ее спиной и разговаривать с Кэролайн. Он поступил неправильно. И крайне сожалел об этом. Однако чувствовал, что не способен сам помочь Алекс, и осознавал, что позволяет ей опускаться. Из-за того, что не может поверить ей. Он сохранял спокойствие вплоть до последних слов, когда голос его

дрогнул: «Я люблю тебя, Алекс. И хочу жениться на тебе. Пожалуйста, пожалуйста, позвони мне».

Она не перезвонила ему не потому, что он пожаловался Кэролайн, хотя это и обидело ее. А из-за того, что он не верил ей. Без веры, без полнейшего доверия, любви не бывает – для настоящего чувства просто нет надежного основания. Долгосрочные отношения вроде брака обречены на провал. С ее точки зрения, их роман закончился для каждого из них, хотя пока без формальной констатации этого факта.

Сидя в одиночестве на своей кухне, Алекс страдала и скучала по Патрику. Множество раз она желала, чтобы ее жизнь вернулась к тому дню, когда она впервые решила встретиться с ним; вспоминала, как недавно они обсуждали, что подарить друг другу на Рождество... Но больше всего она жалела о том, что теперь воспринимала его как незнакомца, как слабака, недостойного ее любви. Словно она вдруг потеряла Патрика, а его место занял кто-то чужой. Алекс с грустью осознала, что он, вероятно, точно так же думает о ней. Они потеряли друг друга. Даже если начнут опять упорно искать общения друг с другом, то останутся потерянными, потому что они стали уже совсем иными людьми. На ее долю выпало жуткое испытание, которое Патрик считал плодом ее воображения.

Шесть недель тому назад у нее были любимый человек, любимая работа и так называемая личная жизнь. И всего за несколько часов ее нормальный мир рухнул. Теперь его наполняли сомнения, тревоги и жуткие черные дыры неизвестности. Алекс понимала, что не вынесла бы такой жизни, если б у нее не осталось любимой работы и голубых таблеток.

* * *

Во второй половине дня, ругая себя за попытку сделать все рождественские покупки за один раз, Алекс тащила назад к парковке, нагруженная тяжелыми фирменными пакетами с подарками. Ей надо было бы, придерживаясь исходного плана, попросту подарить всем персональные сертификаты. Сберегла бы себе время и силы, не чувствовала сейчас себя такой вымотанной и не пребывала в сомнениях по поводу того, понравятся ли ее подарки. Рубашка, купленная отцу, уже казалась ей слишком модной, а халат для матери очень напоминал тот, что она покупала в прошлом году. Алекс прожила длинный, безрадостный день. И не позвонила Фионе, чтобы напомнить о планах совместных

покупок, поскольку после вечеринки они вообще не разговаривали. Алекс еще не простила подругу.

Загрузив пакеты на заднее сиденье своей машины, она влилась в череду медленно ползущих к выезду с парковки автомобилей, надеясь, что движение из Бристоля обратно в Бат стало с утра менее оживленным. Ей хотелось также заехать на заправку, чтобы помыть машину, – на ветровом стекле по-прежнему виднелись кое-где желтоватые разводы, хотя надпись была скрупулезно стерта. Чистая машина избавит ее от злосчастного напоминания. Если, добравшись до дома, она сможет восстановить силы, то займется уборкой. С другой стороны, завтра у нее тоже выходной, и она могла посвятить его рутинным домашним делам. Таким образом, у нее будет о чем подумать и чем заняться до возвращения в больницу.

А уж на работе ее мысли будут заняты жизнями других людей, и ей некогда будет думать о своей собственной.

Зимние сумерки сгустились к четверем часам. Алекс как раз съехала по пандусу в гараж под своим домом, и ее мысли очистились от всех былых сомнений. Она уже думала о том, что приготовит на ужин, и предвкушала долгое отмокание в пенной ванне и просмотр девятичасового вечернего фильма по телевизору.

Если б она ехала чуть быстрее, то наехала бы прямо на женщину. Вдавив педаль тормоза, Алекс включила все фары. На ее парковочном месте совершенно неподвижно лежала на спине какая-то женщина. Машинально открыв бардачок, Алекс вытащила оттуда разнообразные медицинские принадлежности, которые всегда держала под рукой на случай дорожной аварии. С воздуховодом Гведеда и стетоскопом в одной руке и пачкой бинтов в другой она бросилась на помощь незнакомке.

Быстро осмотрела ее одежду и макияж: черные лакированные сапоги на высоких каблуках, красная атласная мини-юбка, едва прикрывающая оголенные пухлые бедра, черная майка с глубоким вырезом под кремовым атласным жакетом. Сначала Алекс подумала, что женщину избили, но, произведя более тщательное обследование, поняла, что ошибалась. Правая рука пострадавшей явно была вывихнута или сломана, плечо сильно распухло. Пальцы окровавленной кисти тоже сломаны. Оставив пока в покое травмированную руку, доктор Тейлор сосредоточила внимание на темном пятне, проступившем на кремовом жакете, прямо на груди женщины. На нем отчетливо виднелись следы шины. Вытащив мобильник, она вызвала «неотложку».

Приложив ухо ко рту женщины, Алекс почувствовала теплое дыхание и в то же время заметила легкий подъем грудной клетки. Вена на шее

раздулась и сильно пульсировала. Раненая еще дышала, непонятно только, насколько нормально. Если ее действительно переехала машина, то есть вероятность множественных переломов ребер и повреждения легких. Расстегнув единственную пуговицу, удерживающую вместе полы кремового жакета, доктор разорвала посередине черную майку. Грудная клетка деформировалась, и слабый подъем наблюдался только с левой стороны груди. Алекс приходилось иметь дело с грудными травмами, и она знала, что без помощи хирургической бригады и надлежащего оборудования женщина может скоро умереть.

В багажнике ее машины имелся дренажный грудной комплект, плевральные трубки, скальпели и прочие приспособления для нормализации работы легких, но они могли помочь, только если повреждены лишь кровеносные сосуды или если была бы возможность возмещения потери больших объемов жидкости для поддержания работы сердца. Надо было, однако, настроиться на позитивный исход. И Алекс решила сосредоточиться на возможно более длительном поддержании жизни пострадавшей.

Ее насторожил тихий сдавленный вдох, а легкое движение женщины заставило доктора Тейлор вновь взглянуть на ее лицо. С изумлением она увидела, что глаза незнакомки открылись.

– Привет. Вы попали в какую-то аварию, и я постараюсь помочь вам, – спокойно сказала она.

Женщина попыталась ответить, но с ее губ не слетело ни звука.

– Я врач. «Скорая помощь» уже едет к нам, – добавила Алекс.

В ней проснулась слабая надежда. Раз эта женщина в сознании, возможно, у нее нет внутренних кровоизлияний. Определенно повреждено легкое, но с этой проблемой Алекс могла справиться. Главное, чтобы пострадавшая продолжала дышать, поскольку, если перестанет биться сердце, Алекс придется надавливать на сломанные ребра, что может быть чревато повреждением и сердца, и легких.

Изо рта раненой выплеснулось немного крови, забрызгав ее лицо. Кончиками пальцев Алекс стерла капельки с ее век, неистово молясь о скорейшем приезде «неотложки». Эта бедняжка могла истечь кровью!

Внезапно женщина заговорила. Но, увы, хриплые булькающие звуки предупредили Тейлор о близкой кончине пострадавшей:

– Хочешь поиграть в докторов... спасти меня...

Незнакомка вновь кашлянула. Ее зубы окрасились кровью, а губы растянулись в жуткой улыбке.

– Тоже мне врач...

Когда изо рта женщины хлынула кровь, Алекс всячески пыталась отводить ее, используя перевязочные средства и любую имевшуюся под рукой одежду. Но кровь иссякла только после остановки сердца.

Бригада приехавшей «неотложки» обнаружила двух женщин, с головы до пят залитых кровью, и изначально медики подумали, что ранены обе. Позже, давая показания полиции, они сообщили, что доктор Тейлор в безумном отчаянии стояла на коленях над мертвым телом.

– Она выглядела как Кэрри^[9] из ужастика, с лица и с волос стекала кровь, глаза вытаращены, – заявил один из парамедиков. – Ну точно копия той залитой кровью Кэрри!

Глава 16

Четыре полицейские машины и черный фургон коронера окружили место, где лежала умершая женщина. Приехавшая бригада «неотложки» быстро уехала, а дюжина полицейских занялись своей работой. Жителям дома Алекс, которые начали возвращаться с работы, велели парковаться в округе. Подземный гараж стал местом преступления, и как минимум на несколько дней въезд любых других машин туда запретили. Алекс сидела на заднем сиденье одного из полицейских автомобилей, и ее была нервная дрожь. Ей даже не разрешили подняться к себе в квартиру и переодеться: кровь на ее одежде и руках высохла и запеклась под ногтями темной коркой.

Она видела, как Лора Бест с другим полицейским несколько раз обошли вокруг ее только что вымытой «Мини» бутылочно-зеленого цвета. Потом, распластавшись на бетонном полу, долго проверяли днище. Одна из сотрудниц полиции попросила доктора Тейлор дунуть в специальную трубку, и она порадовалась тому, что в последние дни ей удавалось воздерживаться от алкоголя. Она стала подозреваемой в каком-то преступлении. Не обязательно главной, но тем не менее подозреваемой. Алекс дала краткие показания старшему инспектору на месте преступления, и ей сказали, что позже ее опять допросят. Прошло больше четырех часов с тех пор, как она приехала домой из своей рождественской поездки по магазинам, и, несмотря на то что за это время вокруг нее происходило множество событий, все это, казалось, тянулось целую вечность.

Может, если б она просто обогнула полицейскую машину и прошла по гаражу к лифту, то смогла бы незаметно сбежать в свою квартиру. Могла бы принять ванну, приготовить ужин...

Внезапно Алекс задохнулась от рыданий. Она не заметила ни открывшейся дверцы машины, ни руки, помогавшей ей выйти. Не осознавала, как ее проводили в ее квартиру, накрыли чем-то плечи, и в руках у нее появилась теплая кружка. И лишь когда горячий сладкий чай пролился в горло, она начала осознавать окружающее.

В паре шагов стоял Грег Тёрнер, обратив на нее встревоженный взгляд. Дождь слегка разгладил его волнистые волосы, а плечи кожаной куртки пропитались влагой, и он впервые выглядел не столь отталкивающим.

– Простите за это неприятное ожидание, – сказал инспектор. – Позже я

еще поговорю с ними. По-моему, они просто забыли, что оставили вас на заднем сиденье одной из наших машин.

Алекс пробрала дрожь. Ее замерзшие конечности начали отогреваться. В подземном гараже всегда было холодно, и она совершенно заоченела, просидев там несколько часов.

– Мне не удалось спасти ее, – прошептала Алекс. – Мы словно попали в зону военных действий. Кровь хлестала, а я ничем не могла остановить ее...

– Бригада парамедиков сказала, что у нее множественные тяжелые травмы. Не думаю, что в таких обстоятельствах можно было что-то сделать.

– Но я же врач, – крикнула доктор Тейлор, – это моя работа! Я спасаю жизни. Мне следовало сделать больше. Следовало действовать быстрее. Откачать жидкость. Вставить трубку, не позволив ей захлебнуться собственной кровью!

– Я уверен, что вы сделали все возможное, – успокаивающе произнес Грег и добавил: – Необходимо, чтобы вы дали нам полные показания. Чем скорее, тем лучше.

Обхватив руками теплую кружку, Алекс заметила засохшую под ногтями кровь и, начиная постепенно отогреваться и оттаивать, уловила ее металлический запах.

– Могу я сначала принять душ?

Задумчиво помолчав, Тёрнер мягко сказал:

– Конечно. Но нам понадобится вся ваша одежда.

– Я под подозрением, верно? Они считают, что я наехала на нее?

Полицейский покачал головой:

– Таковы правила. На вашей одежде могут обнаружиться улики. Она была уличной проституткой, известной как Обеденная Лили.

Алекс возмущенно взглянула на собеседника.

Тот поднял руки, показывая, что не он дал ей такое прозвище.

– Лилиан Армстронг. Иначе Лили. Свое прозвище она заслужила тем, что работала только днем, пока ее дети учились в школе. Мужем, который присматривал бы за ними по ночам, она так и не обзавелась.

Алекс и сама догадалась, чем занималась эта Лили, но ей не хотелось говорить об этом. За годы работы она сталкивалась с множеством подобных женщин и знала, что у каждой из них имелись свои причины для такой деятельности. Она никогда не осуждала их, когда те появлялись в «неотложке», вместо того чтобы обратиться за мазями и антибиотиками в кожно-венерологический диспансер. И обычно поила их чаем после того,

как им подлечивали ушибы и ссадины от избиений, которым они частенько подвергались. Эти женщины жили в больном мире, а ее работа и состояла в том, чтобы лечить боль.

– Если желаете, я сложу свою одежду в бельевую корзину? – предложила Алекс.

– Я предпочел бы, чтобы вы сложили ее вот в эти мешки, – ответил Грег, достав из кармана куртки два больших пластиковых пакета.

Она устало поднялась на ноги.

– Я заметила следы шины. На ее жакете есть отпечатки колеса.

– Где именно на жакете? – нахмурившись, спросил Тёрнер.

– На груди. Ее раздавили.

– Пытаясь оказать помощь, вы передвигали ее?

– Безусловно, нет, – резко бросила врач, – ведь у нее мог быть поврежден позвоночник! – Она судорожно вздохнула и всхлипнула. – Простите, я не хотела грубить.

– Все понятно. У вас выдался чертовски трудный день.

– А почему вы спросили об этом? – уточнила Алекс. – Почему подумали, что я могла передвинуть ее?

– Да просто мелькнула такая мысль, – инспектор пожал плечами.

Грег Тёрнер отнюдь не производил впечатление человека, задающего вопросы просто так, не имея на то причины, но Алекс не думала, что он станет ей что-то объяснять. Хотя она могла бы и сама найти объяснение, если б не так сильно устала.

Шел уже двенадцатый час вечера, когда Алекс наконец закрыла за ним дверь. Ее уведомили в том, что завтра утром она должна явиться в полицейский участок Бата для официальной дачи подробных показаний. Алекс надеялась, что ей не придется опять общаться с Лорой Бест. Пока она сидела на заднем сиденье полицейского автомобиля, эта особа с отстраненным и наглым видом бросила на нее несколько оценивающих взглядов. Полицейские еще рыскали по гаражу и придомовой территории. Алекс слышала, как они заходили к ее соседям, и поняла, что им тоже придется давать показания, однако это не прибавило ей даже толики уверенности в том, что полиции удастся найти хоть какие-то улики. У них имелся отпечаток шины, но она готова была поспорить, что это будет их единственной находкой.

Алекс устроилась на своем излюбленном месте у стены – подобно домашнему животному, она нашла для себя уютное лежбище. Сев у стены в гостиной, закуталась в пуховое одеяло, и внезапно в ее голове всплыли последние слова женщины: «Хочешь поиграть в докторов...»

До этого момента Алекс думала, что бедняжка обращалась непосредственно к ней, говоря о ее профессии, призванной спасать жизни. Но, допустим, это не так и на самом деле умирающая женщина говорила о человеке, который сбил ее?

Тожe мне врач...

Допустим, сбивший ее человек был доктором – почему же он не попытался как-то помочь ей или вызвать «Скорую помощь»? Могли ли ее сбить намеренно? Мог ли это быть тот самый человек, который выбрал Алекс мишенью своих издевательств? Ее пронзила ужасная мысль. Не собирался ли он вновь напасть на нее, когда ему случайно помешала Лилиан Армстронг? Неужели ему известно, что она живет здесь?

Хочешь поиграть в докторов...

Слова Лилиан могли быть всего лишь последней бредовой попыткой умирающей женщины осознать случившееся. Алекс молилась, чтобы так оно и было. Иначе он где-то рядом. Он все еще вынашивает злодейские планы, и она была не единственной жертвой. Он продолжал играть роль доктора, но теперь начал убивать намеченные жертвы.

Глава 17

Они встретились в ресторане, где раньше ни один из них не бывал. Французское бистро на Палтни-бридж^[10] с каменными полами, деревянными столами и множеством красных, истекающих воском свечей. В этом слегка запущенном, грязноватом, но дорогом ресторанчике царила непринужденная атмосфера, и по выходным там почти никогда не было свободных мест, поэтому они и не заглядывали туда раньше. Вечером во вторник, однако, занятым оказался лишь один столик, и Патрик выбрал местечко с панорамным видом на речную плотину.

Войдя в зал, Алекс увидела, что Патрик, одетый в бордовую рубашку, которую она сама помогла ему выбрать, и в элегантную черную куртку, сосредоточенно изучает меню. В живых отблесках свечей его красивое лицо выглядело пылающим. На столе перед ним стоял большой бокал красного вина. Он сидел с таким расслабленным видом, что она невольно заподозрила, что это не первый его бокал.

Патрик удивился, увидев, как она молча проскользнула на стул напротив него, а Алекс порадовалась, что сразу поставила его в неудобное положение. Он встал, и ему пришлось неловко склониться над столом, чтобы поцеловать ее. Ему мешали зажженная свеча и одинокий цветок в вазе, а ее повернутое в профиль лицо позволило ему лишь коснуться губами ее щеки. Если б она немного повернула голову, Патрик мог бы поцеловать ее должным образом, но ей этого не хотелось.

Первые мгновения заполнило напряженное молчание, но сообразительный Патрик быстро открыл второе меню и протянул его Алекс.

– Набор блюд выглядит великолепно, – сообщил он. – Нам следовало заглянуть сюда раньше.

Появившийся официант налил в бокал Алекс воды и поинтересовался, какие вина она предпочитает. Доктор Тейлор выбрала сухое белое вино. Чем суше, тем лучше. Тогда она будет потягивать его маленькими глотками, не выпивая залпом. Алекс старалась не забывать, что на данный момент алкоголь попал в число ее врагов. Гораздо приятнее – если б она позволила себе такую слабость – было бы выпить до подачи основного блюда пару бокалов красного или более сладкого белого вина. Разговор тогда мог бы пойти более непринужденно, и гораздо легче было бы разобраться с неловкими моментами. Но к концу такого расслабляющего вечера Алекс

могла захотеть большего. Вспомнить о закрытых бутылках в своей квартире, как о друзьях, запамятовав, что они стали врагами. Так что сейчас гораздо лучше обойтись одним бокалом жуткой кислятины.

– Принесите мне для начала *moules*^[11], а потом морского ангела, – сказала она официанту еще до того, как тот спросил, готова ли она сделать заказ.

Патрик заказал то же самое и попросил еще один бокал «Мерло».

– Спасибо, что пришла, – предсказуемо произнес он, когда они остались одни, а потом, неловко взмахнув рукой, извинился: – Прости. Это прозвучало глупо. Я же не хозяин вечеринки. – Он дождался, когда Алекс посмотрит на него. – Мне нужно объяснить тебе, как глубоко я сожалею... Не только о моем непростительном разговоре с Кэролайн, но и о предыдущих неделях, когда я не позволял тебе говорить о случившемся. Я поступил неразумно, сразу увезя тебя на Барбадос, словно тебе могло стать лучше от одного только моря, солнца и золотистого песчаного пляжа.

Алекс почувствовала, как тиски, сжимавшие ее грудь, начали разжиматься, но она продолжала усиленно сдерживать слезы, хотя пощипывание глаз сменилось комком в горле. Она не собиралась так легко прощать его. Ей необходимы были более существенные признания.

Появился официант с их напитками. Через несколько минут он принес и корзинку с теплым хлебом и блюдо с мидиями, поэтому следующие минут десять они мирно закусывали. В зале приглушенно звучала «Святая ночь» в исполнении квартета «Иль-Диво»^[12], мерцали гирлянды на рождественской елке, а их разговор, ограничиваясь пока обсуждением прелестей этого ресторанчика и поданных им блюд, позволил им успокоиться и вновь почувствовать радость общения друг с другом.

Когда подали основное блюдо, она уже смеялась, и Патрик заказал бутылку прекрасного «Бордо». Алекс успела забыть, каким забавным он бывал. Забыла и о том, что его смех мог быть своего рода афродизиак. Ей так отчаянно захотелось заняться с Патриком любовью, что она едва не предложила ему поскорее уйти из ресторана. Но сдержалась, сосредоточив внимание на отделке интерьера, и дернулась от неожиданности, почувствовав, как его пальцы нежно погладили ее руку.

– Алекс, красавица моя! Сможешь ли ты простить меня? Я никогда больше не подведу тебя. Обещаю. Задавшись вопросом, почему так скверно обходился с тобой, я пришел к единственному ответу... Просто я думал, что ты повредила в уме, и сама эта мысль казалась мне невыносимой.

Их пальцы сплелись, и Тейлор воспрянула духом. Они поговорят обо всем позже. Она расскажет ему о своей версии причины смерти Эми Эббот и о женщине, истекшей кровью два дня назад на ее парковочном месте. Вчера она дала показания, и у нее взяли пробу ДНК. Может, вместе с Патриком им удастся убедить полицию в том, что во всех этих происшествиях виноват некий преступник. Форд менее эмоционален и способен убедительнее аргументировать ее версию.

– Спасибо, Патрик, что ты все понял, – прошептала она.

Он отставил на край стола свечу и одинокий цветок, и без всяких помех или противодействия со стороны Алекс нагнулся и поцеловал ее. Этот исполненный нежности поцелуй стал бальзамом на ее раны, и она вдруг впервые в жизни почувствовала себя столь любимой и желанной.

– Я задаюсь вопросом, могло ли мое поведение еще больше расстроить тебя, – тихо произнес Патрик. – Ведь, нуждаясь в моей помощи, ты могла бы выплакаться на месяц раньше и...

– Не поняла, о чем ты...

– Позволь мне закончить, – сказал он, сжимая ее руку. – Я представлял тебя такой сильной и совершенной, что, когда ты начала нести тот бред, я не сообразил, что тебе нужна помощь. Профессиональная помощь. А не тот дурацкий отпуск.

Алекс окаменела. Оживленным оставался лишь ее мозг. Ее не пробрала дрожь, и сердце не екнуло, заколотившись от волнения.

Она даже не представляла, насколько велико их непонимание. Патрик брал на себя вину за те истории, которые, по его мнению, ей привиделись, укоряя себя за то, что не увидел признаков того, что она нуждается в серьезной помощи...

Безнадежно. Какой же душой она оказалась! Патрик абсолютно не понимал ее. Ни одна из сокровенных мыслей, которыми они делились целый год, не позволили ему постичь ее натуры. Он видел в ней сильную, идеальную женщину, не поддающуюся никакой слабости. Однако если б Патрик действительно видел в ней такую личность, то разве не разумно было бы по крайней мере проанализировать вариант иного объяснения? Почему ему не захотелось поддержать ее, сказав: «Ладно, Алекс, давай рассмотрим такой вариант. Ты здоровый и нормальный человек. С чего бы тебе говорить о том, что с тобой произошло, если этого не происходило?»

Но, с его точки зрения, ему не было нужды говорить это, поскольку – он был в этом уверен – ей все привиделось. Ничего с ней не произошло. Она просто повредила умом и нуждалась в соответствующей помощи.

Ей удалось встать и, несмотря на окаменевшие губы, процедить:

– Прощай, Патрик. Спасибо, что пригласил меня сегодня на ужин.

Глава 18

– Очередной звонок от твоей поклонницы, – сообщила Лора Грегу, едва тот прибыл в участок.

Сама она отдежурила ночную смену, но выглядела так, словно только что приступила к работе. Остановившись около стола Лоры, Тёрнер мельком глянул на ее идеально отутюженную голубую рубашку и уловил свежий аромат духов.

Ему не понадобилось спрашивать, о какой поклоннице речь, – он уже знал, кого Бест так называет. За последние два дня Алекс Тейлор звонила в участок несколько раз, желая дополнить сведения о смерти Лилиан Армстронг, и поскольку она всегда просила позвать его, Лора сделала ошибочные выводы. Но ему пока нечего было ей сказать, он еще ждал отчета о вскрытии.

– Что хотела? – спросил инспектор.

– Узнать, нет ли у нас новостей по делу Лилиан Армстронг. Поскольку, вероятно, кто-то из нас, включив мигалку, посоветовал ей не вмешиваться.

Грег поставил портфель и теперь взглянул на коллегу с пристальным вниманием.

– Неужели у нее опять что-то случилось?

Лора, удивленно сверкнув глазами, высоко подняла брови.

– Вы имеете в виду очередное убийство или воображаемого хирурга, желавшего сделать ей операцию? А вы задавались вопросом, почему Лилиан Армстронг оказалась именно в том гараже, и главное – в том доме? Она же обычно не промышляла в том районе. Вряд ли она отправилась бы на поиски клиента в такую даль. Уж наверняка ее кто-то пригласил. Попасты в этот гараж могут только жильцы – прямо из дома, либо снаружи с помощью специального брелока. Грег, разве это не тревожный сигнал? Как и тот факт, что сама доктор Тейлор живет в том доме. Как и тот факт, что у нас нет свидетелей спешного отъезда неизвестной машины с места преступления. И вдобавок так удобно, что там нет никакой системы видеонаблюдения для отслеживания нужного момента...

– Я имел в виду, – стиснув зубы, процедил Тёрнер, – не оставили ли ей опять сообщение на машине.

– Ах, это... – произнесла Бест небрежным тоном, подсказавшим ему, что у нее по этому поводу иное мнение.

– Мы же оба видели кого-то возле ее машины.

– Она могла сделать это и сама, – пожала плечами Лора. – Напялить мешковатые шмотки, ускользнуть на пару минут с вечеринки, всего и делов-то... А потом обзавестись свидетелем обнаружения надписи.

– Она не могла знать, что Натан Белл последует за ней.

– Неужели? По его физиономии не скажешь, что у него много поклонниц, – констебль скривилась. – Тейлор могла дать ему повод последовать за ней, а в темноте, возможно, она и сама стала бы менее разборчивой...

Грег скрипнул зубами. Порой ход мыслей Лоры вызывал у него отвращение.

– То есть, по-вашему, он последовал за ней, надеясь поразвлечься на заднем сиденье ее машины? – Он взял свой портфель, казалось, размышляя над словами сотрудницы, и тихо произнес, придав своему тону особую искренность: – Умница. Похоже, у вас есть опыт в такого рода делах. Нам в полиции нужны подобные вам женщины для понимания поведения других женщин. Я обдумую вашу версию, Лора. Отправляйтесь домой, вы выглядите усталой.

После его ухода Бест еще немного посидела за своим столом, размышляя над его замечанием, а часом позже, улегшись дома в кровать, все еще раздумывала, было ли его оскорбление намеренным.

* * *

Отчаяние и упадок духа привели Алекс к дому Мэгги Филдинг. Больше ей не к кому было обратиться. Филдинг ни о чем не спросила по телефону, ничуть не удивилась тому, что ее давнее приглашение наконец-то принято. Просто сказала, когда будет дома, и объяснила, как до нее добраться.

И вот теперь, стоя в вечерних сумерках на тротуаре перед домом Мэгги, Алекс глубоко сожалела о своем звонке. Она едва знала эту женщину, но и то малое, что знала, не обнадеживало ее. Филдинг не производила впечатление человека, готового с радостью предоставить ей выпивку и сочувствие. Скорее уж она могла начать читать нотации. Но было слишком поздно отказываться от назначенной встречи.

Штора сдвинулась, и Тейлор заметили. К темно-синей входной двери вели три ступени, и когда Алекс взялась за латунный дверной молоток, дверь открылась.

– Я видела, как вы появились, – приветливо сказала Мэгги Филдинг. – Пешком или на машине?

– Прогулялась, – ответила гостья, вступив в просторную прихожую. – Не нашла свой брелок, чтобы открыть ворота гаража в доме.

– Отлично. Тогда вы сможете выпить.

Сама прихожая, а вернее, настоящий холл, производила внушительное впечатление: уходящие ввысь более чем на пятнадцать футов стены цвета баклажана гармонично сочетались с пыльным золотом арочного прохода и обрамления картин. Каблуки Алекс процокали по плитам пола, похожим на старинные тротуарные плитки, порождая удивительное гулкое эхо. Над лакированным золотистым столом в холле поблескивало высокое зеркало в богато украшенной позолоченной раме, и все это могло бы показаться излишне вычурным, но не в данном месте. Здесь обстановка свидетельствовала об исконной незыблемости.

– Сколько же лет этому дому? – поинтересовалась Тейлор.

– Построен в тридцатом году восемнадцатого века. Первым его владельцем стал прапрадед моего отца, или даже прапрапрадед, и с тех пор дом принадлежит нашей семье.

Гостиная выглядела еще более впечатляющей. Тянувшиеся от пола до потолка книжные полки были заполнены солидными томами – явно серьезная литература. В нише между двумя стеллажами, покрашенной в темно-рубиновый цвет, поместился письменный стол на фигурных ножках в виде перевернутых балясин и с рядами узких ящичков по бокам. Настольная лампа под черным абажуром на черной с золотом подставке испускала рассеянный приглушенный свет, и единственным дополнением к ней на этой почти пустой столешнице являлся компьютер.

Георгианские окна скрывались за тяжелыми золотистыми портьерами, а перед камином из серого камня стояли лицом друг к другу два диванчика с красной парчовой обивкой и высокими спинками.

Роскошь обстановки и очевидное богатство этой, в сущности, незнакомой ей женщины внушили Алекс своего рода благоговейный страх. Сама она выросла в стандартном одноквартирном доме ранней эдвардианской эпохи, смежным с длинным рядом других однотипных домов, и все это двухэтажное строение уместилось бы в одну гостиную Мэгги. Родители Алекс обеспечили двум своим дочерям достаточно комфортную жизнь. Сестры определенно ни в чем не нуждались, но здешняя роскошь зиждилась на наследственном богатстве. В этом особняке наверняка было не меньше дюжины комнат.

Алекс вновь пожалела о своем звонке. Она словно пришла с визитом к

члену королевского семейства.

– Знаете, мне надо быстро сделать один звонок, – сказала Мэгги Филдинг. – Чувствуйте себя как дома. Побродите по комнатам. Кстати, кухня находится слева, в конце коридора. Там в холодильнике есть белое вино, и вы можете пока налить нам по бокалу. Мне нужна всего пара минут, а потом мы сядем и поболтаем.

Алекс обрадовалась возможности временного уединения. Если б они сразу начали разговор, она, вероятно, зацепилась бы за физические недомогания и стала бы описывать всякую ерунду типа бессонницы, потери веса и ночных кошмаров, вынудив в итоге хозяйку дома вежливо, но решительно проводить ее к выходу. Ей надо было успокоиться и здраво взвесить всё, прежде чем признаваться в своих ощущениях.

Мэгги взяла мобильник, показывая, что собирается кому-то позвонить, и Алекс, оставив ее в уединении, выскользнула из комнаты и отправилась на поиски кухни. И попала туда, пройдя по второму коридору и повернув налево.

Это было очередное помещение, от которого у нее захватило дух. В окружении белых буфетов темнел «кухонный остров» из дорогого дерева, за которым могли бы готовить одновременно как минимум дюжина хозяек. Круглая медная раковина, встроенная в столешницу, вероятно, предназначалась для мытья овощей. И еще две глубокие и большие раковины расположились под окном, выходящим в обнесенный высокой каменной стеной сад, большой и достаточно уединенный для устройства грандиозных садовых приемов.

Решив больше не обращать внимания на столь явное богатство, Алекс пошла искать холодильник и обнаружила его в смежной с кухней подсобке. Этот серебристый шкаф, способный обеспечивать выдачу охлажденной воды, ледяных кубиков и дробленого льда, наверное, еще смешал бы водку с колой, если нажать правильную кнопку.

Гостья вытащила бутылку вина, даже не взглянув на этикетку. Ей не хотелось знать, насколько оно дорогое. Даже пить его не хотелось. А хотелось оказаться у себя дома в окружении умеренно богатых вещей и попросту хлопнуть водки.

Из вежливости она решила остаться на бокал вина и сказать Мэгги Филдинг, что у нее все прекрасно. А потом...

Внезапно Алекс уловила чье-то стремительное движение, отчего у нее мгновенно зашевелились волосы на затылке. Она инстинктивно застыла на месте, хотя тот, кто скрывался на полке над холодильником, вполне мог прыгнуть ей на голову. В оцепенении она заставила себя поднять глаза и

увидела ответный взгляд маленьких глазок. Но тут толстое коричневое тельце развернулось, и перед глазами Тейлор оказался отвратительный длинный хвост.

Бутылка выскользнула у нее из рук и, упав на каменный пол, разбилась вдребезги, а завизжала Алекс так, что едва не порвала связки.

Вылетев из-за угла, Мэгги Филдинг увидела свою гостью, застывшую в полнейшем ужасе. Безудержно трясущуюся Алекс заботливо препроводили к ближайшему стулу. С трудом сосредоточившись, она наконец поняла, что говорила ей хозяйка дома.

– Это Дилан... Мне очень жаль. Я забыла, что выпустила его. Прости, Алекс... Я просто начисто забыла о нем. Да, это мой домашний питомец. Совершенно ручной крысеныш, и теперь, вероятно, он сам где-нибудь трясется от страха.

– И тебя не волнует, что он может повсюду гадить? – спросила Алекс единственное, что пришло ей в голову.

– Он чистоплотен. Отлично выдрессирован. Или, вернее, я знаю его привычки. Он пользуется туалетом только в своей клетке.

С ловкостью профессиональной официантки Филдинг откупорила вторую бутылку белого вина и налила гостю большой бокал. После того как первые несколько глотков омыли пустой желудок Алекс, она успокоилась. И хотя еще не была готова познакомиться с этим грызуном официально, Мэгги убежденно заявила, что при второй встрече он произведет на нее благоприятное впечатление. Вскоре она вернулась в кухню с коробкой хрустящих колечек в руке и пристроившимся на ее плече Диланом.

Когда хозяйка дома спустила крысу на стол, Алекс встала и попятилась в угол.

– И он никогда не бросается на тебя? – нервно спросила она.

– Нет. Он дружелюбный малыш и докажет это, если дать ему шанс.

Грызун сидел неподвижно. Мэгги слегка встряхнула коробку, и он тут же поднял головку и подергал заостренным носом с усиками. Глаза его взирали на хозяйку. Филдинг достала одно хрустящее колечко, зажав его между пальцами, и Дилан мгновенно метнулся к ней. Затем сел на задние лапки, расставив кожистые пальчики, а передние – с маленькими, почти лишенными растительности пальчиками и коготками – протянул к угощению. Хозяйка вложила в них колечко, и Дилан – весьма изысканно, двумя длинными передними зубами – начал с хрустом поглощать лакомство.

– Хочешь сама попробовать? – предложила Мэгги.

Алекс покачала головой, и ее коллега усмехнулась.

– Ну, может, в следующий раз.

Доктор Тейлор думала иначе. Не в этой жизни. Она скорее совладала бы со страхом среди рушившихся домов, помогая попавшим в беду людям, чем осмелилась бы сунуть палец близко к крысиным зубам и когтям.

Только после уборки пола в подсобке и водворения Дилана обратно в клетку женщины наконец сели поговорить. За это время сердце Алекс успело смягчиться по отношению к коллеге, и ей пришлось признать, что Мэгги Филдинг начинает ей нравиться. А она как раз сейчас, в неразберихе окружающего мира, очень нуждалась в новых друзьях.

– Скажи, откуда у вас появилось столько замечательных картин? – спросила Тейлор.

– В основном благодаря моим предкам. Они подолгу жили во Франции и Италии. Большинство картин привезено ими. Сама я ничего не коллекционирую. Времени не хватает.

– А что за картина над письменным столом?

Эта картина сразу же, едва Алекс вступила в гостиную, привлекла ее внимание, и на протяжении их разговора ее взгляд невольно вновь и вновь обращался к ней.

На постели лежала женщина с обнаженной грудью, протягивая руку к уходящему мужчине. словно желая вернуть его, она протягивала ему что-то вроде плаща. Хотя он уходил полностью одетый.

– Она называется «Иосиф и жена Потифара». Кисти Орацио Джентилески^[13]. Эту прелестницу живописали многие художники, включая Рембрандта.

Алекс пожалела, что никогда не слышала о жене Потифара – ей хотелось бы поговорить об этом сюжете. Ее отец страстно любил искусство, но она практически не заглядывала во все те большие и дорогущие книги, которые он притаскивал из библиотеки.

– Она выглядит такой грустной, – заметила Алекс. – От нее уходит возлюбленный, верно?

Мэгги, как теперь гостя называла ее, подмигнула ей и хитро усмехнулась.

– Покопайся в этой библейской истории. Полезно для общего образования.

Алекс вновь наполнила вином их бокалы. Впервые за долгое время она с удовольствием потягивала напиток, не имея потребности быстро проглотить его залпом, чтобы успокоить нервы. Алекс замечательно успокоилась и больше не хотела обсуждать свои проблемы, но Филдинг

ждала от нее именно этого. Да и приезд сюда был задуман ради того, чтобы поговорить с этой женщиной, по-прежнему почти незнакомой, о том, о чем ей не с кем было больше поделиться. Алекс просто предпочла бы, чтобы они получше узнали друг друга, забыв на время о том мерзавце, что напал на нее и продолжал ее терроризировать.

– Можно задать тебе личный вопрос? – спросила она.

Черные брови Мэгги изумленно взлетели. Ее распущенные темные волосы шоколадного оттенка доходили почти до талии. Она была одета в кремовую безрукавку из тонкой шерсти с завернутым воротником и строгие коричневые брюки, и выглядела привлекательной, а в сочетании с ее умом и самоуверенностью могла бы составить крайне желанную компанию любому партнеру.

– Ты замужешь? – поинтересовалась Алекс.

Ее собеседница расхохоталась.

– Откровенно говоря, у меня мелькнула мысль, что ты собираешься спросить, не имею ли я гомосексуальных склонностей. Однако на оба вопроса ответ отрицательный. Впрочем, я была почти помолвлена... – Ее взгляд слегка затуманился, а голос понизился: – Почти. У него имелись небольшие сложности с обязательствами. По-моему, в итоге его привлекало только то, что он мог пользоваться студией звукозаписи моих родителей. Обожал слушать свой собственный голос. И все-таки, – более оживленно произнесла она, – лучше узнать правду раньше, чем позже.

– А чем занимаются твои родители?

– Занимались... – В глазах Мэгги плеснулась печаль. – Моя мать была концертирующей пианисткой, а отец играл на виолончели. Оба погибли на гастролях в дорожной аварии. К сожалению, мы были не особенно близки. Полагаю, их разочаровало то, что я не пошла по их стопам, а увлеклась медициной. Мать полагала, что я выбрала грубую, как она выражалась, далекую от элегантности профессию. – Филдинг согнула свои тонкие пальцы и, пристально взглянув на них, добавила: – При всем прочем мне нравится моя работа, а ведь именно это, в конце концов, имеет значение. И сейчас, – меняя тему, продолжила она, подняв бокал вина, – у меня время от времени появляется любовник, приятель, но пока мне не хочется завязывать постоянные отношения. Я только недавно получила должность врача-консультанта... Кстати, надвигается мое первое Рождество в этом городе после возвращения из медицинского колледжа. У меня есть большой прекрасный дом для будущей семьи, но зато совершенно нет времени на семейную жизнь. На прошлой неделе мне стукнуло тридцать два года, и в круговерти работы я мало задумывалась о собственных

биологических часах, а потом вдруг подумала: круто... У меня нет времени даже на мужа, не говоря уже о ребенке. – Она отхлебнула вина и спросила: – А как твоя жизнь? Или ты думаешь, что я собираюсь выпустить тебя отсюда, ни о чем не спросив?

– Нет ни друга, ни любовника, ни заинтересованных поклонников.

– А что же случилось с тем, которого я видела? Он выглядел весьма сексуально.

– Остался в прошлом, – теперь рассмеялась Алекс. – Пришлось сказать ему «прости-прощай»! Даже досадно, каким придурком он оказался. По-прежнему любит меня, более того, хочет жениться. Единственная крошечная помеха заключается в легком расхождении мнений... Он полагает, что я сошла с ума.

Не услышав мгновенного отклика, она смутилась. Чувствуя, как загорелись ее щеки, поняла, что сильно покраснела.

– Послушай, мне скоро пора уходить. Завтра рано вставать, и вечером еще надо успеть доделать кое-какие дела. Хотя я очень ценю твое приглашение и мне вправду было очень приятно поболтать с тобой.

– Алекс, тебе совершенно нечего смущаться. Я ни на минуту не думала, что ты сошла с ума. Откровенно говоря, я больше склонялась к мысли, что у тебя случилось какое-то посттравматическое осложнение. Возможно, прорвалось в реальность какое-то прошлое происшествие, связанное с твоими личными или рабочими делами. – Немного помолчав, Филдинг невесело усмехнулась. – Я все думала, почему ты той ночью позволила именно мне осмотреть тебя. Может быть, потому что я совсем недавно начала работать в этой больнице... Как говорится, почти чужая. Хотя я ведь тебе не нравилась, поэтому все-таки подумала, что это странно. Ты же могла отказаться.

– С чего бы? – еще больше покраснев, удивилась Алекс. – Ты же наш лучший гинеколог. И мне повезло, что ты сумела осадить ту никудышную сотрудницу полиции. Хотя если начистоту... то да, ты мне не понравилась. Каждый раз, когда мне приходилось сталкиваться с тобой, ты вела себя на редкость пренебрежительно.

– Это верно, Алекс, – со вздохом признала Мэгги, – но это проявляется помимо моей воли. Когда я сосредоточена на работе, все остальное становится неважным, включая мои манеры.

– Но, полагаю, они не такие уж скверные, – Алекс насмешливо приподняла бровь, – когда ты не на работе.

– Рада слышать, – ответила Мэгги, тоже насмешливо. Прикусив нижнюю губу, она пристально посмотрела на собеседницу и задумчиво

произнесла: – По-моему, тебе надо самостоятельно исследовать это дело дальше, и если ты захочешь воспользоваться помощью специалиста, я сведу тебя с одним моим знакомым. Он чертовски хорош в своем деле. Психоаналитик, с большим опытом снятия посттравматических стрессов. Также практикует гипноз, копается в забытых воспоминаниях и все такое прочее... – Она выжидающе глянула на Алекс. – Ты что-то притихла. Или я разболталась?

Она покачала головой. И, как ни странно, вместо ощущения разочарования от предложения Мэгги испытала облегчение. Возможно – только возможно – ей и стоило бы исследовать собственные сокровенные склонности. Не в смысле понимания послания, оставленного на ее «Мини», – оно оставалось вполне реальным, однако, возможно, к нему действительно приложил руку, как предположила Лора Бест, глупый шутник.

Может, ей и надо пройти сеанс гипноза, несмотря на ее весьма скептическое отношение к его эффективности. Насколько Алекс понимала, гипнотизер мог обнаружить то, что она заблокировала в своей памяти. Таким шансом стоило воспользоваться, чтобы, так или иначе, узнать нечто, даже если это всего лишь поможет ей перестать видеть в каждой умершей женщине жертву того, кто напал на нее.

– И ты готова связать меня с ним? – спросила она.

– Конечно, – сказала Мэгги Филдинг, – я с удовольствием позвоню ему. А сейчас забудь о спешке домой. Ты остаешься на ужин, и это не обсуждается.

Глава 19

Присев на корточки, Грег осматривал пол вокруг парковочного места, где обнаружили Лилиан Армстронг. Следы крови никто не убирал. Кровь, забрызгавшая стену за ее головой, сейчас выглядела как коричневая краска. Отпечатки обуви доктора Тейлор отчетливо проявлялись по мере приближения к месту происшествия, а по мере удаления постепенно исчезали и в итоге становились вообще невидимыми для невооруженного глаза.

Когда Тейлор сообщила ему о следах шин на груди жертвы, он сразу подумал, что женщину перемещали. И теперь, разумеется, это стало очевидно. С обеих сторон от этого места в гараже целый день стояли машины. Женщину положили головой к стене, однако следы шины свидетельствовали, что машина проехала по ее груди. То есть если она не сама улеглась так после наезда, то ее уложил кто-то другой.

Должно быть, Лилиан Армстронг пригласили сюда. На этот счет Лора рассудила верно.

Лили была мелкой проституткой, работавшей под видом массажистки. Если она серьезно относилась к своей профессии, то определенно выбрала неудачный город для такой работы. Несмотря на древнюю историю распутства и разврата, Бат не обзавелся пресловутой «улицей красных фонарей», поэтому, к несчастью для таких особ, как Армстронг, когда они попадали на заметку полиции, их хорошо запоминали. Ее несколько раз задерживали и предостерегали от праздничества. Один раз в туалетах на Монмут-стрит по подозрению в приставании к мужчинам (но тогда обвинение было снято), и один раз в ресторане, где Грег ужинал со своей тогдашней женой. Та как раз сообщила ему, что подала на развод, и из ошеломленного состояния его вывели хриплые вопли Лилиан Армстронг. Тёрнер пришел на помощь управляющему ресторану, поскольку Лили приставала к одному из клиентов, одинокому мужчине, пытавшемуся спрятать лицо за буклетом меню. В итоге Грег проводил Армстронг в полицейский участок, поскольку, пока он с ней разбирался, его жена сочла за лучшее удалиться.

В полиции она имела наглость заявить, что визитные карточки, напечатанные на дешевых розовых картонках с ее именем и телефонным номером, рекламировали законные услуги: «Сбросьте напряжение с Лилиан. Потратьте ваше обеденное время на расслабляющий массаж». Отсюда пошло и ее прозвище.

Судмедэксперт, звонивший Грегу раньше, сообщил, что шансов выжить у нее было мало – она получила серьезные травмы трахеи и бронхов. Большинство несчастных с такого рода травмами умирали прямо на месте, кашляя и захлебываясь кровью. Процент смертности был высок даже у тех, кого довозили до больницы живыми. Тёрнер собирался сказать об этом доктору Тейлор при следующей встрече, чтобы хоть отчасти вернуть ей душевное спокойствие. Он решил также дать ей номер своего мобильного, избавив от необходимости звонить в участок и нарываться на строгие отповеди Лоры.

Бедняжка Лили, подумал инспектор. Под слоем кричащей косметики и вульгарных нарядов скрывалась любящая мать, стремившаяся заработать деньги, чтобы позаботиться о своих детях.

* * *

Помещение общего пользования дома, где жила Лилиан Армстронг, представляло собой каменный лестничный колодец со стенами, разрисованными сомнительного качества граффити, и с прочей грязью, оставляемой жильцами. Многоквартирный шестизэтажный дом смотрелся точно бельмо на глазу в квартале, где любимым занятием его обитателей была езда на ворованных мопедах и мотоциклах. Йола Баковски, соседка Лилиан, выглядела существом из другого мира.

Она прожила в Англии уже четыре года и в течение трех последних соседствовала с Лилиан. Одинокая девушка, Йола делила квартиру с двумя спальнями с другой польской девушкой. Обе они работали в одном отеле. Ее соседка трудилась в две смены и до сих пор пропадала на работе. Маленькая квадратная гостиная с низким потолком и безликими бежевыми стенами напоминала унылую каморку, но была безупречно чистой. В этой квартире явно гордились чистотой.

Баковски поставила на стол поднос с заварочным чайником, фарфоровыми чашками и тарелкой с тортом, сочившимся какой-то пропиткой, и так радушно предложила Грегу угощаться, словно считала его

почтенным гостем.

– Спасибо, Йола, – сказал он, взяв чашку с твердым намерением выпить чай, на который не мог рассчитывать в большинстве других домов, посещаемых им по долгу службы. У него давно пересохло во рту, и он изрядно проголодался, но решил сначала поговорить о деле, а потом уж попробовать торт.

– Вы с Лилиан поддерживали хорошие отношения? – спросил полицейский.

Баковски еле заметно улыбнулась. О ее возрасте судить было трудно – где-то между двадцатью и тридцатью, предположил Грег. Она была невысокого роста, с открытым лицом и блестящими каштановыми волосами, аккуратно собранными в короткий «конский хвост». Даже без всякой косметики эта девушка привлекала внимание природной красотой и застенчивым взглядом карих глаз.

– Мы дружили, – сказала она. – Мне очень нравилась Лилиан. Она была очень доброй. Она много помогала мне, когда я переехала сюда... Показала, куда выбрасывать мусор, где садиться на автобус, исправляла мое произношение и грамматику. Обычно она говорит мне: «Я пошла, а не я иди в магазин. Я хочу, а не я хотеть». Я очень печалюсь, что она умерла. Ее дети теперь будут в сиротстве.

– Сиротами, – мягко поправил Тёрнер.

– Спасибо. Да, сиротами. Вы знаете, куда они теперь пойти?

– Временная опека, – кивнув, пояснил инспектор. – Им найдут приемную семью, где за ними присмотрят до того, как для них найдут постоянный дом. Вы когда-нибудь видели их отца?

– Лилиан никогда не выходит за него замуж, – покачав головой, ответила Йола. – Она говорит, он подонок и без него лучше. Я ни разу не видеть его.

– А вы узнали бы его, если б он зашел сюда?

– Лилиан показывала мне фото, где они еще молоды. Такой чернокожий парень, но я ни разу не видеть его, и Лилиан говорит, что давно не видеть его. Он никогда не давать ей денег для детей. Она говорит, что он скрывается от ответственности.

Грег попробовал чай и дал ему высшую оценку по десятибалльной шкале. Идеальный, к тому же поданный в фарфоровой чашке. Чай в кружках никогда не бывает таким вкусным.

– Можно мне спросить вас о работе Лилиан?

– Конечно, – Йола пожала плечами, – она не скрывать то, чем занимается. Но она стать очень осторожна и в прошлом году менять работу.

Она перестать предлагать секс.

Тёрнера удивила ее прямота, и он счел ее обнадеживающей.

– И почему вы думаете, что она перестала? Разве она больше не приводила в свою квартиру мужчин?

– Конечно, – ответила Баковски, опять пожав плечами на французский манер – выразительно склонив голову и живо подняв плечи и руки. – Но они приходят не ради секс. Лилиан прекратила секс. У нее появилась проблема с... забыть название... она говорить мне так: «Йола, я... гм... я получить триппер». Какое-то время она не пользоваться презервативами, чтобы заработать больше денег, и заработала этот триппер. Поэтому и перестала это делать.

– А разве это не могло стать более серьезной причиной для пользования презервативом, если б она продолжила свое занятие?

Голова девушки медленно качнулась из стороны в сторону, и она встала, словно желая придать весомость своему возражению.

– Нет, она перестала заниматься сексом, потому как напугаться, когда это случится с ней.

– Хорошо, хорошо, я вам верю, – спокойно ответил Грег. – Может, вы подскажите мне, почему, когда мы нашли ее, она была одета так, словно еще занималась своей старой работой?

– Не понимать, – сказала Йола, выглядя немного расстроенной. – Она всегда тщательно одеваться на работу... Черные брюки и черная блузка. Очень хорошо делать массаж и тоже нарядно одеваться, когда не работать, – джинсы, блузка, приличная куртка. Даже на старой работе она одеваться не особенно сексуально. Она заботится за своими детьми и радоваться, как мать, никогда не кричать на детей, никогда не бить их. По всему видно, они счастливы.

Задав еще несколько вопросов, полицейский встал и откланялся. Последний раз Баковски видела Лилиан за день до ее смерти, и она выглядела нормальной и довольной; радовалась, что забронировала отдых у моря на февральские каникулы... В Уэймуте, сообщила она Йоле, каникулы на морском курорте для нее и детей. Пусть это будет зимой, но они все равно при желании смогут построить снежные замки на берегу.

Спускаясь по лестнице на улицу и удаляясь от этого железобетонного дома, Грег все раздумывал о странном последнем выборе одежды умершей Лилиан Армстронг. Выбор был столь очевиден, словно она сидела под красным фонарем. Несмотря на утверждения Йола о том, что она перестала торговать телом, Лилиан явно оделась с сексуальным деловым прицелом. Но кто на нее нацелился, вот в чем вопрос...

Глава 20

Небеса скрылись за мрачной облачной завесой, и на окна отдела уголовных расследований обрушился настоящий ливень. Повсюду горел свет, несмотря на десять часов утра. Шум дождя и сумрак за окнами погрузили участок в гнетущую атмосферу, а от стука клавиатур, трезвона мобильных и людской разноголосицы у Грега разболелась голова. Лора Бест опять вышла в дневную смену, и его раздражало уже одно ее присутствие, хотя она пока ни словом, ни делом не досадила ему.

Констебль занималась какими-то своими делами и уже около часа сосредоточенно работала за собственным столом. Тёрнера удивила такая усердность. Он глянул через ее плечо на экран компьютера.

– Зачем вы просматриваете эти материалы?

– Я хочу, чтобы вы прочитали их, – ответила Лора, повернув голову и пристально посмотрев на него, – а потом поговорить с вами кое о чем. Последние несколько дней я работаю над одной версией...

– А как продвигается порученное вам задание? Опрос знакомых Лилиан Армстронг о наиболее сомнительных из ее клиентов. Проверка наличия возможных постоянных заказчиков. Нам нужны контакты ее мобильного; возможно, у нее есть страничка в «Фейсбуке» или аккаунт в «Твиттере». Нам ничего не известно о том, что она делала незадолго до смерти, или, в первую очередь, как она попала в тот гараж. Именно над этим, Лора, вам следовало работать, а не выискивать какие-то болезни. Почему бы вам всерьез не заняться текущей работой?

Бест улыбнулась, ничуть не обеспокоившись недовольством шефа.

– А почему бы вам не выпить валерьянки? – парировала она. – Нарытые мной материалы могут стать ответом на ваши молитвы. Я провела небольшую проверочку доктора Тейлор, и она не так чиста, как представляется. Мне удалось побеседовать кое с кем из персонала больницы и выяснить, что, судя по слухам, пару недель назад она допустила ужасную ошибку, хотя это дело замяли. Одна медсестра сообщила мне, что, по ее мнению, доктор Тейлор собиралась дать больному убийственное лекарство... и устроила переполох по поводу того, что кто-то устроил путаницу. Очевидно, больной мог умереть, если б ему вкололи то лекарство. А другие полезные сведения я добыла у одной из ее близких подруг... Фионы Вудс. И ее слова дали мне пищу для размышлений. Она обмолвилась вскользь, сказала как-то печально, что «этого не должно было

снова с ней случиться». И я попыталась разговорить ее, дав понять, что сочувствую.

Грег удивленно поднял бровь. Ему приходилось видеть в действии сочувствие Лоры Бест. Оно болезненно затронуло его самого.

– И тогда она заявила: «Я не имела в виду буквальное повторение. Просто я думала, что все уже давно позади», – продолжала тем временем констебль. – Вот я и думаю, что бы это могло значить?

Лицо ее расплылось в самодовольной улыбочке, и Тёрнер невольно представил, как она слизывает сливки с губ.

– Поэтому я собираюсь еще немного копнуть под нашу бедную мисс Тейлор, – добавила Лора.

– Но, между тем, чего ради вы вывели на экран все эти данные о синдроме Мюнхгаузена? – тем же недовольным тоном поинтересовался инспектор.

Ему не следовало бы защищать Алекс Тейлор, но он почувствовал, что придется. Просто вдруг осознал, что обязан защитить ее. Лора Бест взялась преследовать доктора, а он уже видел, как она умела уничтожать людей, будь то невинные жертвы или преступники. И для нее не имело значения, как долго она будет добиваться своего.

– Что ж, позвольте, я зачитаю вам, Грег, и тогда, возможно, вы перестанете попусту злиться, – предложила Бест.

Тёрнер слегка откатил в сторону офисное кресло Лоры и склонился ближе к экрану монитора.

– Нет, пожалуй, не стоит. Я сам прочту.

Он быстро просмотрел материал, где утверждалось, что синдром Мюнхгаузена – это психологическое расстройство, при котором человек симулирует симптомы болезни или намеренно наносит себе вред, провоцируя болезнь.

Тёрнер в недоумении посмотрел на Лору. Это был удар ниже пояса, даже для нее.

– Неужели вы всерьез думаете, что доктор Тейлор страдает синдромом Мюнхгаузена?

– Главное я приберегла напоследок, Грег, – заявила Бест с очередной самодовольной улыбочкой и, щелкнув мышкой, открыла новый документ. – Гораздо интереснее почитать про делегированный синдром Мюнхгаузена. Мне объяснить...

– Нет, мне известно, что бывают душевнобольные матери, способные причинять вред детям, – сухо и саркастически оборвал ее инспектор. – Но вы идете по ложному следу, эта болезнь к нашему делу никак не относится.

Лора вздохнула с таким видом, словно пыталась вразумить непослушного ребенка.

– Терпение, Грег, скоро все откроется. Болезнь распространяется не только на матерей, вызывающих болезни у своих детей. Ею порой страдают и профессионалы, чьим заботам вверены людские жизни: медсестры, врачи, любые медики, намеренно усугубляющие болезни пациентов с единственной целью... Им важно потом спасти этих пациентов, чтобы спасителей хвалили и уважали. Это еще называется: «Возомнить себя Богом».

Тёрнер почувствовал, как его обдало холодом. Ему не понравилось то, что накопала Лора. Однако эти данные вполне применимы к...

– Чепуха, – бросил он. – И если вы не укротите свои фантазии, вас привлекут за клевету.

– Да неужели? Нет, Грег, лично я думаю иначе.

– Послушайте, Алекс Тейлор сообщила нам о следах шины на жакете Лилиан Армстронг. И вы полагаете, что она поступила бы так, если б сама только что переехала эту женщину? Воспользовалась своей машиной, а потом указала нам на средство убийства?

– А кто говорил, что она использовала свою машину? Она могла пользоваться чьей-то машиной, откуда нам знать... Не кажется ли вам весьма интересным, как это она умудряется постоянно влипать в жуткие истории? То на нее напали, то похитили... Потом с этой пациенткой, Эми Эббот, убитой, по ее словам... Потом еще надпись на ее машине... На очереди серьезная промашка с лекарством, когда больной едва не умер. И в довершение всего она оказывается первой на месте наезда, откуда смылся неведомый преступник. Все это прекрасно увязывается с ее версией разгуливающего на свободе безумного врача-извращенца. Не много ли дерьма вокруг нашей якобы невинной жертвы? Однако если у нее психическое расстройство, как я и думаю, то все становится понятным. Можно даже ожидать увеличения числа трупов.

Развернувшись на стуле, Бест встала.

– Я намерена последить за ней, и уж тогда мы выясним, права я или ошибаюсь. Ах да, для общего сведения, – добавила она тоном, граничившим с наглостью. – У Лилиан Армстронг имелся аккаунт в «Фейсбуке», полный слюней: что детки съели на ужин, что детки делали в школе и что детки собирались делать завтра. Ни малейшего намека на то, чем их мамашка зарабатывала на жизнь. Все ее телефонные записи в настоящее время проверены, а ее бывший – или, вернее, отец ее детишек – имеет алиби на момент ее смерти. Он работает водителем такси в

Саутгемптоне и, согласно графику, в тот день трудился на линии.

После ухода Лоры Грег долго смотрел на экран. У него возникло ощущение, что с поводка только что спустили злую собаку. Она скалится, рычит и жаждет крови, а он не в силах остановить ее. И не может также предупредить доктора Тейлор, что собака идет по ее следу.

Глава 21

Натан, сломав пополам печенюшку, протянул половинку Алекс. У него уже вошло в привычку делиться с ней своей вредной пищей, и доктор Тейлор перестала благодарить его после первой полудюжины раз, заметив, что ее благодарность начала раздражать их обоих.

– У меня никаких зубов не останется, если ты будешь продолжать покупать эту сладкую и жирную фигню, – сказала она. – И моему папаше – дантисту, между прочим, – придется убить меня, принимая во внимание, что до моего вылета из родового гнезда он поддерживал мой рот в состоянии, близком к идеалу. Может, ты начнешь приносить более здоровые варианты для перекусов? К примеру, сушеные фрукты. Или сэндвичи. Орешки тоже вполне подойдут.

Она заметила, как дернулись губы Белла, но тот упорно продолжал делать свои заметки.

– Алекс, если тебе нужны здоровые перекусы, то можешь приносить их сама. У меня нет времени сооружать сэндвичи или искать сушеные фрукты по магазинам. Торговый автомат в коридоре снабжает меня всем необходимым, а по дороге домой я покупаю рыбу с картошкой или какую-нибудь китайскую стряпню.

– Если будешь так небрежно относиться к питанию, дело может кончиться диабетом. Либо сердечным приступом, либо проблемами с почками. А к девяноста годам ты станешь беззубым пищевым наркоманом.

Через несколько молчаливых мгновений Алекс вдруг осознала, что Белл перестал писать, но ничего не ответил.

– В чем дело? – спросила она, подняв голову и увидев, что он пристально смотрит на нее. – Что за взгляд? Почему ты уставился на меня?

В ординаторской, кроме них, никого не было, однако Натан еще и резко понизил голос:

– Я узнаю эти симптомы. Алекс, ты что-то принимаешь. И это не спиртное. Ты чем-то поддерживаешь уровень спокойствия, и я не думаю, что ты занимаешься йогой или другими подобными истязаниями. Изредка я слышу странные оттенки в твоем голосе. Какие-то особые, скажем так, расслабленные нотки...

Тейлор поразились тому, как легко коллега распознал ее тщательно скрываемый секрет. Она ведь совсем недавно начала принимать диазепам, хотя и увеличила дозу до пяти миллиграммов. Этой дозы было далеко не

достаточно для отключки, она просто помогала уменьшить страх. Алекс нервничала из-за завтрашнего визита к психоаналитику, изрядно страшась того, что он может сообщить о ее больных фантазиях.

– Успокойся, больше никто не заметил. Да и я-то сообразил лишь потому, что постоянно работаю с тобой. Кэролайн ничего не заметила – она слишком озабочена, пытаюсь уловить в твоём дыхании спиртовой выхлоп. Однако, Алекс, тебе надо завязывать с таблетками. Это повредит работе, а мне вовсе не хочется увидеть твои ляпы. – Белл вернулся к своим заметкам, заключив: – Может, даже йога или нечто в таком роде не такая уж плохая альтернатива.

Спрятав пылающее лицо, Тейлор сделала вид, что согласна с ним. Но, естественно, у нее было иное мнение. Натан стал ей хорошим другом. Он был добродушным и необременительным в общении, и она ценила его несомненные знания и восприимчивый ум. Он никогда не напоминал, что приставлен к ней, никогда не показывал пациентам, что их тандем в какой-то мере ненормален.

Алекс доверяла ему. И также осознала – с той самой корпоративной вечеринки, – что он нравится ей. Она больше не отводила взгляд, видя прямо перед собой его лицо. Родимое пятно стало менее заметным, поскольку теперь под ущербной кожей она видела человека.

Сейчас, залившись румянцем по другой причине, Алекс подумала, что же с ней происходит. Господи боже, Натан Белл – просто ее коллега! И одно лишь то, что она распознала его привлекательные качества, не означало еще, скажем так, что она без ума от него.

Алекс вздрогнула, когда Белл коснулся ее.

– Хочешь еще кусочек подпитки напоследок? – спросил он, протягивая ей дольку шоколада. Еще не остыв от смущения, она взяла шоколадку и съела ее.

Немного погодя, сполоснув пылающее лицо холодной водой, посмотрела в зеркало – и застонала. Волосы пора стричь, брови – выщипывать, а кожа выглядит сухой и поблекшей.

Интересно, что думает о ней Натан? Что бы он сказал, если б она предложила ему зайти куда-нибудь выпить? Нет, вычеркиваем. Определенно бредовая идея. Тогда, может, прогуляться по парку, или они могли бы сходить на какой-нибудь спектакль или выставку... Вот это уже разумнее. У нее мог, к примеру, оказаться лишний билет из-за того, что у подруги появились неотложные дела.

Чувствуя себя глупым подростком, Алекс вновь взглянула на свое отражение. Нет ведь никакого вреда в желании вновь выглядеть

привлекательной. Ее плечи распрямились, голова приподнялась, и когда она вышла в коридор, на губах ее появился легкий блеск.

Глава 22

Пока вечер шел хорошо, и мучившая ее обида растаяла без следа. Фиона обнимала ее так крепко, словно от этого зависела ее жизнь, и в который раз принялась извиняться за то, что вела себя так глупо и бессердечно, просто чтобы привлечь к себе внимание. Она совсем не собиралась копировать те злосчастные слова, но они просто первыми всплыли у нее в памяти и сорвались с языка.

– Иногда я бываю ревнивой дурехой, – покаянно призналась Вудс.

Подруги встретились в девять вечера и пропустили несколько коктейлей, прежде чем направиться в центр города. Сейчас они торчали в ночном клубе среди множества праздных гуляк.

Высокий молодой парень с торсом и физиономией, раскрашенными в голубых тонах под героя фильма «Храброе сердце»^[14], отчаянно подпрыгивал на месте, пытаясь достать до потолка. Он выглядел как безумец. Рядом с ним дергалась партнерша в красной пачке в черных горошинах и с черными сетчатыми крыльями за спиной. На голове ее торчали штыри черные проволочные антенны, а довершала наряд пара белых кроссовок.

Эта «божья коровка» и ее воинственный кавалер были не единственными странными персонажами. Все заведение просто кишело ими. Повсюду вокруг себя Алекс видела причудливые одеяния и уже подумала было, что они попали на праздничный маскарад. И внезапно почувствовала себя жутко старой.

– Натан Белл! – проскулила Фиона полузадушенным хрипом.

В одной руке она держала бутылку пива, в другой – никотиновый ингалятор «Никоретте». Ради сегодняшнего вечера Вудс распрямила свои кудрявые темные волосы, отчего ее тонкое лицо выглядело еще более вытянутым.

– Натан Белл? – опять изумленно воскликнула она. – Ты шутишь?

– А ты не можешь потише? Давай не будем сообщать об этом всему миру! – не менее громогласно откликнулась Алекс.

Тихий разговор в таком месте был невозможен. Музыка, как и прочие шумовые эффекты, звучала громче, чем грохот поезда, проезжавшего по тоннелю, и на самом деле их разговор мог услышать лишь тот, кому удалось бы припасть ухом к их с Фионой губам.

– Мне даже не верится, что ты надумала пригласить его на свидание! –

еще громче завопила Вудс.

– Ой, может, ты уже заткнешься? Я уже жалею, что вообще что-то сказала, – сердито бросила Алекс.

– Ну, просто он же такой...

– Какой?! – вызывающе воскликнула она, испытывая всплеск возмущения от осознания того, что имелось в виду. – Уродливый? Непривлекательный? С ним стыдно показаться в обществе?

– Занудный! Да лично мне до лампочки, как он выглядит. Ты же видела моих бывших – никто не тянет на красавчика. Вот только он же чертовски зануден, потому-то мне и не верится, что ты пригласишь его на свидание... Господи! Подумай хорошенько, в какую историю ты вляпаешься. Он навоображает себе черт-те что, и тебе потом придется спасаться бегством!

Алекс реально пожалела о своей болтливости, но они с Фионой так давно не общались... Поэтому сегодня вечером, после примирения, избегая недавних острых переживаний, они быстро исчерпали обычные рабочие темы и, естественно, заговорили о мужчинах. В настоящее время у Вудс не было постоянного приятеля, а теперь и Алекс тоже осталась одна. У нее был лишь один возможный кандидат, вот она и сообщила о нем подруге.

Должно быть, эти чувства проявились на ее лице, поскольку Фиона вдруг порывисто склонилась к ней, и Алекс, неожиданно для себя, уткнулась лицом ей в грудь.

– Иди ко мне, глупая дуреха. Ты же знаешь, малышка, как я люблю тебя. Я ведь просто беспокоюсь о тебе, но ежели тебя тянет к нему, то – вперед и с песней. – Вудс слегка отстранилась, дав подруге возможность нормально вздохнуть. – По крайней мере, он не такой придурок, как Патрик.

При упоминании имени Патрика Алекс почувствовала легкий болезненный укол. Трудно поверить, что между ними все кончено. Может быть, пока слишком рано задумываться о новой связи.

– Короче, давай, действуй, раз тебя тянет к нему! – опять крикнула Фиона. – Во всяком случае, узнаешь, взаимны ли ваши чувства!

Пристально взглянув на нее, Алекс придвинулась поближе к подруге, чтобы избежать крика.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего. – Ее собеседница беспечно махнула своим ингалятором.

Алекс поняла, что она солгала.

– Фиона, ты думаешь, я сама виновата в том, что случилось в прошлом году... что я сама напросилась?

У Вудс отвисла челюсть, а глаза расширились.

– Малышка, не будь идиоткой. Ты не могла предвидеть того, что случится, даже если тебя тянуло к нему.

Алекс отвела взгляд. Очевидно, Фиона считала ее отчасти виноватой, подразумевая то, что в своем увлечении та действовала безрассудно.

– А что ты думаешь о недавнем происшествии? С моей машиной? И о том вечере, когда меня нашли на парковке? Фиона, неужели ты думаешь, что я все это выдумала?

– Послушай, детка, – вздохнув, сказала Вудс, – сейчас на тебя столько всего навалилось... Ты же у нас барышня по натуре чувствительная, верно? И вечно ломаешь голову над всякими проблемами, иногда даже заморачиваешься на них. К тому же никому не известно, какие последствия вызывает стресс.

– Типа ошибки с лекарством?

– Ты же сказала, что не брала его. И я верю тебе. Как и наша крутая доктор Филдинг. Наглая высокомерная выскочка... Говорит, что докторам надо держаться вместе.

– Вовсе нет, – возразила Алекс. – Мне жаль, что я заговорила об этом. Но она... она, вероятно, просто понимает, что мне пришлось нелегко.

– Ладно, – признала Фиона, – лично я верю тебе, и она права, разумеется. Как я и говорила, никто из нас не знает, как мы будем вести себя во время... И я не имею в виду, что ты ошиблась с лекарством.

– Но ты допускаешь, что я могла сама расписать свою машину? – резко спросила доктор Тейлор.

– Алекс, – Вудс покачала головой, – ты же никак не могла сделать этого. Ради бога, ты же была на вечеринке!

Алекс захотелось зареветь. Почему Фиона не могла просто спросить, что там выяснила полиция? Или предложить выяснить, кто это мог сделать. Или посоветовать быть поосторожнее, потому что какой-то злобный псих преследует и пытается напугать ее. А вместо этого она привела неубедительную причину в качестве объяснения того, почему Алекс реально не могла сделать этого. Умолчав о провале во времени, в который она как раз могла угодить.

– Послушай, мисс Манипенни^[15], ты хочешь, чтобы я умчал тебя от всех этих негодяев? – внезапно спросила Вудс голосом Джеймса Бонда.

Алекс изумленно уставилась на нее. Да, Фионе и впрямь следовало пойти на сцену. Она была прирожденной актрисой.

– Не пора ли нам подкрепиться шашлычком? – крикнула Вудс уже своим собственным голосом.

Алекс есть не хотелось, но она согласилась бы на что угодно, лишь бы

выбраться из этого клуба. К тому же после слов Фионы она пребывала в замешательстве. Их дружба была важна для нее, но сейчас она попахивала фальшью и оставляла горькое послевкусие.

– Почему бы нам не взять что-нибудь навывнос и не пойти ко мне? – предложила Алекс.

– Вот это я понимаю, – усмехнулась Фиона. – Но с одним условием... Я сплю на кровати.

* * *

Алекс зевнула, устраиваясь поудобнее на диване под гостевым одеялом. Ей стало спокойнее при мысли о том, что Фиона спит в соседней комнате. Вечер закончился раньше, чем ожидалось, – ограничившись диджестивом, они разошлись спать сразу после часа ночи, и Алекс порадовалась тому, что утро не начнется с похмелья.

Разговоры о прошлом и настоящем прокручивались у нее в уме, и она крепче зажмурилась, пытаясь выбросить из головы голос Фионы. Любя подругу, Алекс отгоняла негативные мысли. К сожалению, у нее отличная память, и она навсегда запомнила то, что Вудс говорила ей год назад: «Ты уверена, детка, что это так ужасно, как ты говоришь? Уверена, что не давала ему повод, не заронила призрачной надежды?»

Порывисто повернувшись на бок и взбив подушку, Алекс стремилась избавиться от горьких воспоминаний. Она не собиралась жаловаться на судьбу. Фиона великолепно вела себя после того случая, она настояла, чтобы Алекс жила у нее, пока не окрепнет после стресса, и помогла ей найти эту квартиру. Без Вудс она не справилась бы. И теперь постаралась сосредоточиться на приятных образах: солнечных деньках, морских пейзажах, голубых небесах, шелковистых пляжах, глазах Натана...

Пронзительный звонок телефона мгновенно выдернул ее из полудремы.

В голове промелькнуло несколько мыслей. Какой сегодня день? Кто может звонить? Из больницы, или Патрик, или ее мать? Она схватила трубку, чтобы прекратить этот звон, и вяло ответила.

– Скоро... – произнес чей-то голос, и у нее перехватило дыхание. Одно его слово обожгло ее мозг и перевернуло все с ног на голову.

Алекс разжала зубы и, заикаясь, простонала:

– П-пожалуйста... не надо...

– Скоро я вернусь за тобой, – после затянувшегося молчания опять произнес голос.

Алекс била неудержимая дрожь. Трубка выпала у нее из руки, и когда Фиона коснулась Алекса, она дернулась, как от удара электрического тока.

– Боже, не говори мне, что тебя вызвали на дежурство! – взмолилась Вудс.

Алекс временно лишилась дара речи. Из ее горла вырывались лишь тихие всхлипы. Страх пригвоздил ее к месту.

– Боже правый... Я скажу, что это моя вина. Или все же лучше сказать, что ты заболела. Позволь мне...

Вопль Алекса заставил ее умолкнуть. Чуть позже Фиона ловко заставила ее выпить водки; спиртное обожгло ей горло. Вскоре ей удалось слегка успокоиться, и она сообщила подруге, что *он* позвонил.

– Я звоню в полицию! – ахнула Вудс.

– Они не поверят мне, – Алекс безнадежно покачала головой.

– Зато мне поверят! – решительно вздернув подбородок, воскликнула Фиона. – Они же смогут отследить этот звонок!

– Им никогда не выследить его! – В смехе Алекса прозвучали истерические нотки. – Да и что ты можешь сказать им? Что слышала телефонный звонок? Что обнаружила, как я дрожу от страха? Увы, Фиона, они не поверят мне. Они считают, что все это – мои бредовые видения.

Глава 23

Лора Бест резко ткнула локтем под ребра спящего рядом с ней парня. Издав негодующий возглас, тот перевернулся на бок и отодвинулся подальше. Следуя своей цели, она потрясла его за плечо и громко произнесла ему на ухо:

– Эй, соня! Пора домой.

Открыв затуманенные глаза, Деннис Морган оторвал голову от подушки.

– Я не могу вести. Слишком много выпил.

– Тогда возьми такси, – предложила Лора.

– А моя машина?

– Я пригоню ее к работе утром.

– Но тогда мне и на работу придется ехать на такси...

– Не мои проблемы, Деннис. Тебе не следовало рассчитывать, что ты сможешь здесь отоспаться.

– Ну а тебе тогда не следовало открывать вино, – огрызнулся парень, уже вполне проснувшись и недоверчиво глядя на Бест. – Ты что, серьезно? Правда хочешь выгнать меня?

Лора приподнялась на кровати, и он увидел, как она задумчиво кивнула.

– Я не верю! – совершенно изумленно воскликнул Морган. – Что я такого сделал?

– Деннис, мы закончили, – спокойно заявила Лора.

Ее приятель покраснел от злости. Лаконичная выразительность ее заявления исключала возможность скрытой шутки. Сексуальные игры закончились, и теперь она хотела, чтобы он ушел. Деннис слез с кровати и начал метаться по комнате в поисках своей одежды.

– Что у тебя за проблемы? Я не собирался выходить отсюда на глазах у твоих соседей. Я умею быть незаметным!

– Деннис, сплетни соседей меня не волнуют. Меня волнует личное пространство в кровати.

– Спасибо тебе, мать твою, огромное, объяснила, – съязвил Морган, перестав возиться с пряжкой ремня. – До сих-то пор я думал, что любовью обычно занимаются в общей кровати.

– Не принимай это на свой личный счет, – Бест пленительно улыбнулась. – Все не так просто.

– Да уж, конечно, – бросил парень, сердито натягивая куртку, – какие уж там личные счета после секса... Благодарю сердечно, но лучше я заберу свою машину сейчас. Сомневаюсь, что мне еще когда-нибудь захочется тебя подвезти.

Непроницаемая для его терзаний и сердитых выпадов, Лора нарочито громко вздохнула.

– Тогда поезжай переулками, так меньше шансов привлечь к себе внимание.

Морган отвернулся от нее и уже направился к выходу из спальни, когда она нежно окликнула его:

– Деннис, может, при случае, тебе еще захочется повторить наше приключение?

– Нет, не захочется! – огрызнулся он. – Твоя соблазнительность, Лора, весьма сомнительна.

Бест тихо рассмеялась, но едва он захлопнул входную дверь, смех ее оборвался, сменившись ощущениями вины и стыда. Она опять погорячилась. Оттолкнула очередного любовника. Наказывая его за то, что пришлось пережить ей самой. Несмотря на унижение, она продолжала вспоминать, как ее обнимал Грег, и ей хотелось заставить всех почувствовать такие же страдания. Деннис вполне славный парень, и он действительно нравился ей. Однако последние полгода в ней копилась горькая обида. Именно эта обида возвела прочную стену вокруг ее сердца, и пока она была не готова сломать ее.

Лора думала, что понравилась Грегу. Какая дурацкая мысль!

Пискнул ее мобильник, и она смиренно взяла его, однако сообщение поступило не от Денниса, а от ее знакомой Мэнди, телефонного оператора. Доктор Тейлор получила угрожающий звонок от ее похитителя. Бест самодовольно ухмыльнулась. Естественно, получила. Это был только вопрос времени. В ответном сообщении она попросила приятельницу держать ее в курсе.

Настроившись на работу, констебль вылезла из постели и спустилась на первый этаж. Включив свет на кухне, плотно закрыла жалюзи. Ее сосед, Гас Бёрд, любил подглядывать за ней, когда его жена уходила из дома.

Налив себе стакан молока, она достала из портфеля бежевый конверт и села за кухонный стол.

Ей легко удалось получить нужные сведения. В конце концов, она же работает в полиции, а ей понадобилась всего лишь фотокопия. Дело упростило и то, что в отделе кадров больницы работала ее знакомая. Ей не пришлось оформлять ордер или посвящать в свою деятельность других

сотрудников. Правда, они оговорили одно условие... Впоследствии она уничтожит этот документ и никому не скажет, откуда у нее появилась такая информация.

В руках Бест находилось профессиональное резюме доктора Александры Тейлор. Она бегло просмотрела первые пару страниц. И, даже особо не вчитываясь в подробности, испытала жгучую зависть, осознав, как впечатляюще выглядит это досье. Как оказалось, сама она всего на два года младше доктора Тейлор, которой в следующем месяце стукнет двадцать девять лет, но после ее имени следовал уже целый ряд званий и достижений. Кембриджский университет – бакалавр медицинских наук. Бакалавр естественных наук. Член братства Королевского колледжа по оказанию неотложной медицинской помощи. Инструктор реанимационных мероприятий и обеспечения жизнедеятельности организма в экстремальных случаях.

В сносках указывались места ее предыдущих работ: Лондон, Королевская больница, больница Святого Варфоломея и госпиталь Святой Марии в районе Паддингтон, а также больница Королевы Виктории в Белфасте.

Чувствуя, как уплотняется комок у нее в горле, констебль перелистнула несколько страниц и увидела раздел увлечений и хобби: первым в списке значился бег, следом шли скалолазание и альпинизм. На третьем месте стояла медицина экстремальных условий дикой природы, что бы это ни значило. А дальше Лора ознакомилась и с особым увлечением Алекс: это были полеты на вертолете с лицензией на управление коммерческими бортами. Шесть месяцев работы в ВСС^[16].

Зависть Лоры раздулась, как воздушный шар. Алекс Тёрнер была не только высококвалифицированным врачом, она еще умела управлять треклятыми вертолетами! Бест прониклась неприязнью к этой женщине через десять минут после их знакомства, и с тех пор эта неприязнь увеличивалась с каждым часом. Почтительная и трепетная манера, с которой все говорили о докторе Тейлор, стала очевидна Лоре, едва она вошла в больницу. В полном молчании сотрудники провожали ее взглядами, пока она шла по коридору к персональной палате, и взгляды их говорили: «Позаботьтесь о ней, она особенная». Безмерное уважение Тома Коллинза к этой женщине тоже было очевидно. Новозеландец, служивший судмедэкспертом, едва улучил момент, чтобы поздороваться с Лорой, когда заходил в полицейский участок, однако здесь он проторчал около смотровой палаты значительно больше получаса, выглядя как глубоко расстроенный родственник. А ведь Коллинз прослыл человеком, никогда не

показывавшим своих чувств.

Казалось несомненным, что доктор Тейлор обладала всеми преимуществами – умом, карьерой и уважением. Она даже работала в Лондоне, где как раз мечтала работать Лора. Подала заявление в лондонскую полицию, но ей категорически отказали. Немногим лучше с ней обошлись в полиции долины Темзы и в других местах, куда она посылала заявления. Отказные письма не отличались разнообразием – подслащенная заманчивая морковка оставляла сомнительную надежду на то, что ее заявление может быть вновь рассмотрено в будущем, когда будут набираться новые сотрудники.

Наконец, ее приняли в полицию Эйвона и Сомерсета, и она проработала во всех провинциальных городишках этого региона, где практически не существовало возможности участия в интересной работе, прежде чем ее «наградили» переводом в полицию Бата.

И вот она прозябает в городе, где серьезные преступления совершаются редко, а уж если совершаются, особенно убийства, то людские умы помнят о них долгие годы. Городок славился лишь своей архитектурой, георгианскими зданиями, визитами Джейн Остин и долбаными римлянами. Лоре же хотелось, чтобы он прославился очередным крутым серийным убийцей – к примеру, очередным доктором Гарольдом Шипманом^[17] – и чтобы она сама наконец получила шанс и прославилась, схватив его... или ее. Даже не думая, разумеется, поделиться с кем-то славой. Она не так глупа. Ей не хочется засветиться раньше времени, как уже засветилась Алекс Тейлор.

Лора могла проторчать в Бате очередные пять лет и в итоге не получить никакого повышения... если только не раскрутит большое дело. И таким делом вполне могла стать история доктора Тейлор. Тут есть над чем помозговать. За последние недели определенно накопились интересные материалы: ее воображаемое похищение, смерть Эми Эббот, которую Тейлор считала убийством, смерть Лилиан Армстронг, которую Тейлор очень своевременно удалось обнаружить, слухи о почти фатальной ошибке с лекарством, опять-таки связанные с Тейлор... Может, лишь по чистой случайности ей так и не удалось навредить больному, прежде чем спасти его. Неужели она и впрямь намеревалась просто убить его? Лора осознавала, что это противоречило ее версии о делегированном синдроме Мюнхгаузена.

Алекс Тейлор вполне могла оказаться серийной убийцей. Это не выходило за рамки возможного. У нее, безусловно, имелся медицинский опыт, чтобы выйти сухой из воды. И сейчас Лоре необходимо лишь

разобраться с мотивом, а ответ мог скрываться за замечанием, оброненным Фионой Вудс. Что, интересно, не должно было с ней случиться опять? Именно это нужно выяснить Лоре. И тогда она сможет сама возбудить уголовное дело.

Глава 24

Взглянув на наручные часы, Алекс прикинула, что до конца смены осталось чуть больше часа и еще сорок минут до времени назначенного сеанса. То есть, если в отделении все будет спокойно, она вполне успеет быстро принять душ, освежить макияж и глотнуть чайку.

Хотя такое спокойствие казалось неслыханным для середины декабря. В это время года отделения «неотложки» обычно бывали забиты под завязку, и во многих из них все каталки занимали пожилые люди. Наиболее частыми причинами их поступлений становились травматические падения, легочные инфекции и гипотермия, а еще, как ни печально, иногда болезни провоцировало полнейшее одиночество, длинные и сумрачные дни одинокой жизни. Слабея и теряя присутствие духа, одинокие старики порой забывали о временных реалиях, забывали о еде и питье и даже о приеме необходимых им лекарств.

За две недели до Рождества некоторые из них начинали грустить, задумываясь о своем одиночестве, представляя одинокое сидение за столом с доставленным рождественским ужином и питая легкие надежды на то, что барышня из благотворительной фирмы «Обед на колесах» не убежит сразу, а хоть ненадолго составит им компанию. Так что встреча Рождества в больничной палате, где есть с кем перекинуться словом, была хорошей причиной для поступления на лечение в середине декабря.

Скрестив на груди руки, Алекс попыталась отмахнуться от этих гнетущих мыслей – у нее хватало своих неприятностей. Ее терзали тревожные предчувствия. Она устала, оттого что ей никто не верит, от скрытых насмешек и явной жалости. Устала от собственных бесконечных размышлений и болезненно острых вопросов. Неужели она сошла с ума? Неужели той ночью у нее была галлюцинация? И значит, все увиденное и услышанное было жуткой иллюзией? Ей все привиделось? Неужели она больше не властна над собственным разумом? Может, иллюзией были и угрозы по телефону субботней ночью? Они с Фионой сообщили о звонке какому-то молодому констеблю, однако пока еще не дождались никакого ответа из полиции. И лишь сегодняшний сеанс у психоаналитика, возможно, прояснит проблему.

Алекс волновалась из-за предстоящего сеанса и вспоминала напутственные слова Фионы, сказанные после прощальных объятий в воскресенье утром.

– Да, в прошлом году на твою долю выпало хреновое испытание. Но ты, детка, довольно быстро пришла в себя. Может, ты все еще страдаешь из-за этого в глубине души. Возможно, если б мы сообщили куда следует, прижали бы этого козла, тебе стало бы легче. И жизнь тогда у тебя наладилась бы.

Алекс внимательно выслушала подругу, но задала лишь один вопрос: не рассказывала ли та о том происшествии кому-нибудь еще?

– Нет, разумеется, нет, – заверила ее Вудс. – О нем знаем только мы с тобой и Кэролайн, да еще, конечно, тот агент, что подсунул нам эту скотину. Просто чтобы избавиться от него, Кэролайн и сообщила агенту. А больше, детка, я никому не говорила. Мы же сами так решили.

Так решила сама Алекс. Все равно не было ни свидетелей, ни доказательств. Только ее слово против его слова, и ей не хотелось рисковать. Ведь она родилась и выросла здесь, в Бате, вернулась сюда после учебы, чтобы нормально жить и работать, а в будущем выйти замуж, если ей все-таки повезет встретить настоящего мужчину. Поэтому в прошлом году она решила не обращаться в полицию, не желая рисковать своим будущим.

Возможно, не обсуждая ни с кем ее прошлое, Фиона тем не менее ясно выразилась, что думает о нынешней проблеме. И Алекс подозревала об этом с самого начала. Ее лучшая подруга не верила в случившееся.

* * *

Психоаналитика звали Ричард Сиккерт. Набрав его имя в поисковой строке «Гугла», Алекс сразу встревожилась, прочитав, что человек по имени Уолтер Ричард Сиккерт считался новоявленным Джеком-потрошителем. Этот Уолтер Ричард Сиккерт, художник, написал четыре картины, основываясь на реальном убийстве проститутки, совершенном в тысяча девятьсот седьмом году в лондонском Кэмден-тауне. Умер он в Бате в сороковых годах двадцатого века. Алекс задумалась о том, не предстоит ли ей встреча с его потомком.

Он встретил ее в обычном домашнем наряде – синей клетчатой рубашке и черных вельветовых брюках; правда, вместо тапок на нем были светло-коричневые туфли вроде тех, в которых ходят гольфисты. Его темные волосы влажно блестели, словно он недавно принял душ.

На носу психоаналитика поблескивали очки с продолговатыми

линзами в модной черной оправе. О его возрасте судить было трудно – возможно, около пятидесяти или даже пятьдесят с хвостиком, хотя он мог быть и моложе, учитывая гибкость и живость его движений.

Ни крыльцом, ни входной дверью этот дом не выделялся из ряда стандартных домов, и у Алекс сложилось впечатление, что Сиккерт здесь и жил. При входе не наблюдалось медной таблички с его именем и родом занятий, и она подумала, что он намеренно не афиширует свою деятельность, чтобы пришедшие на сеанс клиенты, во избежание любопытных взглядов, не стремились как можно скорее юркнуть в дом.

Кабинет, не считая письменного стола с телефоном и папками, напоминал вполне уютную гостиную. Два кресла, обтянутые дорогой коричневой замшей, стояли на удобном расстоянии друг от друга, дополнительно разделяясь журнальным столиком солидных размеров. На серванте горел светильник, и дальше в углу комнаты имелся еще один источник света в виде традиционной лампы с большим кремовым абажуром, отделанным бахромой.

В этом помещении для релаксации создали атмосферу душевного комфорта, и она особенно подчеркивалась тишиной. Благословенной, спокойной тишиной. Алекс опустилась в одно из кресел и осознала, что с удовольствием просидела бы здесь весь сеанс, не произнеся ни слова.

Ричард взглянул на нее с мягкой улыбкой, словно прочитав ее мысли, и тихо сел в другое кресло, не нарушив ее размышлений.

Время шло, и, побуждаемая мыслью о том, что надо что-то сказать, Тейлор произнесла наиболее естественные слова:

– Спасибо, что согласились принять меня.

– Вы можете молчать, если хотите. Я вполне доволен тем, что вы спокойно отдыхаете, – ответил хозяин кабинета. – Нет ни малейшей спешки, и если вам хочется провести часок в спокойном молчании, то, пожалуйста, можете молчать. Доктор Филдинг – полагаю, с вашего разрешения – ознакомила меня с тем, что с вами случилось, поэтому, как я уже сказал, нет никакой спешки.

Алекс прижалась затылком к удобному мягкому подголовнику.

– Я думала, что у вас будет полно вопросов.

– Нет. Это не мой метод работы. Чтобы ум выдал или отфильтровал накопленную информацию, ему нужно время на успокоение. Обычный тихий отдых с непринужденно блуждающими мыслями зачастую бывает наиболее действенным. Своего рода свободный полет мысли.

– Мой мозг, похоже, не хочет отключаться; скорее, он резко активизируется, как только я собираюсь отдохнуть или лечь спать.

– А вы не хотели бы немного рассказать о себе? И чисто для проформы – вы позволите мне завести, скажем так, историю болезни?

– Пожалуйста, – добродушно отозвалась Алекс, слегка пожав плечами.

Сиккерт взял со стола планшет с уже закрепленным на нем листом машинописной бумаги. Потом, щелкнув шариковой ручкой, привел ее в состояние рабочей готовности.

– Начнем с чего-нибудь простого. Каких-нибудь детских болезней, кроме простуды, бронхита и прочих тривиальностей...

– Никаких. Исключительно здорова вплоть до четырнадцати лет, когда заразилась мононуклеозом. Что ослабило меня на пару месяцев, однако после этого не было никаких осложнений, выздоровела полностью.

– Затяжные депрессии?

– Ни разу не диагностировали, – Алекс покачала головой. – Однако какое-то время в прошлом году я провела в подавленном состоянии, и последний месяц, разумеется, тоже не принес мне радости.

– Значит, вы не пытались выяснить мнение специалиста или нормально подлечиться?

– Пожалуй, нет... – Алекс, смутившись, почувствовала, как покраснела ее шея. – Наверное, я просто... пыталась сама как-то справиться со своими проблемами. Или, скорее, отрешиться от них.

Ричард начал быстро делать какие-то заметки, а доктор Тейлор подумала, догадался ли он, что она не особенно честна с ним. Она же принимала диазепам, как раз рекомендуемый в случаях стресса или депрессии. Ей даже подумалось, не написал ли Сиккерт слово «лгунья».

– Итак, не считая мононуклеоза и ряда возможных депрессий, никаких других медицинских проблем? Ни одной черепно-мозговой травмы? – уточнил он.

– Нет. – Алекс опять покачала головой и, помедлив, добавила: – То есть вплоть до того недавнего случая, несколько недель тому назад. В больнице сказали, что я, возможно, получила легкую контузию от удара упавшей с дерева ветки.

– Насколько я понял, вы полагаете, что как раз в тот вечер вас похитили?

– Верно.

– И вы не согласны с их диагнозом?

– Не знаю, – она в отчаянии потрянула головой, – я уже больше ничего не понимаю. Все мои ощущения говорят о реальности тех воспоминаний. О настоящем ужасном похищении. По-моему, такое невозможно выдумать. Оно... оно... – Ее дыхание участилось, и Алекс почувствовала, как сильно

забило сердце.

– Хорошо, – спокойно произнес Сиккерт, – вы отлично справляетесь. Восстановите дыхание и попытайтесь успокоиться.

Она сделала несколько глубоких вдохов и почувствовала, как напряжение в груди ослабло.

– Лучше? – спросил психолог немного погодя.

Алекс кивнула.

– Последние вопросы, и тогда мы сможем пойти дальше. Случаи галлюцинаций, лунатизма или кошмарных сновидений?

– Кошмары? Да. И плохие сны, особенно в последнее время.

– Как насчет алкоголя или приема лекарств?

– Никаких, – решительно ответила клиентка, – никаких лекарств. Алкоголь? Возможно, в последние недели я выпивала немного больше обычного, но не чрезмерно.

Сиккерт опять записал что-то на листе бумаги, и Алекс подумала, не подчеркнул ли он теперь слово «лгунья».

– Отлично. Что ж, с вопросами мы покончили. – Психолог положил обратно на стол планшет с ручкой и улыбнулся. – А теперь расскажите мне немного о себе.

– Я врач... – Алекс пожала плечами. – Врач по призванию, и работаю врачом.

– И?..

– Именно врачом я и хотела быть всю свою жизнь. Это моя жизнь.

Алекс устало вздохнула и закрыла глаза. До нее донеслось бульканье наливаемой в стакан воды, после чего его явно поставили перед ней.

– Спасибо, – глотнув воды, сказала она.

– Как вы чувствуете себя в целом?

– Измученной, – Алекс тяжело вздохнула, – и запуганной. Мой мозг не отключается. В каждом встречном человеке я вижу потенциального похитителя. В кошмарных сновидениях иду по больнице и слышу за спиной его шаги. Начинаю бежать, думая, что смогу спрятаться, если добегу до конца коридора. Но коридоры сменяют друг друга. Исчезают двери и выходы. Никаких табличек, указывающих на выход из отделения, только голые стены. Я в ловушке. Всякий раз, заворачивая за угол, оказываюсь в другом коридоре. А похититель подходит все ближе...

– Вы смогли разглядеть его?

Вопрос Сиккерта прозвучал мягко, и его голос успокоил клиентку.

– Нет. Но я слышу его! Его шаги становятся все ближе! – крикнула она.

– Повернитесь и посмотрите на него. Спросите, что ему нужно.

– Он невидим. Его никто не видит. И никто не верит, что он существует. Но он реален... Он касался меня!

– Когда он касался вас?

– Пока я была без сознания, он раздел меня. Он видел меня обнаженной, и его руки обследовали мои внутренности.

– Как?

– Не знаю. Либо он... – Алекс запнулась и продолжила почти шепотом, полным отчаяния: – Он хотел... он говорил, что собирается сделать, но я не знаю, сделал ли, но он хотел... И я согласилась.

– И вы убеждены, что все это происходило в реальности?

– Да! – воскликнула она, крепко зажмурив глаза. – Происходило! Я лежала там. Я видела его.

– И вы боитесь, что он придет за вами снова?

– Да, – твердо ответила Алекс, – он сообщил, что придет за мной.

Ричард Сиккерт сидел молча, но его спокойный взгляд устремился на нее, и она вдруг почувствовала себя увереннее.

– Я хочу, чтобы вы кое-что сделали, – наконец спокойно произнес он. – Закройте глаза и представьте тот коридор. Его протяженность и высокие стены. Вы там сама по себе. Вы начинаете идти по коридору, а потом слышите его. Теперь медленно начинайте считать каждый сделанный шаг. Вы еще можете слышать его шаги, но они не убыстряются. Они совпадают с вашими шагами. Досчитав до десяти, вы увидите стеклянную дверь. Там есть ручка, и вы можете открыть ее. Сквозь стекло светит солнце. Вы видите яркий свет...

– Он слепит мне глаза. Я не могу видеть его лицо, но слышу его.

– Что он говорит?

– Он говорит мне, что со мной ничего не случилось. Я злюсь и прошу объяснить, что происходит, а он поднимает свои руки в фиолетовых перчатках. Степлер. Он угрожает зашить мне рот и говорит... Он говорит...

Внезапно она резко выпрямилась. Ее глаза широко открылись, пристальный взгляд устремился вперед, и в ее памяти всплыло то, что она ясно слышала: «Алекс!»

– Он назвал меня Алекс, прежде чем я сама упомянула свое имя. – Доктор Тейлор сосредоточенно посмотрела на Ричарда Сиккерта. – Тот человек знает меня! Я – не просто случайная жертва.

Глава 25

– Он знал, кто я, Мэгги, – решительно повторила Алекс.

Не тратя слов, Мэгги Филдинг лишь выразительно повела бровью и поджала губы, продолжая слегка обжаривать кедровые орешки на сухой сковородке. В центре кухни, на специальном столе, в большой, но неглубокой салатнице уже лежали колечки красного лука, половинки помидорок черри и рокет-салат с рукколой – оставалось лишь все смешать и полить заправкой из винного уксуса с оливковым маслом. Заключительный ингредиент – кедровые орешки – как раз доходили до нужной кондиции.

Из духовки доносился аромат замаринованных бараньих отбивных, а сверху на плите подогревались две большие белые тарелки.

После сеанса у Ричарда Сиккерта Алекс отправилась прямым ходом в дом Мэгги, неспособная пока остаться наедине со своими мыслями в собственной квартире. Филдинг вполне любезно пригласила ее остаться на ужин. Тейлор пожалела, что не сообразила по пути сюда зайти за бутылкой вина, хотя бы для возмещения разбитой в прошлый раз, и сейчас испытывала неловкость, сознавая, что опять посягнула на личное время этой женщины.

Алекс догадывалась, что у ее коллеги могли быть иные планы на вечер. Возможно, сейчас, стоя у плиты, та с досадой думала, какой помехой стала ее незваная гостья.

Проверив тыльной стороной ладони нагрев тарелок, Мэгги вооружилась прихваткой и достала из духовки сочную ягнятину. По-прежнему в молчании закончила приготовление ужина, выложив на столешницу столовые приборы, и в итоге, устроившись на табурете, взглянула на Алекс.

– Вина? Или ты за рулем?

– Вина, пожалуйста. Я опять пешком. Все еще не могу найти свой брелок. Придется, наверное, заказать новый, чтобы не просить охранников открывать мне ворота всякий раз, как мне понадобится забрать или поставить машину. Не представляю, где я могла потерять его...

Мэгги вытащила из ведерка со льдом бутылку новозеландского игристого вина «Пелорус», хлопнула пробкой и налила понемногу в фужеры, давая пене осесть, после чего потом наполнила их до краев.

– Поговорим после ужина, – наконец заявила она. – Алекс, ты так

исхудала, что от тебя осталась половина, и если мы сразу начнем говорить, то есть ты явно не сможешь. Поэтому давай-ка для начала поешь! – И мило улыбнулась.

Через полчаса после восхитительной и сытной еды и второго бокала тонкого белого вина Алекс начала успокаиваться и уже не так пылко стремилась вернуться к разговору, который пыталась завести перед ужином. Если она отправится домой, не думая больше о своем открытии, то, вероятно, сможет нормально выспаться. Завтра у нее выходной, и ей хотелось выглядеть свежей и отдохнувшей. Она собиралась позвонить Натану Беллу. Заглянув в расписание дежурств, узнала, что как раз завтра у него тоже выходной. И теперь ей просто оставалось убедить Натана провести его вместе с ней.

– Алекс, помимо того, что он произнес твое имя, что еще убедило тебя в реальности того случая? – тихо спросила Филдинг. Сомнение во взгляде свидетельствовало, что простой ответ ее не удовлетворит.

– Да все, что происходило со мной после той ночи! Мэгги, Эми Эббот умерла на наших глазах, и я знаю, что она пыталась сообщить мне что-то важное. Ее смерть явно была неестественной. Ты же акушерка. Можешь ли ты в самом деле поверить, что она самостоятельно сотворила с собой такое? На моей машине оставили надпись для всеобщего обозрения. И, господи боже, он еще и позвонил мне! Он издевается надо мной. Да еще та несчастная сбитая дамочка на моем парковочном месте... Она тоже стала частью его злодейского плана. Я совершенно уверена, что все это его происки. Он уничтожает мой мир, но никто, *никто* не верит мне!

– Алекс, – воскликнула Мэгги, изумленно глянув на гостью, – о чем ты говоришь? Кто звонил тебе? Какая дамочка на твоей парковке? Я понятия не имею, о чем ты говоришь!

Около часа доктор Тейлор рассказывала ей все, что случилось с ней за последние недели. Выслушав ее, Филдинг погрузилась в задумчивое молчание.

– Ну, и что ты теперь думаешь? – устало спросила Алекс. – Все это по-прежнему мои выдумки?

– Я не знаю, – покачав головой, отозвалась Мэгги, – то есть я не понимаю, как все это может быть связано. Телефонный звонок и надпись на твоей машине очевидно реальны. Был ли кто-нибудь с тобой, когда тебе позвонили?

– Да, – Алекс тяжело вздохнула, – но она не слышала, что он говорил.

– И что думают в полиции?

– Они не отзвонились мне по поводу этого звонка. А надпись на моей

машине считают чьей-то глупой шуткой.

– Тогда остается умирающая женщина, которую ты обнаружила на своем парковочном месте?

– Да, – Алекс кивнула, – бедняжку постигла ужасная смерть.

– А ты не видела, как это случилось или кто ее сбил?

– Нет, – простонала она, – я съезжала на машине по пандусу и увидела только, что она лежит на моем парковочном месте. Я не заметила никаких уезжавших машин. Ворота были открыты, но никто из них не выезжал. Мне... Боже, Мэгги, какая же я идиотка! – Ее рот открылся, а взгляд уставился в пустоту. – Брелок. Мой потерянный брелок. Когда я подъехала к дому, ворота были уже открыты. Но открыть их можно только с помощью брелока. Я не теряла его. Должно быть, его украли! Надо сообщить об этом в полицию. Хотя не думаю, что они поверят мне... По-моему, они считают, что это я ее сбила.

– Господи, Алекс, – на лице Мэгги отразилось беспокойство. – А ты не хочешь поговорить с адвокатом?

– Нет! – резко возразила она. – Я же пыталась спасти ее!

– Успокойся. – Филдинг примирительно подняла руки. – Значит, остается еще вопрос с Эми Эббот. В общем, как ни печально мне говорить это, я могу представить, что женщина способна на подобное идиотство. Несмотря на то что аборт у нас не запрещены, многие ежедневно заглатывают всякие снадобья или вставляют себе пессарии^[18], стремясь спровоцировать выкидыш. И порой они только наносят вред самим себе. Эми Эббот, как профессиональная медсестра, полагала, возможно, что у нее достаточно знаний и опыта для такой операции.

– Ты в самом деле веришь в это? – твердо спросила Алекс. – Она же пыталась мне кое-что сказать! И я знаю, что именно, поскольку испытала то же самое. На операционном столе! Ожидая смерти!

– Ты? В какой операционной? Как ты могла попасть туда?

– Он вырубил меня, ввел какой-то наркоз. Сунул мне в рот тряпку вроде кляпа и вырубил.

Мэгги глубоко вздохнула. Затем резко встряхнула головой, словно пытаясь избавиться от навязчивой мысли.

– Старый тряпочный трюк с усыплением является убогим изобретением Голливуда, – медленно и лаконично заметила она. – Для такого понадобились бы как минимум маска Шиммельбуша, наличие времени и эфира, и его личное присутствие, чтобы все это сработало и...

– Он показывал мне маску Шиммельбуша!

– На парковке, Алекс! Я говорю о парковке. Ты ведь попыталась бы

убежать, даже если б он сбил тебя с ног. Ему пришлось бы положить тебя на спину, приложить маску к твоему лицу и довольно долго пропитывать ее эфиром, но за это время его вполне могли увидеть.

Сердце Алекс заколотилось. Ей не хотелось слушать то, что говорила Мэгги.

– То есть ты имеешь в виду, что это невозможно?

– Я имею в виду, что тебя вырубили как-то по-другому.

Глава 26

Покрыв лицо пеной для бритья, Натан услышал телефонный звонок. Он намеренно не брал трубку – за последний час ему звонили уже третий раз, и Белл не сомневался, что его опять беспокоят из дома престарелых с очередными указаниями от его матери.

На его кровати уже лежал пакет, в который он упаковал ее старомодный домашний халат на пуговицах, коллекцию аудиокниг Кэтрин Куксон^[19] и нюхательные соли. Его мать редко куда-то выезжала без них и, вероятно, сейчас страшно беспокоилась из-за своего коричневого флакончика. Обычно она таскала нюхательные соли в кармане кардигана, а за манжету рукава засовывала батистовый носовой платочек.

С самого детства Натана преследовал запах нашатырного спирта на платочках, которыми она протираала ему лицо, – глаза начинали слезиться, как только этот вонючий платок касался его лица. И у него навсегда сохранилось чувство вины, поскольку это тонизирующее лекарство использовалось, только когда он расстраивал мать. Нюхательные соли и ее горестные вопли были неотъемлемой частью его детских воспоминаний. Неужели он не мог вести себя лучше? Не мог быть более чутким, менее эгоистичным? Хотя на самом деле мать думала: «Почему же ты никак не научишься прятать от меня половину своего лица?» Правда, она никогда не ожесточалась до того, чтобы сказать это вслух.

Телефон перестал звонить, подарив Беллу успокоительную тишину. Он быстро побрился и оделся, готовясь к предстоящему посещению матери. Сегодня он сядет со стороны ее парализованной после инсульта половины, чтобы она вообще не видела его лица.

Спустя минут десять телефон вновь принялся трезвонить, и врач, подавив досаду, все-таки ответил на звонок. Из трубки донесся приветливый голос Алекс Тейлор, и Белл на мгновение так растерялся, что потерял дар речи.

– Натан, ты слышишь меня? – взволнованно воскликнула она.

– Да. Ты застала меня врасплох. Я ждал другого звонка.

– Я... гм... случайно узнала, что у тебя сегодня выходной.

Белл слегка удивился, а потом почти обрадовался, подумав, что коллега собирается попросить его подменить ее на дежурстве. Это дало бы ему законную причину избежать общения с матерью.

– В общем, у меня тоже выходной, и я подумала, что мы могли бы

провести время вместе, если у тебя нет других планов и ты свободен. Понимаешь... гм... – Внезапно Алекс рассмеялась с каким-то девическим смущением. – Я подумала, что мы могли бы где-то развлечься.

В голове Натана мгновенно родилась идея, позволяющая освободиться от визита к матери. Он мог позвонить в дом престарелых и сообщить, что у него экстренный вызов.

– Я... в общем, то есть...

– Сегодня днем я встречаюсь с Себом Морриси. Ты знаешь Себа, верно? И я подумала, что ты, возможно, захочешь присоединиться к нам...

Разочарование захлестнуло Белла; он словно получил пощечину. Увидел в зеркале над каминной полкой, как вспыхнула его здоровая бледная щека. Очевидно, Тейлор чувствовала себя обязанной ему за поддержку последних недель и поэтому предлагала провести выходной в их с Себом обществе.

– Извини, Алекс, но я не...

– Могло бы здорово получиться. Ведь тебе пришлось бы весь день терпеть меня, сидя на водительском месте. – Натан почувствовал фальшивую нотку в ее голосе и поморщился.

Она пожалела его. Именно поэтому и позвонила. Так же, как все остальные, она лишь жалела его. А он надеялся, что она способна на большее... Он был уверен, что она отличается от всех прочих женщин. С самого дня их знакомства ему хотелось, чтобы она смотрела на него как на нормального мужчину, – и вот теперь его постигло горькое разочарование.

– Алекс, извини за прямоту, но почему ты надумала позвонить мне? – спросил он и, почувствовав ее потрясение, быстро продолжил: – По-моему, это не лучшая идея. Но все равно спасибо, хотя на сегодня у меня уже есть планы.

Явно смущенная, Тейлор быстро простилась с ним, и Белл осознал, что ему следовало бы извиниться за резкость, но не стал. Несколько минут он простоял у телефона, с горечью глядя на свое отражение в зеркале и раздумывая – уже не в первый раз, – почему мать не задушила его в колыбели. Он родился уродом, и было бы гуманнее сразу избавить его от страданий. Но с другой стороны, поступив так, Сесилия Белл не смогла бы прожить жизнь мученицы – как ее зачастую называли собиравшиеся вокруг нее подруги, когда она доставала свои нюхательные соли.

Всю жизнь она мучилась, видя его.

Глава 27

Грег понимал, что его восьмилетний сын надоел взрослым пловцам на «быстрой» дорожке. Джо все еще плавал, держась за канат, и они сбивались с ритма гребков, проплывая мимо него. Водные горки в детском бассейне были закрыты, и мальчику оставалось однообразное плавание по дорожкам. Проведя в воде почти полчаса, Джо уже откровенно извелся от скуки. Они не могли даже погоняться друг за другом или побросать мяч, и Тёрнер-старший почувствовал вину за то, что не проверил заранее расписание и не спланировал их совместный день более тщательно. Он видел, что время уходит и что ему придется придумать нечто особенное, чтобы повеселить мальчишку и...

Возможно, стоит заскочить в Королевский театр и узнать, не осталось ли билетов на дневное представление. Там давали «Питера Пэна»; правда, Грег не знал точно время начала спектакля. На днях он слышал в участке, как восторгались им две сотрудницы, и теперь подумал, что Джо спектакль тоже, скорее всего, понравится. Но, с другой стороны, ему не хотелось срывать планы и сюрпризы, которые Сью уже придумала для сына на рождественские каникулы, – обычно она вынашивала их с первого дня школьных занятий. Может, им лучше просто сходить в кино – один из фильмов текущего репертуара уж наверняка порадует их обоих...

Лучше поскорее убраться из бассейна, не дав Джо всерьез разозлить взрослых пловцов. Сам Грег уже тоже вполне наплавался. Он не слишком любил это занятие, предпочитая ему тренировки в гимнастическом зале или футбол.

Опять же, стоически решил инспектор, день еще далеко не закончился. Впереди масса возможностей. Они могут поиграть в туристов, посетив местные достопримечательности – к примеру, Насосный зал и Римские бани... И в парке его сын, вероятно, еще с удовольствием попинает мяч, зная, что в итоге ему обещано посещение «Макдоналдса».

Каждую вторую субботу старший Тёрнер проводил день с сыном. Продолжая работать в полиции, он не мог взять на себя более серьезные обязательства, поскольку Джо теперь жил в Оксфорде. Это не волновало Сью, бывшую жену Грега. Она никогда не сетовала на него за то, что он так редко видится с их сыном, как, в сущности, не изводила его и за что-либо еще. Она старалась создать для Джо нормальную жизнь и всячески поддерживала его отношения с отцом. Сью была хорошей женщиной и

хорошей матерью. Их брак рухнул не потому, что она возненавидела мужа, а потому, что тот все время отсутствовал дома и любить ей было некого, – и ее чувства к нему попросту иссякли. Как лишенное влаги растение, ее любовь постепенно засыхала до тех пор, пока окончательно не исчезла возможность возрождения. Тогда она и предложила развестись.

Грег все еще любил свою бывшую жену, но уже не так страстно, как раньше. Скорее как близкого друга, как человека, которого он никогда не обидит и которому в любой ситуации всегда будет готов помочь. Он всегда будет любить ее как маму Джо, и эту данность ничто не изменит.

Поежившись, Тёрнер осознал, что подмерз, и крикнул сыну, что им пора вылезать из воды.

– А можно я просто прыгну еще разок? – попросил Джо.

Его отец оглянулся кругом и понял, что если мальчик достаточно быстро вылезет и нырнет, то никто может и не заметить этого.

– Давай, только быстро, – разрешил он.

Из раздевалки вышла какая-то женщина. Стоя спиной к полицейскому, она повесила полотенце на перила. Ее рыжевато-каштановые волнистые волосы были небрежно заколоты на затылке, а на шее влажно поблескивали выбившиеся завитки. Насколько Грег мог видеть, у нее были стройные ноги с тонкими лодыжками и хорошо развитыми икрами. Она выскользнула из махрового купального халата, и он оценил узкую стройную спину, завершающуюся внизу плавным изгибом.

Слишком худая, подумал Тёрнер, едва ли не кожа да кости, но сложена прекрасно, а ее попа в оливково-зеленом купальнике выглядит дерзко и сексуально. Женщина тем временем повернулась, и инспектор, обомлев, почувствовал, как загорелись его щеки. К бассейну направлялась Алекс Тейлор.

И тут Джо испустил истошный крик.

Глава 28

Вид крови быстро очистил чашу бассейна от посетителей.

Увидев испачканное кровью лицо сына, Грег бросился к нему, едва не распахивая попадавших на пути людей. Кровавые струйки стекали по подбородку, и инспектор испугался, что мальчик серьезно пострадал.

Алекс Тейлор быстро овладела ситуацией и, перегнувшись через борт бассейна, резко вытащила Джо из воды. Заметив, что Грег спешит к ней, и увидев его встревоженное лицо, она догадалась, что этот мальчик – его родственник.

– Давайте отнесем его в медпункт, – спокойно распорядилась Алекс, – там я смогу лучше помочь ему.

Всю дорогу до медпункта Джо орал как резаный, и его отец терзался чувством вины из-за того, что не уследил за сыном, поскольку пиялился на стройные женские ножки.

В медпункте Алекс вновь взяла руководство в свои руки. Она сообщила дежурному медику, что спешно пришла на помощь, поскольку сама врач и справится с травмой, после чего попросила обеспечить ее марлей, теплой водой и льдом.

Терпеливо и спокойно, не обращая внимания на истерические вопли Джо, доктор Тейлор начисто смыла теплой водой кровь с его лица. Затем оттянула ему нижнюю губу и, проверив зубы и десны, проделала ту же процедуру с верхней. Оценив травму, взяла кубик льда из пластикового контейнера и вложила его в пальцы Джо.

– Подержи лед между губами, как будто это мороженое. Только не надо сосать его.

Как ни удивительно, Тёрнер-младший сделал то, что ему велели. Взяв еще льда, врач завернула его в марлю и, удерживая одной рукой охлаждающий сверток на затылке Джо, другой зажала ему нос.

– Молодец, – ободряюще похвалила она. – Мы с тобой мигом все исправим, а потом папа купит тебе фруктового льда, и твоей поцарапанной губе станет еще лучше.

Она действовала потрясающе эффективно. Кровь быстро перестала течь, и ранка стала хорошо заметна. Мальчик прокусил себе нижнюю губу изнутри, и вдобавок у него пошла носом кровь.

– Папа, я ударился головой и носом, да еще ушибся подбородком, – пробурчал Джо, не замечая, что подтаивающий кубик льда стекал

струйками по его подбородку. – Я попытался сразу выпрыгнуть – и снова плюхнулся в воду.

Грег представил, как сын, видимо, попробовал запрыгнуть на бортик бассейна, но не сумел рассчитать силы и треснулся о него головой.

Он порадовался, что ранка оказалась незначительной и что он сможет сдать Джо на руки матери с заверениями того, что его осмотрел настоящий доктор.

– Простите, что испортили вам сеанс плавания, – сказал он Тейлор.

Уже полностью одетые, они стояли в фойе перед выходом. Инспектор почувствовал себя серьезно виноватым, заметив темные круги у Алекс под глазами и осознав, что она могла бы лучше провести время, если б не суматоха с их несчастным случаем. Должно быть, она собиралась с утра сбросить напряжение и нормально отдохнуть в бассейне.

– Я хотела только окунуться. Через час мне все равно надо быть в другом месте, – ответила Алекс.

– Папа, а что мы теперь будем делать? – раздраженно спросил Джо.

Взглянув на его припухший нос и нижнюю губу, Грег почувствовал себя еще более виноватым.

– Подожди немного, дружок. Надо же мне поблагодарить доктора Тейлор. Она избавила нас от поездки в травмпункт, где, поверь мне, солнышко, тебе вряд ли понравилось бы.

– Но что же мы будем делать?

– Как ты относишься к походу в кино?

– Кино я посмотрю завтра на дне рождения Мэтью.

Из-за такого капризного скулежа младший Тёрнер выглядел избалованным нытиком, и Грег решил, что, когда они останутся одни, он непременно поговорит с сыном о его поведении.

– Джо, если ты будешь продолжать ныть, мы пойдем домой, – предупредил он ребенка. – У меня на сегодня еще масса дел.

– Не хочу домой. Хочу как-нибудь повеселиться; ведь ты сам говорил, что скоро Рождество и повсюду будет полно предпраздничных представлений.

– Ладно, ладно, помолчи... Я же не утверждал, что мы пойдем домой. Мы что-нибудь придумаем, просто дай мне еще минутку.

Алекс Тейлор насмешливо следила за их разговором, и у Грега появилась возможность по-новому оценить эту даму. Могла ли такая женщина быть сумасшедшей? Прямо сейчас она выглядела вполне здоровой.

– Вы хотите испытать необычные ощущения? – небрежно

поинтересовалась она.

Инспектор этого не хотел. Он предпочел бы зайти в паб, пропустить стаканчик во время ланча, а потом найти кинотеатр, где Джо будет смотреть фильм, а сам он спокойно вздремнет.

– У вас есть какое-то предложение? – спросил полицейский.

– Не боитесь ли вы оба высоты?

Грег неуверенно покачал головой.

– Дайте мне пару секунд, – сказала Тейлор и, немного отойдя в сторону, вытащила мобильник.

Быстро поговорив по телефону, она сунула его обратно в карман куртки и вернулась к ним.

– Отлично; похоже, у вас появилась возможность особого приключения, учитывая, что сегодня выдалась хорошая погода.

Настороженно глядя на нее, Тёрнер-старший вдруг осознал, что невольно согласился на то, что пока оставалось таинственной затеей.

– Что вы имели в виду? – спросил он.

– Прогулку на вертолете. – Усталое лицо Алекс озарила слабая улыбка.

Глава 29

Суббота отлично подходила для небольшой ознакомительной экскурсии по больнице. В отделении было меньше начальства и вообще меньше народа.

Гарри, добровольный экскурсовод Лоры Бест, приземистый и коренастый мужчина, был одним из старейших сотрудников службы охраны в этой больнице и оказался весьма изобретательным в плане проникновения в места ограниченного для посторонних доступа. Не без толики обаяния, с прозаичным видом он коротко представлял Лору как «полиция, оглядеться им тут требуется».

Констебль даже не представляла, насколько большая эта больница. Помимо лечебных и операционных палат, в ней имелось множество самых разных помещений, о которых больные и представления не имели, – раздевалки, учебные комнаты, лаборатории и кабинеты. На первых порах Бест исполнилась решимости осмотреть все внимательно, однако, по мере продвижения, ее внимание начало рассеиваться. К счастью, Гарри оказался кладезем сплетен и слухов. Лоре даже поднадоела его болтовня: сокращения, нехватка персонала, закрытые отделения и история больницы... Поэтому она прислушивалась лишь к тем сведениям, которые считала полезными.

Констебль узнала новые для себя имена больничных сотрудников, узнала о двух романах, которые крутили прямо в большой операционной; о медсестре, подозреваемой в том, что послала пациента «на хрен», и о другом медике, которому пациент сломал челюсть, придя в себя в послеоперационной палате после анестезии.

Именно последний случай побудил ее высказаться, когда Гарри медленно спускался по короткому пандусу, намереваясь показать очередной устаревший трубопровод для подачи анестетического газа.

– Похоже, что вам не меньше нашего приходится сталкиваться с насилием.

– Иногда приходится, – согласился проводник Лоры, выискивая нужный ключ в связке, – особенно в отделении «неотложки». И по ночам, когда дежурят только два охранника. Тогда нам приходится довольно часто вызывать вас, чтобы разобрались с бузотерами.

– Удивительно еще, что пострадало так мало сотрудников.

– Да уж, пострадало бы куда больше, если б они не соблюдали

осторожность. Им выданы личные сигнальные устройства, как раз на случай такой опасности. Они нажимают тревожную кнопку, у нас сразу звучит сирена, и к ним мчатся охранники. Но, как я и сказал, дежурят-то всего двое...

– Жаль, что у доктора Тейлор не оказалось такого устройства несколько недель назад.

Гарри предостерегающе поднял руку, взглянув на свою спутницу особо пристально, и та постаралась тщательно продумать очередное замечание.

– Она же могла нажать на такую кнопку, позвав на помощь. Тогда ее смогли бы быстро найти на парковке, и ей не пришлось бы лежать так долго на холоде.

– Ох-ох-ох, вер-р-рно, – протянул охранник с явным сомерсетским акцентом, – могла бы... Уж сирену-то сразу слышали бы. Я вдруг подумал, будто вы считаете, что на нее напали...

– Ну, она же сама так и думает.

– Я ведь тогда лично нашел ее, – сказал Гарри, покачав головой, – вместе с ее другом. Бедняжка просто лежала на траве без сознания.

– Значит, вы не думаете, что на нее кто-то нападал? – решила укрепить свою позицию Бест.

– Нет, – ее собеседник опять покачал головой, – с чего бы? Вокруг валялись три большие ветки, в тот вечер дул адский ветер, да и одежда ее была в полном порядке, если вы меня понимаете. Иными словами, она была полностью одета. Верно, просто упала... На мой взгляд, ее пристукнуло одной из тех веток. Не знаю, почему потом поднялся такой переполох. Должно быть, ее сильно ударило.

– Я слышала, – Лора понизила голос и окинула взглядом коридор, словно проверяя, не слышит ли их кто-нибудь еще, – что в прошлом году с ней тоже случилось нечто странное.

Гарри внезапно впился в нее взглядом, и она заметила то, что упустила раньше, – под его обаянием, незатейливой болтовней и склонностью к сплетням скрывался острый ум.

– Мне тоже мало что известно об этом, – ответил он. – Да, что-то явно случилось, но я не знаю, что именно. Просто тогда эта наша молодая докторша захотела взять отпуск. Отдыхала где-то около месяца. Да и узнал-то я об этом лишь потому, что случайно увидел, как она вместе со своей начальницей и Фионой Вудс шла по коридору, и лицо у доктора Тейлор было заплаканное.

– И вы понятия не имеете, почему она плакала?

– Причин-то могло быть сколько угодно... Мне частенько приходилось видеть плачущих медиков. Здесь у нас стрессовые нагрузочки, особенно в «неотложке». Работы у них без продыху. Бывало, врачи рыдали, если им не удавалось спасти больных... Понимаете, у них тяжелая работа, и мне не следовало бы...

– Не беспокойтесь. Вы мне очень помогли, спасибо вам. По-моему, мы уже посмотрели все что нужно?

Из больницы Лора Бест вышла в хорошем настроении. Она получила то, за чем приходила. Познакомилась с человеком, который нашел Алекс в ту ночь, и услышала его мнение о случившемся. Убедилась, что в прошлом году с ней произошла еще какая-то странная история, и узнала, что доктор Тейлор умеет врать.

Никакого похищения не было. Алекс Тейлор все выдумала, и ее выдумки как-то связаны с тем, что произошло в прошлом году.

Глава 30

В защитных черных наушниках и желтой флуоресцентной куртке, на спине которой зелеными буквами значилось слово «ДОКТОР», Алекс, как и ее гости, стояла спиной к вертолету перед кустами и сетчатой провололочной изгородью. Лопасты пропеллера еще вращались, и природный мусор – сучки, листья и даже мелкие камешки – мог взметнуться с земли и повредить глаза.

Они находились на крикетном поле, а за простой изгородью начиналась территория больницы, и всего в нескольких метрах виднелся вход в отделение неотложной помощи. Здесь была отличная площадка для посадки летательных аппаратов, перевозящих больных, и крикетный клуб без возражений мирился с этими временными помехами.

За спиной Тейлор урчал мотор вертолета «Робинсон 44», частным образом купленного тремя пилотами санитарного транспорта из Уилтшира. Эта легкая четырехместная машина могла порадовать всех пассажиров отличными панорамными видами.

Перед ней мерцали синим светом два хвостовых сигнализатора, показывая, что взлетно-посадочная площадка занята. Алекс ждала, когда двигатель затихнет, чтобы проверить приборы ручного управления.

Ей самой не верилось в то, что она сейчас делала. Такие импульсивные решения противоречили ее натуре. И ведь ей даже не нравился инспектор Тёрнер – она вполне понимала, что он считал ее в каком-то смысле сумасбродной. Свое сегодняшнее порывистое поведение она могла отнести лишь на счет утреннего огорчения, крайнего смятения, испытанного после отказа Натана Белла.

А может, она и вправду стала сумасбродкой? Мэгги Филдинг, ее новая подруга, именно так и думала. Вчера вечером Алекс ушла из дома Мэгги, дав себе обещание никогда туда не возвращаться. Потом она лежала, свернувшись клубочком, посередине своей двуспальной кровати, чувствуя себя ужасно одинокой и испуганной, и только мысль о сегодняшней встрече с Натаном Беллом удерживала ее от того, чтобы пережить очередную ночь с помощью водки или диазепама.

– Доктор Тейлор, вы абсолютно уверены, что это разрешено? – вдруг спросил инспектор.

На этот раз его лицо не было закрытой книгой, и она прочла в его взгляде вопросы: «Вы уверены, что мы можем запросто сесть в этот

вертолет и никто нас не остановит? Или это розыгрыш?»

Прежде чем Алекс успела ответить, мужской голос с другой стороны поля призывно выкрикнул ее имя. Себ Моррисси, выбравшись из кабины пилота, приближался к ней своей неуклюжей походкой.

– Привет, мой любимый доктор... Да, пора уж тебе самой вновь вернуться в кабину пилота. – Он говорил с приятным австралийским акцентом, заразительно улыбаясь, и Алекс невольно осознала, что радостно засмеялась, когда он закрутил ее в медвежьем объятии, оторвав от земли.

Потом, заметив двух ее гостей, Себ шагнул к ним, протягивая руку.

– Вы, должно быть, мистер Тёрнер, – сказал он, пожимая руку инспектору, – а ты, верно, Джо, – обратился он к мальчику. – Рад. Вам выпала редкая удача. Вас ждет прекрасный полет. Еще несколько часов видимость останется хорошей.

– Вы можете звать меня Грегом, и спасибо, что пригласили нас, – ответил Тёрнер-старший. – Это, право, очень любезно с вашей стороны.

– Пустяки, Грег. Я рад любому гостю Алекс. Для меня она особо важная персона.

Тейлор хотелось остановить Моррисси, пока тот не наговорил лишнего, но Грег Тёрнер заинтересованно приподнял брови, и Себ с удовольствием пояснил свои слова:

– Она спасла мне жизнь, то есть спасла самым натуральным образом.

Алекс вмешалась, не дав ему углубиться в историю:

– Довольно, Себ. Мистеру Тёрнеру не обязательно знать все подробности. И я уверена, что Джо было бы более интересно послушать об устройстве вертолетов.

Моррисси переключил внимание на мальчика. Джо не сводил с него глаз, словно в его совершенно понятной детской жизни вдруг появился настоящий супергерой. Одетый в униформу военно-морского флота с серебряными пуговицами, кокардой и эполетами, Себ Моррисси выглядел как реальный Герой. Шесть футов и два дюйма роста^[20], широкие плечи, коротко стриженные черные волосы и загорелое, обветренное лицо. Алекс знала, что большинство женского персонала и даже парочка мужчин отделения неотложной помощи непременно впадали в экстаз, когда Себ прилетал с пациентом.

– Извини, Джо, – обратился он своему маленькому почитателю, – тебе хочется узнать о вертолетах?

Ребенок молча кивнул.

– Отлично. Тогда, пожалуй, я расскажу тебе то, что ты сможешь легко понять. Пилот нажимает педали, чтобы развернуть вертолет налево или

направо, почти такие же педали стоят в электромобилях на аттракционах. Потом он приводит в движение ручку управления, так называемую ручку управления циклическим шагом винта, и благодаря этому вертолет может наклоняться вперед, назад или в стороны. Наконец он берется за другую ручку – общего шага – и, действуя ею, осуществляет вертикальный подъем и спуск вертолета, то есть машина может оторваться от земли и подняться вертикально вверх, даже не собираясь поначалу никуда лететь, и точно так же может приземлиться.

Себ активно жестикулировал руками и всем телом, показывая упоминаемые им устройства и действия и давая Джо наглядный урок управления вертолетом.

– Ну как, разве я не говорил тебе, что тут все просто? – спросил он спустя несколько минут, закончив тщательный разбор устройства вертолета.

Мальчик опять молча кивнул, только глаза его округлились еще больше.

– Так вы собираетесь немного полетать? – спросил он.

Теперь ему кивнули все трое слушателей.

Взглянув на Алекс, Морриси отвесил ей театральный поклон.

– Машина вся твоя, док.

Услышав это, Грег Тёрнер едва не задохнулся.

– Вы имеете в виду... Я думал... Разве не вы поведете?

– Нет, сегодня рулит док, – просто ответил Себ.

* * *

Они летели над городом, и Грег пожирал глазами фронтальный вид Термального бассейна современного Британского спа-комплекса, единственного в своем роде, питаемого природными горячими источниками. Первыми на них построили бани еще римляне, и через два тысячелетия люди продолжали наслаждаться их водами. С тысячефутовой высоты инспектор разглядел крошечные фигурки пловцов, нежащихся в горячих струях, и они напомнили ему о грациозной и стройной фигуре Алекс Тейлор.

Внизу проплывала великолепная архитектурная панорама. Истинные шедевры застройки Бата – здание цирка, улица Королевского полумесяца, мост Палтни, – и, глядя на них, старший Тёрнер едва не прослезился.

Внезапно в его грезы ворвался голос Себа:

– Ну как, Грег, готов услышать, как эта молодая особа спасла меня?

Полицейский взглянул на сына, опасаясь того, какие подробности ему предстоит услышать.

Но Моррисси постучал по своим наушникам и добавил:

– Он ничего не услышит, если я не подключу его.

Тёрнер согласно кивнул.

– Так вот, мне повезло – в кавычках – стать одной из случайных жертв первых июльских терактов^[21] в Лондоне, – стал рассказывать Себ. – Я занимался своими делами в свой законный выходной и как раз сел на метрошный поезд на «Кингс-кросс», не думая ни о чем, кроме очаровательной новой подружки, которая осталась спать в моей постели. Тупо сидел и думал, какой же я везучий парень, вспоминая ее роскошную рыжую шевелюру.

– Себ! – прервала его Алекс Тейлор. – Может, не нужно сейчас портить мистеру Тёрнеру впечатление от полета?

– Я слушаю, Себ, продолжай, – сказал Грег, заметив, как порозовела ее правая щека.

– Грохот был жуткий – продолжил Моррисси, – точно истязаемый стальной монстр пытался вырваться на свободу. Поначалу я подумал, что мы столкнулись с другим поездом. А потом мгновенно наступила темнота, и раздались жуткие вопли. Сначала я ничего не почувствовал. Однако стальная балка пригвоздила мне ногу к полу, и я понял, что попал в капкан. В голову продолжали лезть всякие дурацкие мысли типа воспламенившегося топлива, и я вдруг почувствовал запах горячей резины. В общем, подумал я, со мной покончено, особенно когда крики внезапно стихли... Я подумал, что всех остальных уже спасли. И только потом догадался, почему прекратились крики. Полеживая там, в темноте, я думал, что вполне доволен своим положением. Ногу я больше не чувствовал, а страшные мысли отбросил. Не знаю, много ли прошло времени, оно вроде как уже не имело значения. И вот, помню, увидев, как смотрит на меня наш очаровательный доктор, я подумал, что я уже на небесах. Благодаря своему «теловычитанию», она умудрилась пролезть туда, куда никто больше не смог, и нашла меня. Грег, она рисковала жизнью, чтобы спасти меня. Она тогда еще даже не получила диплом врача – просто по случайности ехала в том же поезде и рискнула своей жизнью ради совершенного незнакомого человека.

Румянец на щеке Алекс стал ярче, а Тёрнер осознал, что такая история заслуживает честного отклика.

– Да, Себ, поразительная история, – произнес он. – И позвольте сказать, доктор Тейлор: если на мою долю выпадет то, что выпало Себу, то буду надеяться, что мне тоже повезет и поблизости окажется кто-то, способный, подобно вам, помочь мне.

Его взгляд устремился на окружающие город роскошные холмы, ошеломительный пейзаж с лесистыми склонами и изобильными лугами, среди которых приютился Бат. Это были его любимые родные края, и, сидя в вертолете рядом с этими двумя людьми, Грег вдруг испытал чувство неопишуемого удовлетворения. Этот день запомнится ему надолго.

* * *

Позже, тем вечером, Грег смиренно выдержал исполняемый раз в две недели ритуал поименной переключки всех английских футболистов, чьи постеры заполняли целую стену в спальне Джо. После развода инспектор не особо думал о проблеме обзаведения постоянным жильем, поэтому, сняв один из тех типовых современных домиков, что лепились друг к другу боковыми стенами, позволил Джо украсить гостевую спальню по собственному желанию. На крашеной кремовой стене пестрели постеры разных футбольных команд – Тёрнер-младший пока не выбрал, какой из клубов ему нравится больше других. Однако сегодня вечером футболисты интересовали его значительно меньше. Душой мальчика завладели другие, более впечатляющие, герои.

– Пап, ну скажи, разве мы провели не самый потрясающий день? – спросил он, наверное, уже в сотый раз.

Дневное приключение так поглотило мысли ребенка, что после полета он безостановочно болтал только о вертолетах. Фуражка с кокардой, подаренная ему Себом, лежала на прикроватной тумбочке, хотя он явно предпочел бы спать с ней в обнимку.

– Да, Джо, день получился великолепный. Может, мы еще когда-нибудь повторим его, – пообещал его отец.

– С Алекс и Себом?

– Возможно.

– Она – его подружка?

– Не знаю, Джо. Хотя я так не думаю.

Во время полета этот пилот сидел рядом с Алекс, и они явно были хорошими друзьями, но Грег не заметил ничего более интимного. Закончив

историю своего спасения, Моррис включил связь с наушниками Джо и долго разговаривал с мальчиком, показывая и называя ему здания, над которыми пролетал вертолет.

– По-моему, она встречается с другим парнем, – добавил инспектор.

– Жаль.

– Почему?

– Потому что она могла бы начать встречаться с тобой, и тогда мы летали бы сколько угодно.

– А ты, оказывается, бессовестный малый, Джо Тёрнер... Придется мне приглядывать за тобой.

Когда сын уснул, Грег взял бутылку холодного испанского пива «Сан Мигель», зажег сигарету и выкурил ее, стоя около открытой балконной двери. Он вспоминал свое восхищение во время их полета.

Алекс действовала с потрясающей уверенностью, вызвав у него легкое благоговение, смешанное со страхом. Он побаивался ее несомненных талантов и дарований. Его поразило, как эта женщина, при своей молодости, умудрилась достичь такого мастерства. Она с легкостью управляла вертолетом, справляясь с ним куда лучше, чем он – с обычной машиной, и их полет прошел просто идеально. Этот день Тёрнер-старший запомнит навсегда; как верно говорил Джо, он стал одним из лучших дней в его жизни.

Что начисто не вязалось с его прежним представлением об Алекс Тейлор. Она обладала всеми этими невероятными талантами – и, однако, совсем недавно скормила ему весьма неправдоподобную историю. Грег видел, как она застопорила работу больничного отделения, слышал и понимал беспокойство некоторых коллег, говоривших о ее странном поведении. Он выслушал перечень психических заболеваний, которыми, по мнению Лоры Бест, она страдала. Да к тому же, когда он заваривал чай у нее на кухне, чтобы помочь ей прийти в себя от потрясения смертью Лилиан Армстронг, то заметил на сушилке для посуды три пустые бутылки из-под водки, а пока искал сахар в буфере, увидел пузырек диазепамы. Обе эти находки показали ему, что Тейлор не справляется с трудностями, и тем не менее он позволил ей управлять вертолетом, в котором сидел его сын... Потенциальная алкоголичка и наркоманка? Может, он слегка влюбился, криво усмехнувшись, подумал Грег. Сегодня она вела себя совершенно уверенно, и он искренне надеялся, что ей не грозит нервное расстройство или другие формы психических недугов. Инспектор знал разных выдающихся людей, имевших проблемы с психикой, и их поведение казалось подобным спуску с американских горок, только они неслись по

ним все быстрее и быстрее – и в итоге разбивались.

Тёрнера так и подмывало скорее вновь увидеться с Алекс – разумеется, без сопровождения Джо – и попытаться убедить ее устроить себе нормальный отдых. Может, ей как раз нужно хорошенько отдохнуть... Немного свободного времени для восстановления душевных сил.

Проведенное с ней время заставило его задуматься о своей собственной жизни. Ему тоже не помешало бы кое-что в ней наладить. После развода прошло уже шесть месяцев и еще больше с тех пор, как он последний раз занимался любовью с женщиной. Эпизод с Лорой Грег не учитывал, поскольку тот случай не имел ничего общего с понятием любви. Не пора ли уже начать вновь думать об этой стороне своей жизни? Да и Джо, видимо, не против того, чтобы папа нашел подружку. Алекс Тейлор уже встречалась с каким-то парнем, поэтому Джо придется пересмотреть планы по поиску девушки для отца. И вообще, почти нереально, что Алекс может заинтересоваться Грегом. На ее вкус, он, вероятно, выглядит слишком прозаичным. Чем без толку думать о своей личной жизни, возможно, ему стоит обзавестись хобби. Может, попытаться освоить полеты на вертолете...

Глава 31

Алекс следовало позвонить ему и прямо сказать, что она собирается заехать за своими вещами, а не пытаться тайно проскользнуть за ними через заднюю дверь. Они расстались, но не стали заклятыми врагами, к тому же они уже взрослые люди, а не юные подростки, и Патрик, скорее всего, сочтет ее поведение ребячеством. Но ей просто не хотелось сейчас видеть его. Не хотелось в очередной раз слышать, как он говорит, что готов оказать ей поддержку. Если б ей не понадобилось забрать свой лэптоп, она вообще не пошла бы туда, но ей поручили подготовить презентацию для новой группы штатных врачей, и поэтому пришлось тащиться за этой чертовой техникой.

Дождь лил нещадно, стекал с волос, заливая глаза, и уже начал раздражать Алекс. Ей следовало бы вернуться и пройти через переднюю дверь в кабинет Патрика, откуда тот мог позволить ей пройти в жилую часть дома. Это стоило бы ей всего минуты общения с ним. Вероятно, у него много работы, чтобы разговаривать, и тогда она смогла бы быстро собрать свои вещички и удалиться...

Осторожно вышагивая по грязной дорожке, Алекс сумела дойти до калитки без падений. Проходя по саду, миновала будки и сарай, где Патрик содержал кошек и собак за отдельную плату. Венди, молодая ветеринарная медсестра-практикантка, вышла из дома с цинковым ведром и объемистым мешком собачьего корма.

– Тебе помочь? – спросила ее доктор Тейлор.

– Нет, всё в порядке. Сама справлюсь.

Венди была крепкой на вид женщиной с рельефными мышцами бедер и плеч. Розовощекая, в зеленых сапожках, она смотрелась как настоящая фермерша. Вежливо улыбнувшись Алекс, медсестра удалилась в сарай за будками.

Открыв заднюю дверь, доктор Тейлор увидела силуэт Патрика за матовым окном кабинета. Слышалось тьяканье собаки, и на этот лай накладывался голос ветеринара, громко разговаривающего с ее владельцем.

Алекс проникла в безоконную комнатку, где до пристройки кабинета был выход в сад. Простой бетонный пол и белые окрашенные стены. Там разместились небольшая душевая комната, вешалка для одежды и сумок и большой серый шкаф с медикаментами, запирающийся на ключ. Именно здесь после рабочего дня Патрик снимал свой белый халат и рабочую

одежду и смывал с себя запах животных.

Алекс иногда хотелось, чтобы он стал менее педантичным, больше похожим на своего отца. Удалившийся от дел пожилой ветеринар резко отличался от сына – его куртку вечно покрывала шерсть животных, а в карманах он всегда таскал кусочки каких-то лакомств для своих подопечных.

Алекс позволила себе войти в дом Патрика, полагая, что ее никто не видел. Знакомая обстановка осталась неизменной, и все, как и обычно, было в безупречном порядке. Поблескивал глянец кожаный диван; на письменном столе Патрика стояли компьютер, радиотелефон и плоское блюдо с красиво уложенными красными яблоками. На экране телевизора ни пылинки – как, впрочем, и на всех остальных вещах. Несколько контейнеров с файлами, аккуратно снабженные этикетками, размещались над столом на полках, а рядом с ними находилась фотография Алекса.

Этот снимок сделали прошедшим летом – на ней были белые шорты и лимонный лифчик купальника. Тогда они как раз только что освежились мороженым и сидели на парапете набережной Уэймута. Приехали туда на день и в итоге сняли номер в пансионе, пожелав заняться любовью. Когда выписались всего через несколько часов, владелец окинул их понимающим взглядом, и они потом, возвращаясь к машине, всю дорогу смеялись.

Они провели тогда какой-то волшебный день, и Алекс вернулась домой по уши влюбленной в Патрика. Вскоре их связь укрепилась, и постепенно они привыкли видеться почти каждый день. Алекс уже думала, что проведет с ним всю жизнь...

Сглотнув подступивший к горлу комок, она подавила счастливые воспоминания.

Поднявшись по ступенькам в его спальню, Алекс сразу увидела свой лэптоп на ночном столике со своей стороны кровати. Идеально заправленной кровати со взбитыми подушками. Вытащив из ящиков комода свои носки, нижнее белье, пару футболок и потрепанные джинсы, женщина набила ими сумку. Из хрустальной вазы на комодке забрала пару серебряных сережек-гвоздиков и, с облегчением, свой запасной брелок от домашнего гаража. Она и забыла, что выдала его Патрику, поскольку тот никогда им не пользовался. Обычно он парковался на улице и звонил в домофон, чтобы попасть в здание. Алекс пока так и не заявила о пропаже брелока в полицию и не высказала своего мнения по поводу того, что его стащил тот, кто переехал Лилиан Армстронг. Из ванной она забрала свои немногочисленные туалетные принадлежности. Собранные вещи даже не заполнили сумку, и Алекс взгрустнула, подумав, что после целого года их с

Патриком общения ей так мало пришлось забирать из его дома.

Он оставил у нее еще меньше: два диска и куртку. Надо будет отослать их ему как можно быстрее – Алекс не хотелось больше приходить сюда. Она бросила последний взгляд на верхние комнаты, и ее взгляд, исполненный ощущением потери, задержался на заправленной кровати. Все кончено. Больше она сюда не вернется.

Спускаясь по лестнице, Алекс увидела, что Патрик сидит на нижней ступеньке. Ветеринар нарушил собственные правила, зайдя в белом рабочем халате в жилую часть дома. Он взглянул на нее – глаза синие – и тихо спросил:

– Неужели я действительно все испортил?

– Патрик, давай не будем больше говорить об этом, – почти взмолилась она.

– Я люблю тебя, ты же знаешь, и совершенно не хотел тебя обидеть.

– Так я тебе и поверила!

– Но это правда! – пылко воскликнул Форд. – Ты даже представить не можешь, как я скучаю по тебе.

Он удержал Алекс за руку, когда она попыталась пройти мимо него, и в отчаянье взмолился:

– Не уходи! Мы не будем ни о чем говорить. Просто побудь со мной. Остайся со мной сегодня!

– Я не могу, Патрик, – она грустно покачала головой. – Не могу оставаться с человеком, который не верит мне. И не могу больше верить тебе.

– С тех пор как мы вместе, я ни разу не взглянул на другую женщину!

– Я говорю о другом аспекте доверия.

– Ты подразумеваешь доверие того рода, когда можно говорить друг с другом обо всем?

– Верно.

– И сознавать, что ты будешь в безопасности, откровенно говоря с тем человеком?

– Да.

– Но, видимо, ты и так не вполне доверялась мне.

– Что ты имеешь в виду? – смущенно спросила Алекс.

– Ты ничего не говорила о том, что случилось в прошлом году. Почему же, Алекс, ты не рассказала мне этого? Неужели ты думала, что я не смогу понять тебя – или что не захочу продолжать общаться с тобой?

– Кто... кто рассказал тебе? – Губы Алекс задрожали, но ей удалось с трудом произнести эти несколько слов.

– Фиона. Она так переживала за тебя! Они все переживают. Даже Памела. Она говорит, что ты жутко нервничала в день ее свадьбы. Они все очень волнуются и не понимают, как помочь тебе.

Собравшись с духом, она умудрилась продолжить путь к кабинету Патрика. Точно слепая, машинально переставляя ноги, добралась до задней двери его дома.

– Алекс, позволь мне помочь тебе, – не отставал Патрик. – Давай разберемся во всем вместе.

Она остановилась около двери, осознав, что он стоит всего в шаге от нее.

– Спасибо, что позволил мне забрать мои вещи. А сейчас мне пора возвращаться на работу.

– Алекс, не уходи. Тебе не стоит работать в таком состоянии. Мы найдем врача, способного помочь тебе. Кэролайн предпочла бы, чтобы ты подлечилась, получив профессиональную помощь...

«Боже милостивый!» – подумала Алекс. С кем же еще он делился своими мыслями? Сколько еще людей теперь пытаются оценить ее психическое состояние? Она жутко разозлилась и поняла, что должна немедленно уйти, пока опять не сорвалась, еще больше дискредитировав себя.

– Я опаздываю, – произнесла она лишенным выражения голосом, – не провожай меня.

Патрик сделал последнюю попытку:

– Я буду готов помочь в любой момент, когда бы тебе ни понадобилась моя помощь. Пожалуйста, Алекс, помни об этом.

Спеша добраться до своей машины, она чуть ли не бегом промчалась обратно по грязной дорожке и трясущимися руками попыталась открыть дверцу со стороны водителя. Чтобы не загромождать путь машинам клиентов Патрика, Алекс припарковалась почти вплотную к живой изгороди и теперь, прижимаясь к ней спиной, промокла насквозь.

Наконец, в промокнутой одежде, она плюхнулась на водительское место и, не включая двигатель, попыталась оценить обстановку. С ее волос опять капала вода, а дождевые струи барабанили по ветровому стеклу, лишая ее возможности видеть окружающий мир, что, возможно, было только к лучшему. Никто не слышал ее душераздирающих криков и не видел слез на ее лице, смешавшихся с каплями дождя.

Все они обсуждали ее, все думали, что она сошла с ума, и Алекс больше не могла выносить этого.

Глава 32

Совещание оказалось провальным от начала и до конца. Грегу так и хотелось свернуть шею парочке своих коллег. Некоторые явились с опозданием, другие вообще не удосужились появиться, а те, кто пришел вовремя, не могли предложить ничего полезного. Все они беспокойно ерзали на своих стульях, ожидая разрешения разойтись. Но Тёрнер пока не мог выдать его.

– Итак, подытожим: Лилиан Армстронг умерла почти неделю назад, а мы еще не сумели выяснить, как она провела последние часы своей жизни, – сказал он. – Не сумели найти ни одного свидетеля. Не выяснили имени хотя бы одного из ее клиентов. И еще не смогли определить, какая машина стала причиной ее смерти.

В ответ сотрудники лишь вяло покачивали головами и пожимали плечами, и взбешенный Грег, неспособный больше терпеть это сонное равнодушие, встал и треснул кулаком по столу.

– Женщина мертва! Ей было всего тридцать четыре года! Не пора ли опомниться и осознать этот факт? Кто-то переехал ее и оставил умирать! Пошевелите наконец задницами и выясните хоть что-нибудь! Надо действовать с максимальной активностью! Поговорите опять с ее родственниками. С ее знакомыми. Разузнайте имена постоянных клиентов. Поговорите с их соседями. На ней были кожаные сапоги, красная мини-юбка, едва прикрывавшая задницу, ее сиськи буквально вываливались из выреза блузки. Кто-то должен был заметить ее. Черт побери, такую колоритную особу не назовешь незаметной серой мышкой!

Две дюжины полицейских в комнате удивленно подняли головы. Сэндвичи и булочки, стаканы с кофе и баночные напитки застыли, не донесенные до ртов. Подчиненные редко видели старшего следователя в такой ярости.

Грег действительно редко ругал своих сотрудников – в общем-то, часто и не требовалось, – но с начала этого расследования прошло уже шесть дней, и у него возникло отвратительное ощущение, что они работают спустя рукава, просто полагая, что смерть какой-то проститутки не заслуживает того, чтобы они трудились в полную силу.

В комнату проскользнул Питер Спенсер, который тихо направился к свободному стулу.

– Что это вы так припозднились? – сурово спросил его Тёрнер. – Мы

как раз уже закончили совещание, и если у вас нет какого-то реального предложения, то ваше присутствие здесь не имеет смысла.

Спенсер постучал пальцем по плотному конверту. Он был не из тех служаков, что любят морочить головы и стремятся выслужиться любой ценой.

– Ее переехали не в том гараже, где обнаружили. И попала она туда уже после наезда, – сообщил он.

– Это нам известно, Питер, – перебил криминалиста Грег. – Но как именно она туда попала... Дошла, доползла или ее там выбросили?

– Трудно сказать. Судя по тому, что мы нашли – или, вернее, чего не нашли, – мы имеем противоречивые данные, – ответил Спенсер.

Полицейские уже насторожились и сидели в напряженных позах. Всем им хотелось понять, к чему клонит их начальник.

– Дело вот в чем: нам известно, что машины с обеих сторон от места ее обнаружения простояли там целый день, – продолжил рассказывать Питер. – С левой стороны на ее куртке остались четкие следы протектора. Однако рядом нет никаких отпечатков – ни направленных к ней, ни удалявшихся от нее. Эти отпечатки есть только на ее груди, словно их там нарисовали. Во-вторых: следов крови вокруг также не обнаружено. Рана на ее руке сильно кровоточила, поэтому, если б ее тащили туда, остался бы кровавый след; однако кровь обнаружена только около ее тела, и поскольку вокруг нет никаких следов шин, мы приходим к заключению, что ее сбили в другом месте, а потом выбросили на том парковочном месте.

– А что, если ее привезли на мотоцикле? – внимательно выслушав Спенсера, спросил Тёрнер. – В тот гараж, я имею в виду.

– Но, Грег, куда же тогда подевались следы протекторов? Как я и говорил, ни к ней, ни от нее – никаких следов. Ее не могли сбить прямо в том гараже.

– Надо проверить следы протекторов машины Алекс Тейлор, не совпадут ли они с найденными отпечатками, – вдруг предложила Лора Бест, сидевшая в конце длинного стола.

У Грега перехватило дыхание.

– Вы полагаете, что это она переехала Лилиан Армстронг? – заставил он себя спросить.

– Может, и так, шеф. – Констебль с невинным видом пожала плечами. – Могла же она перевезти ее в то место после наезда, чтобы запутать нас... Ее машина в тот день как раз побывала в мойке, как мы заметили. Она могла переехать эту женщину, осознала, что остались улики, и вымыла машину.

– Тут понадобились бы стальные нервы, – сухо заметил Тёрнер.

– Она же знает, что остались кровавые улики, – упорно гнула свою линию Лора, – и, как врачу, ей, вероятно, известно о судебной медицине больше нашего. И вообще, почему бы просто не проверить, совпадают ли отпечатки шин ее «Мини» с теми, что обнаружены на куртке Лилиан Армстронг?

– Вес Лилиан Армстронг – почти восемьдесят килограммов, – произнес Грег тоном, в который умудрился вложить и удивление, и скептицизм, – а доктор Тейлор не тянет на Супервумен из комиксов. Вы надеетесь, что мы поверим, будто она переехала эту женщину, потом подняла ее и притащила на свое собственное парковочное место? А что потом? Укатила, чтобы помыть машину?

– Да, – самоуверенно заявила Лора. – Врачам и медсестрам известно, как можно легко перетащить тело. Они постоянно перетаскивают пациентов, используя простыни.

– Но как быть с риском того, что за это время жертву могут обнаружить? – спросил Тёрнер, поднявшись из-за стола и собираясь с мыслями. – Если только вы не предполагаете, что жертва была спрятана в багажнике, пока доктору Тейлор мыли машину. Правда, в таком случае эта женщина могла умереть. Она умерла бы еще до приезда «Скорой», и тогда на стену не попало бы никаких кровавых брызг.

– Я лишь говорю, что Тейлор могла сделать это. Переехать. Завернуть. Перетащить. И убрать защитное покрытие. Жертва потом теряет много крови и умирает. И у Тейлор остается два выбора. Либо оставить труп и быстро съездить вымыть машину, либо забрать его с собой. Но я ставлю на то, что она оставила труп. Может, даже хотела, чтобы его обнаружили в ее отсутствие, словно она тут и ни при чем. Но, как оказалось после ее возвращения, жертва по-прежнему лежала необнаруженной, поэтому доктору пришлось разыграть маленький спектакль.

– Но как же быть с временем смерти? – вставил Питер Спенсер. – Согласно парамедикам из прибывшей «неотложки», женщина умерла перед самым их приездом.

– Только потому, что так им сказала доктор Тейлор! – запальчиво воскликнула Бест. – Она же врач. И они с готовностью признали заявленное ею время смерти.

– Но, как вы сами говорили, доктор Тейлор вся испачкалась в крови. В таком виде она не могла остаться незамеченной! – возразил Грег.

– Не обязательно. Сейчас к четырем уже темнеет. Во многих мойках теперь есть возможность самообслуживания. Достаточно опустить окно,

бросить деньги в щель автомата и проехать. Ни у кого не было необходимости видеть ее. Если б, вернувшись, она увидела «неотложку», то опять уехала бы, но в реальности она возвращается до «неотложки» и видит, что оставленная ею женщина не умерла и она еще может разыграть свой маленький спектакль, вызвав помощь.

Речь Лоры звучала поистине впечатляюще, и Тёрнер осознал, что не в силах сразу опровергнуть выдвигаемые ею доводы.

– И зачем же сообщать нам о следах протектора на груди женщины? – задал он новый вопрос. – Это нелогично.

– У нее не было выбора. Она же понимала, что мы обнаружим их. Такая версия гораздо более правдоподобна, чем любая из ее историй, – ответила Бест. – К примеру, похищение...

– Что-то я запутался, – вмешался Питер Спенсер. – С чего ты, во-первых, решила, что эта Тейлор имела к наезду какое-то отношение?

– У констебля Бест есть версия, допускающая, что доктор Тейлор страдает одной из форм болезни Мюнхгаузена. Сочиняет сценарии, чтобы привлечь внимание, – объяснил старший следователь.

– Да, она уже пыталась, – резко заметила Лора. – Еще раньше, в октябре, когда я впервые познакомилась с доктором Тейлор. Она заявила, что ее похитили, поместили в какую-то операционную, угрожали некой операцией или изнасилованием, но потом коллеги чудесным образом обнаружили ее на больничной парковке и доставили в отделение неотложной помощи. Целой и невредимой, не считая легкой шишки на голове. Без следов изнасилования или хирургического вмешательства. Мы, мягко выражаясь, скептически отнеслись к ее истории. А еще, спустя пару недель, Грега вызвали в эту больницу, поскольку Тейлор заявила, что пациентку, умершую у нее на операционном столе, кто-то убил.

– И кого же убили? – спросил Питер.

– Ту самую пропавшую медсестру, Эми Эббот, – ответил Тёрнер. – Ее доставила бригада «Скорой» с кровотечением, и вскоре после этого Эббот умерла. По мнению судмедэксперта, она сама пыталась сделать себе аборт.

– Как интересно! – оживилась Бест. – Мы еще не знаем, где так долго пропадала Эми Эббот. Похоже, никому не известно, где она находилась. Она провела в изоляции пять дней, с ее счета ничего не снимали, и никто ее не видел... Где же она могла быть, Грег? Где могла сделать аборт? Может, доктор Тейлор знает?

– Когда пропала Эми Эббот, доктор Тейлор, как вы сами проверили и убедились, отдыхала на Барбадосе. Возможно, мы так и не узнаем, где Эббот провела дни, приведшие к ее смерти. Зато мы точно знаем, что

доктор Тейлор не могла иметь к ней никакого отношения, поскольку находилась за четыре тысячи миль от Бата. И, кстати, Лора, – резко прибавил Грег, – на тот случай, если вы еще не поняли: мы не расследуем смерть Эми Эббот.

– А по-моему, доктор Тейлор ездила в Бристоль за покупками и, вернувшись, обнаружила раненую Лилиан Армстронг, – тихо высказался полицейский, сидевший рядом с Бест.

– Так она заявила, – хмыкнув, отозвалась Лора. – Мы же не проверяли ее передвижения, чтобы подтвердить алиби. Да, она говорит, что ездила в Бристоль, но откуда нам знать, была ли она там?

– Полагаю, она могла и прилететь обратно, – насмешливо предположил ее сосед.

Лора Бест глянула на него, и второй раз за полчаса сотрудников поразила нехарактерная перемена в поведении их коллег. Только на этот раз их удивил не старший следователь, а обычно сдержанная Лора Бест.

– Не исключено, – сердито буркнула констебль. – Она умеет, черт ее побери, еще и на вертолетах летать!

Удивляясь, откуда она узнала об этом, Грег мельком глянул на Лору, чтобы проверить, не смотрит ли та на него. Но все ее возмущение сосредоточилось на соседке, а Тёрнер остался в тени.

Он не сделал ничего предосудительного, проведя с Алекс тот день – она же была, в конце концов, только свидетелем, – но это не удержало бы Лору от попытки навлечь на него неприятности. В любом ее упоминании об Алекс чувствовалась почти патологическая зависть, и инспектор понял, что ему надо действовать осторожнее. Он не мог запретить Бест преследовать доктора Тейлор, но не собирался помогать ее поискам, сообщив об этой их прогулке.

Последние указания Грег выдал Питеру Спенсеру:

– Давай-ка разберись как можно быстрее со следами этих шин. Узнав, какая машина их оставила, мы сможем действовать дальше.

– А как быть с Тейлор? – спросила Лора.

Устремив на нее спокойный взгляд, Тёрнер твердо произнес:

– Мы не будем беспокоить доктора Тейлор, пока не обнаружим для этого основательные причины.

Глава 33

Ричард Сиккерт удивился внеплановому приходу Алекс, но, заметив ее измученное страданием лицо, с радушным оживлением пригласил гостью в дом.

Из его гостиной доктор Тейлор позвонила в отделение и сообщила Кэролайн, что плохо себя чувствовала и не смогла подготовить материалы. Коуэн, похоже, ждала этого звонка и сказала, что Алекс не стоит переживать по этому поводу – ее учебное занятие можно перенести на другое время. Врачи-стажеры пока поднаберутся опыта в отделении. Сейчас важнее, чтобы она поправилась.

– Отдыхай спокойно, Алекс. Тебе необходимо восстановить силы. Патрик очень беспокоится о тебе.

Озабоченный голос Кэролайн подтвердил, что Форд связался с ее боссом, как только она покинула его дом. Несомненно, он аргументировал свою навязчивость исключительно заботой о ее благополучии. Но Патрик лишь ухудшал ее положение, разговаривая с близкими ей людьми типа Фионы или Памелы. Даже если бы ей самой захотелось поговорить с ними о своих проблемах, Патрик уже сделал это невозможным. Теперь они будут думать так же, как он. А она нуждалась в объективной помощи. В реальной помощи.

Чай с мятой помог ей снять напряжение, и постепенно Алекс начала успокаиваться.

– Спасибо, что не прогнали меня, – сказала она Ричарду Сиккерту. – Извините за это внеплановое утреннее вторжение.

Сегодня Сиккерт встретил ее в полосатом джемпере расцветки французского флага и джинсах, а к его коричневым с черной отделкой ботинкам прилипли травинки. На письменном столе перед ним лежали раскрытые документы, а рядом стояла полная кружка чая, и Алекс догадалась, что до ее прихода он работал или собирался чем-то заняться.

– Я уйду, как только допью чай, – пообещала она.

– Нет никакой спешки. У меня самого сегодня какое-то смутное настроение. Слишком сыро для уличных занятий, а бумажная работа... в общем, вероятно, завтра нас опять ждет дождь.

– Я просто не могла придумать, к кому еще пойти. Если я буду продолжать постоянно появляться в доме Мэгги Филдинг, то быстро осточертею ей.

– Уверен, что вы не правы, – улыбнулся Ричард. – Она не произвела бы на меня впечатление доброй самаритянки, даже если б захотела. Дружеские отношения очень важны, и если такое предложение исходит от доктора Филдинг, то вы можете, не сомневаясь, принять его.

– Она не поверила в то, что со мной случилось.

– Неужели она так и сказала?

– Увы, да, – Алекс кивнула, – она сказала, что это совершенно невозможно.

– Это, должно быть, весьма огорчительно.

Доктор Тейлор промолчала.

– А вы не спросили, что еще она думает? – поинтересовался психолог.

– Я как раз и пришла к вам, поскольку, по ее мнению, это может быть связано с проявлениями посттравматического расстройства. Нечто, связанное с моим прошлым или с какой-то моей стрессовой работой.

– Примерно то же самое она говорила и мне, – слегка кивнув, подтвердил Сиккерт. – Однако важно только то, что думаете вы сами. Могло ли что-нибудь сильно расстроить вас в дни, предшествовавшие тому происшествию?

– Тем утром мне не удалось спасти ребенка, – Алекс устало вздохнула, – трехмесячную девочку. Это было ужасно. Младенца доставили уже синим. Ее родители кричали на всех и каждого, требуя оживить дочь, но та оставалась бездыханной. Прежде всего бригаде «Скорой помощи» вообще не следовало привозить ее. Они подозревали синдром внезапной детской смерти, и это подтвердили результаты посмертного вскрытия. Но раз уж ее привезли к нам в больницу, родители надеялись, что мы каким-то чудом оживим ее, вернем к жизни. А ее крошечные пальчики уже окоченели, – Алекс опять тяжело вздохнула, – поэтому, естественно, тому вечернему происшествию предшествовала на редкость стрессовая утренняя ситуация.

– А бывали у вас еще какие-то стрессовые случаи? Какие-то напряжения, способные спровоцировать начало нервного срыва?

Тейлор промолчала, не желая делиться с психоаналитиком удручающей историей прошлого года. Если она расскажет ему об этом, он мгновенно подумает о связи этих двух происшествий и о том, что нынешний похититель – всего лишь плод ее воображения. С другой стороны, она не могла продолжать избегать этой проблемы. Она должна предоставить врачу полную информацию, если такая откровенность поможет.

– В прошлом году на меня напали, – сказала Алекс.

– Это все, что вы хотите рассказать мне? – Манеры Ричарда не изменились, он продолжал все так же спокойно взирать на нее.

По щекам ее заструились слезы, и она до боли закусилла нижнюю губу, пытаясь сохранить остатки самообладания. Сделав несколько глубоких вдохов, вновь обрела способность говорить.

– Он не изнасиловал меня. Просто для вашего сведения. Он не изнасиловал меня.

Ричард Сиккерт кивнул, и Алекс продолжила:

– Он был актером, приставленным ко мне на несколько дней для изучения рабочей жизни врача. Ему предстояло сыграть главную роль в медицинском триллере. Моя заведующая приставила его ко мне отчасти потому, что сама была слишком занята, а отчасти из-за того, что он выразил желание поработать со мной. Вполне приятный человек. Обаятельный и неглупый мужчина, очень вежливо говорил как с пациентами, так и со мной. Он провел рядом пять дней, и у меня не возникало с ним ни малейших осложнений. Если уж говорить начистоту, то я даже получала удовольствие, общаясь с ним.

– Он вам понравился? – тихо спросил Сиккерт.

– Немножко, полагаю, – Алекс слегка кивнула. – Нам нечасто приходится сталкиваться с телезвездами. А он казался знакомым с самого начала, – мы же все видели его по телевизору, – но вел себя скромно и, казалось, искренне заинтересовался изучением нашей профессии. Одолжил у меня кучу медицинских книг. Заставлял объяснять всякие медицинские термины до тех пор, пока полностью не овладевал ими. Видимо, столь серьезное отношение восхитило меня. Он не собирался просто нахвататься всего понемногу, и дело с концом. Ему хотелось достоверно сыграть свою роль в фильме. В любом случае, как я сказала, это случилось на пятый день. Жаркий день. Тогда нам повезло – стояло прекрасное позднее лето. В отделении было как в пекле, вентиляторы работали на полную мощность, люди графинами лакали воду и отчаянно рвались домой, где могли бы поваляться в тенистых садиках. Мы с ним находились в главной операционной палате. Он хотел, чтобы я показала ему используемое нами оборудование и те костюмы, что мы надеваем для серьезных операций. Пока я пыталась натянуть один из костюмов, он стоял спиной ко мне. Обычно, обучая стажеров, я натягивала тунику и брюки поверх нижнего белья, но в палате стояла невыносимая жара, и я побоялась, что хлопнусь в обморок от перегрева, если не разденусь.

– А он так и стоял отвернувшись?

– Да, – тихо ответила Алекс, – и я тоже стояла спиной к нему, что

отчасти давало мне ощущение уединения. Слегка закрепив костюм на бедрах, наклонилась, чтобы натянуть специальные бахилы, когда он внезапно обхватил меня сзади. Я потеряла равновесие, и, пока стояла в таком согнутом состоянии, комбинезон соскользнул вниз к лодыжкам.

Вспомнив этот момент, Алекс зажмурила глаза, и ее сердце заколотилось.

– Он запустил пальцы мне в трусы, его рука проникла под мой бюстгальтер, и сам он прижался ко мне. Я попыталась оттолкнуть его, но он навалился на меня всем своим весом. – Алекс судорожно сглотнула, чувствуя, как ее начинает бить дрожь. – Вот черт, мне не хочется думать об этом, не хочется вспоминать, как его руки шарили по всему моему телу... Я почувствовала, что он пытается расстегнуть свои брюки. Меня охватил ужас. Потом он коснулся меня... Я ощущала, как он прижимается к моей коже. Начал стаскивать с меня трусы. Я силилась вырваться, раскачиваясь в разные стороны, а потом упала на колени. Моя голова уперлась в нижние полки, и я представила всю смехотворность ситуации, осознав, что созерцаю медицинскую аппаратуру, а он оседлал меня. Почувствовав его поползновения... я поняла, чем это может кончиться... И мне...

Алекс судорожно вздохнула и, открыв глаза, попыталась отбросить вновь возникшее ощущение опасности. Ричард Сиккерт подался вперед на своем кресле, словно намереваясь утешить ее. Она предупреждающе подняла руку.

– Со мной всё в порядке. Просто нужно перевести дух.

– Хотите стакан воды? – спросил врач.

– Все нормально, – Алекс покачала головой.

– Вы хотите продолжить?

– Да. Осталось совсем немного. Мне удалось схватить какой-то ботинок, и я начала наугад колотить его по ногам. Должно быть, я больно ударила его, поскольку он вдруг отстранился, и я смогла развернуться. Он стоял согнувшись, со спущенными брюками и обнаженным пенисом. Я начала орать на него, заявила, что обо всем доложу. Что ему это не сойдет с рук. А он... он расхохотался. Нагло заявил, что никто мне не поверит. Что всем известно, зачем я привела его в эту палату. Мол, все знали, что я без ума от него. Он сказал: «Давай начистоту, Алекс, ты же страстно жаждала этого всю эту неделю. Неужели ты думаешь, что они тебе поверят?»

В третий раз за этот сеанс по лицу доктора Тейлор потекли слезы.

Ричард протянул ей несколько салфеток, и она вспомнила тот раз, когда так поступил Грег Тёрнер. Последнее время ее жизнь вращается вокруг людей, подающих ей салфетки.

Психоаналитик вышел приготовить чай, пока она успокаивалась, а когда он вернулся, то спокойно сел рядом с ней и после долгого молчания спросил:

– Вы сообщили в полицию?

– Не смогла, – Алекс мотнула головой. – Я испугалась, что мне не поверят. Вы думаете, что недавнее похищение происходило лишь в моем воображении?

– Такое возможно, – мягко заметил психоаналитик, поведя плечами. – Возможно, таким образом вы пытаетесь избавиться от того, что произошло в прошлом году. Я не могу сказать наверняка, на самом ли деле случилось то нападение на парковке. Однако уверен, что вам необходимо разобраться с прошлогодней историей. Мужчина едва не изнасиловал вас, а вы подавили эти переживания, опасаясь, что вам не поверят...

Сиккерт помедлил, и Алекс заметила неуверенность в его взгляде.

– По-моему, вам все-таки следует сообщить об этом в полицию, – заключил он наконец.

* * *

Ее веки болели, опухнув от соленых слез, но лицу уже стало легче. Мэгги дала ей охлажденную влажную фланельку для смягчения боли, и Алекс приложила ее к нежной коже воспаленных век. Сделав большой глоток вина, начала успокаиваться. Полностью лишившись сил, она испытывала странный покой.

– Так я оказалась права? Ты пережила в прошлом серьезную травму? – проник в ее сознание мягкий голос Филдинг.

– Теперь ты знаешь все, – ее гостья кивнула.

– Алекс, но Ричард Сиккерт прав. Тебе нужно сообщить об этом в полицию.

Доктор Тейлор прижала колени к груди, пытаясь свернуться в клубок и выбросить из головы совет подруги.

– Мэгги, они же не поверят мне! – раздраженно воскликнула она. – Разве что мне удастся заставить его признаться.

– Тогда давай так и сделаем.

– Что сделаем? – озадаченно взглянув на собеседницу, спросила Алекс.

– Заставим его признаться. Я помогу тебе, – решительно заявила Филдинг. – Мы сумеем справиться с этим человеком, Алекс, и тогда весь

твой кошмар закончится.

* * *

Лора Бест закончила разговор и с довольной улыбкой отложила мобильник. Хорошее начало дня. Она выбрала верный подход, для начала проявив сочувствие, и теперь ей оставалось лишь пожинать выигранные плоды. Уже назначено место и время встречи, и сегодня днем она узнает, что же произошло с доктором Тейлор в прошлом году.

Убежденная, что прошлогоднее дельце выставит доктора в плохом свете, констебль заранее планировала, как воспользуется полученными сведениями. Уже к вечеру, как она надеялась, машину Тейлор конфискуют, а ее саму доставят в участок для допроса.

Потом Грегу Тёрнеру придется принести извинения за то, что он не поддержал ее поисков, и надо надеяться, что эти извинения он принесет ей официально перед вышестоящим начальством.

А пока Бест намеревалась проверить системы видеонаблюдения бензозаправок с мойкой машин, и выяснить, какой из них пользовалась Алекс Тейлор. Она проедет по дороге из Бата до бристольского торгового центра, где, по словам Тейлор, та делала покупки, причем Лора надеялась узнать не только саму заправку, но и время мойки там машины.

До Рождества оставалось всего три торговых дня, и констебль, воспользовавшись выгодами этого побочного расследования, сможет прикупить хоть какие-то подарочки для родственников и друзей. Проведя день в запланированной поездке, она могла, как говорится, убить одним ударом двух зайцев.

– Задумалась, кого еще затащить в свою кровать? – с горечью прошипел Деннис Морган ей на ухо.

Оглянувшись, Бест заметила в его взгляде укоризну.

– Привет, Деннис. Я как раз думала о тебе, – любезно солгала Лора.

Она поняла, что его не впечатлила лестная ложь, и он, презрительно глянув на нее, направился к своему столу.

– Может, ей стоило попытаться быть честной?

– Деннис! – окликнула она, и ее коллега обернулся. – Я ничего не могу с собой поделатъ. Как только я чувствую, что сближаюсь с мужчиной, у меня невольно появляется потребность обидеть его. Чтобы меня не обидели первой.

Спина Моргана стала менее напряженной, и он развел руками.

– Я вовсе не собирался обижать тебя. Мне давно уже никто так не нравился, как ты. Видишь ли, Лора, я не сплю с кем попало. У меня никогда не было такой потребности.

– Я знаю, Деннис, – тихо сказала Бест.

Настроение ее приятеля смягчилось.

– Ты думаешь, мы могли бы встречаться? Может, устроим настоящее свидание, сходим в кино или еще куда-нибудь? – спросил он.

– С удовольствием, – кивнув, Лора улыбнулась ему. – Ты можешь отказаться, и я пойму, если у тебя другие дела, но не хотел бы ты поехать со мной проверить несколько автомоек? А потом, к вечеру, мы могли бы, допустим, поужинать вместе...

– Не смогу, Лора. Инспектор Тёрнер послал меня в больницу.

При упоминании больницы Бест напряженно выпрямилась и насторожилась.

– Почему? – прямо спросила она.

– Все остальные в разгоне, – Деннис пожал плечами.

– Я имела в виду, – пытаюсь скрыть досаду, добавила констебль, – зачем тебя послали в больницу?

– Ну, в общем, дело-то не ахти какое важное, – Морган усмехнулся. – Просто надо взять показания у одного врача, связанного с ДТП. Можешь поехать со мной, если хочешь.

Лору не пришлось уговаривать.

Глава 34

Пройдя по отделению, Алекс глянула на часы и извинилась перед координатором за опоздание. Это не входило в ее планы. Она решила, что больше не будет думать о своих жизненных «потерях», и впервые за долгое время проснулась утром с целью вновь стать хозяйкой собственной жизни. Но в итоге опоздала на двадцать минут без уважительной причины, не считая еще того, что ночью опять приняла голубую таблетку. А следовало бы удержаться и просто выйти на работу усталой, но решительной и твердо усвоившей, что она больше не одна. У нее есть поддержка Мэгги, и вместе они отыщут этого актера и заставят его ответить за подлость. Но пока необходимо сосредоточиться на повседневных делах и попросту хорошо делать свою работу...

– Ну, наконец явилась, – прямо бухнул Натан, увидев, как она вошла в кабинет.

– Да, извини, я отработаю... Что у нас?

– Сложности, – сказал Белл. – Трое идут на прорыв, если мы их не примем или не выпишем.

Под «прорывом» в отделениях неотложной помощи обычно подразумевалась особая ситуация. Она означала, что поступивших пациентов надо обработать не более чем за четыре часа, то есть осмотреть каждого, а затем принять или выписать.

– И как раз только что привезли доктора Коуэн.

– С чем? – встревоженно спросила Алекс.

– Хлыстовая травма. Ее мы осмотрим первой.

– Не думаешь ли ты, что нам стоит разделиться? Раз уж так много работы, то тебе не обязательно отслеживать меня. Я пойду к Кэролайн, а ты пока начнешь разбираться с другими. Так будет быстрее.

Белл явно сомневался, и его коллега вскинула подбородок.

– Это же логично, Натан; к тому же я отлично способна диагностировать преимущество третьего пациента. В конце концов, разве доктор Коуэн позволит мне поставить неверный диагноз?

Сидя с раздвинутыми ногами на смотровой каталке, Кэролайн натянула покрывало до подбородка и выглядела необычайно уязвимой. Ее округлое бледное лицо, казалось, лишилось признаков жизни.

Мучительно больно было видеть начальницу в таком серьезном состоянии. От удара о рулевое колесо у нее на лбу вскочила шишка, а

шейный отдел позвоночника пострадал от хлыстовой травмы. В ее теперешнем положении никто не узнал бы в ней врача-консультанта, управляющего работой крайне сложного отделения.

Полицейские дожидались возможности побеседовать с ней, но Алекс настояла на том, что сначала необходимо проверить, в каком состоянии находится больная. Пока она выяснила только, что травма получена в результате того, что в ее автомобиль на низкой скорости врезалась сзади другая машина. Автомобиль Коуэн стоял, ожидая возможности выезда на главную дорогу. Она не потеряла сознания, но получила шок от удара, и именно страх того, что еще могло случиться, резко изменил ее облик. Если б задняя машина ударила посильнее, «Ниссан» Кэролайн попал бы прямо под колеса проходившего мимо многотонного грузовика...

Тщательно обследовав подругу, Алекс подтвердила отсутствие спинномозговой травмы.

Завершая обследование, она сунула в карман свою ручку с фонариком, а затем щелкнула настенным переключателем, и в палате вновь загорелся верхний свет. Проверив состояние Кэролайн по шкале Глазго и оценив зрачковую реакцию, доктор Тейлор осталась довольна результатами. Пристроившись на край матраса, она мягко погладила тыльную сторону руки Коуэн.

– Кажется, все более или менее нормально. Я поищу болеутоляющее и заварю тебе чай. Ты согласна поговорить с полицейскими?

Кэролайн попыталась кивнуть и, поморщившись, осторожно положила голову на подушку.

– Алекс, но я ничего не видела. Все произошло так быстро... За мной вроде бы никого не было. Я как раз посмотрела по сторонам, готовясь выехать, когда вдруг услышала звук удара и почувствовала, как моя машина резко вылетела вперед. Меня бросило на руль, я стукнулась головой, а когда глянула в зеркало, за моей спиной не было никакой машины. Дорога за мной оказалась совершенно пуста. Водитель, едва не убивший меня, спокойно укатил.

– Невероятно, что кто-то мог так просто уехать!

Пациентка сморгнула набежавшие на глаза слезы.

– Да, кошмар! – воскликнула она, вытирая слезы краешком простыни. – Господи, в последнее время нас, похоже, преследуют сплошные несчастья... Сначала ты оказалась на этой каталке, теперь я... Кто же следующий?

Алекс невольно напряглась, мысленно выстраивая в уме возможные варианты. Мог ли их обеих преследовать один и тот же человек? Или он

взялся за Коуэн из-за нее? Не начал ли он вредить ее знакомым?

– Кэролайн, неужели ты думаешь, что эта авария как-то связана со мной? – спросила Алекс.

– О чем ты? – резко отозвалась ее начальница, в недоумении сверкнув глазами. – Безусловно, не связана! – воскликнула она и устало заключила: – Принесет мне кто-нибудь болеутоляющее?

– Но ведь...

– Я не могу говорить при такой боли, – решительно перебила ее Кэролайн, и взгляд ее стал отстраненным. – Не могу говорить с *тобой*, Алекс.

Полчаса спустя доктор Тейлор увидела, как из отделенного ширмой отсека вышли Лора Бест и какой-то незнакомый полицейский констебль. Встав из-за стола, она направилась к боксу Коуэн.

– Оставьте ее в покое, доктор Тейлор, – сказала Бест, шагнув в сторону Алекса. – Она хочет отдохнуть до приезда за ней мужа.

– Простите, не поняла?

– Она пожелала, чтобы ее не тревожили, – твердо заявила Лора.

Щеки Алекса вспыхнули, и она возмущенно воззрилась на преградившую ей дорогу сотрудницу полиции.

– Разрешите пройти! Доктор Коуэн – моя пациентка. И мне необходимо осмотреть ее перед выпиской.

– Ее уже выписал доктор Белл, – терпеливо пояснила Лора Бест.

Алекс пристально посмотрела через оконное стекло в приемный кабинет. Натан сидел там, изучая рентгеновский снимок. Ей хотелось зайти и спросить, что произошло, но он весь день казался на редкость отстраненным, неприветливым. Она уже сильно пожалела, что пыталась пригласить его поразвлечься. Белл опять стал общаться с ней просто как с коллегой... хуже того, с надоедливой коллегой. А ей не хватало его дружбы.

Возвращаясь на свое место, чтобы продолжить изучение больничных записей, она чувствовала, что Бест провожает ее взглядом. И этот взгляд выражал предельно ясные слова: «Держись от нее подальше. Она не хочет видеть тебя».

* * *

Закончив телефонный разговор, Лора с облегчением вздохнула. Ее взбешенного собеседника не порадовала необходимость нового ожидания,

и констеблю пришлось пообещать, что она не опоздает и уж точно не пропустит переназначенной на вечер встречи. В кильватере разговора с доктором Коуэн Лора забыла об этой встрече. Остаток дня они с Деннисом провели, пытаясь найти водителя, стукнувшего багажник машины Кэролайн, но ей очень не хотелось пропустить и вторую встречу. Эта встреча могла быть важной, особенно теперь, когда Алекс Тейлор начала проявлять назойливое беспокойство.

Ее утреннее поведение лишь подтвердило версию Лоры о психическом расстройстве. Вызывало озабоченность и то, что ей по-прежнему разрешают лечить людей. Но Бест полагала, что скоро все изменится. Выйдя на скользкую дорожку, очень легко поскользнуться и упасть.

Лора пообещала себе выйти заблаговременно, чтобы вовремя успеть на перенесенную встречу. Она пошлет сообщение Деннису, отменив вечернее свидание. Ее порадовало, что они восстановили дружеские отношения, однако свидание – не слишком серьезный повод для повторной отмены назначенной встречи. Ей необходимо сосредоточиться на работе.

У нее оставалось немного свободного времени, и она собиралась провести его в архиве за изучением дела Эми Эббот. Надо проверить, не могло ли следствие упустить важные детали, любые оставшиеся без внимания зацепки, способные подсказать, где она могла находиться, когда пропала. Где бы ни делали тот незаконный аборт, там должна остаться кровь. Много крови. В отделение «неотложки» Эббот доставили уже почти обескровленной.

Это дело больше не считалось расследованием убийства или даже следствием по делу пропавшего человека. Эми Эббот умерла и похоронена, и ее дело, по существу, уже закрыли. Грег, возможно, сказал бы Лоре, что она зря тратит время и ей следовало бы вплотную заняться делом Лилиан Армстронг, но констебль терпеть не могла невыясненных вопросов и не могла просто так отмахнуться от того факта, что эта смерть подозрительна именно по мнению Алекс Тейлор. Данные вскрытия не подтвердили убийства – согласно отчету coronera, смерть наступила в результате несчастного случая. Если и имело место убийство, то его будет трудно доказать. Тейлор, безусловно, достаточно умна, чтобы убить кого-то и остаться безнаказанной.

Когда Эми Эббот пропала, Тейлор отдыхала на Барбадосе, но, допустим, она знала эту женщину раньше, знала о ее беременности и подавленном состоянии. Могла приютить ее, позволить пользоваться своей квартирой на время отпуска, а потом, вернувшись домой, ловко устроила правдоподобную причину этой смерти. Эми обнаружилась через пять дней

после пропажи, но умерла она на следующий день после возвращения Тейлор из отпуска. И теперь Лоре лишь надо найти какую-то связь между этими двумя женщинами. Если она сумеет доказать, что Алекс знала умершую медсестру, у нее появится основание для возобновления расследования этого дела.

Такая перспектива взволновала Бест. Это будет ее пропуск на повышение по службе – ее ключ к новой жизни.

Глава 35

Выйдя из лифта, Алекс увидела возле своей входной двери узкую картонную коробку, что заставило ее опустить принесенные пакеты с продуктами. На полоске голубой бумаги, приклеенной к коробке, она увидела сообщение, оставленное ее ближайшим соседом: «Доставили сегодня днем, в получении расписался. Надеюсь, всё в порядке. Тревор».

Забрав коробку, Алекс зашла в квартиру. В почтовом ящике она обнаружила конверты с рождественскими открытками. Да, Рождество уже на носу, а она сама еще даже не отправила никому поздравительных открыток. И вообще практически не подготовилась к этому празднику – только купила подарки, хотя и их-то еще не разворачивала. Не запаслась ни рождественской елкой, ни особыми напитками или угощениями. Ее дом выглядел как и в любой другой будний день – кожаные диваны, стеклянный журнальный столик и обширная площадь ничем не загроможденного пола. В гостиной не было даже фотографий родных, способных придать комнате личностный вид. Патрик заявил, что ей необходимо заменить рамки для фотографий, поскольку они уже давно вышли из моды. Теперь она осознала, как глубоко он ошибался. Невозможно создать дом просто из мебели – дом нужно любить и жить в нем, а иначе по углам затаится холодное равнодушие.

И вот теперь она оказалась в одиночестве. У нее осталась только ее работа да эта пустая домашняя квартира, но и эти ее владения находились под угрозой. С нынешнего утра атмосфера на работе отягчалась недомолвками или уклончивым молчанием. Все, казалось, избегали ее. Когда бы Алекс ни пыталась заговорить с Фионой, та вечно оказывалась слишком занята. Натан едва говорил с ней, не считая профессиональных разговоров о пациентах. Все смотрели на нее подозрительно. И без того скверная обстановка стала еще хуже, а ее начальница, вероятно, подумывает о следующей встрече, только на этот раз официальной. Ей не следовало говорить то, что она сказала Кэролайн. Следовало держаться выбранного плана действий, однако последнее время она стала склонной к импульсивным – и, по мнению окружающих, неразумным – порывам. Авария с Коуэн, вероятно, не имела ни малейшей связи с ее историей, и теперь в глазах начальницы она выглядит еще более безумной.

В коробке оказалась какая-то рама, завернутая в пузырчатую пластиковую упаковку. Пальцы Алекс коснулись глади стекла, и она

разглядела под полупрозрачным пластиком цветные пятна. Картину сопровождало описание, но никакой записки от отправителя не было. Развернув упаковку, она увидела картину с обнаженной женщиной, лежащей на кровати. Яркая стена у нее за спиной отливала цветом морской волны, а лицо прикрывала рука, протянутая к уходящей фигуре. Алекс понравилась картина, и она догадалась, кто прислал ее. Быстро перебрав конверты, обнаружила рождественскую открытку от Мэгги. Подруга не подписалась, но Тейлор поняла, что продуманное послание пришло от нее:

«Надеюсь, тебе понравится. Цenia другие версии этой картины, я подумала, что этот вариант Юэна Аглоу^[22] переносит нашу прелестницу в современность. Помни, Алекс: не все мужики – мерзавцы».

Заботливость и щедрость Филдинг поразила и даже слегка ошеломила Тейлор. Кому-то она еще нравится... Она не осталась в полном одиночестве...

Внезапно Алекс вздрогнула, услышав стук в дверь квартиры. Так и не сняв уличной куртки, она открыла дверь, подумав, что, наверное, ее сосед решил убедиться, что она получила посылку. Но на пороге стоял Натан Белл, держа завернутую в салфетку бутылку вина. Он поднял ее перед собой и сдержанно произнес, явно испытывая неловкость от неуверенности в том, будут ли ему рады:

– Скромный рождественский подарок.

– Проходи, – сказала Алекс, крайне удивленная его визитом и еще больше тем, что он сумел узнать, где она живет.

– Я раздобыл твой адрес у Фионы... она сказала, что ты не стала бы возражать...

– Все правильно. Как она там? Похоже, сегодня была занята так, что на работе даже словом со мной не перемолвилась...

– По-моему, она немного беспокоится за тебя. Я думал, что она встретится с тобой после работы. Сказала, что собирается поговорить.

– Но мне она ничего не предложила, – озадаченно заметила Алекс. – Хотя я же сказала, мы не успели даже словом перемолвиться. Возможно, Фиона послала мне сообщение и теперь думает, что я не обратила на него внимания... Черт, надо будет сейчас посмотреть. Но я рада, что она дала тебе мой адрес. И мне приятно видеть тебя.

Алекс пригласила коллегу в гостиную и осознала, что он внимательно осматривается.

– Такого я не ожидал, – сказал Белл.

– А чего ожидал?

– Чего-то более уютного. Большого разнообразия. Тут у тебя

обстановка почти стерильная, – ответил Натан в своей обычной резковато-прямой манере.

Хозяйка не обиделась, поскольку он был прав. Такой дом нравился Патрику, а не ей самой.

– Скоро она изменится, я сделаю ее более домашней, – сказала она.

– Отлично. Такая комната тебе не подходит.

Некоторое время они неловко стояли посреди гостиной. Молчание затягивалось. Алекс понимала, что гость быстро уйдет, если она не сломает этот лед молчания, сказав что-то более значимое.

– Не хочешь ли немного выпить? – предложила она.

– Только если вместе с тобой, – Белл вручил ей принесенную бутылку, – и если ты можешь себе это позволить.

Естественно, он подразумевал, способна ли она позволить себе выпить, не опасаясь, что это приведет к алкогольному срыву. Алекс пока не испытывала себя на этот счет, поэтому и сама не знала ответ, но почувствовала, что вполне безопасно может попробовать выпить в его компании.

– Ведь уже почти Рождество. И мне хотелось бы немного выпить с другом, – добавил Натан.

Он снял черную уличную куртку. В серебристо-сером галстуке и темно-серой рубашке, заправленной в строгие черные брюки, Белл выглядел утонченным и несколько отстраненным.

– Если выдашь штопор, то я почту за честь...

Окрыленной походкой она быстро отправилась на кухню за бокалами и штопором, по пути на мгновение задержавшись в коридоре перед зеркалом, чтобы оценить свой внешний вид. Ее раскрасневшееся лицо обрамляли легкие прядки, выбившиеся из «конского хвоста», но, по крайней мере, волосы были чистыми, и от нее исходил запах свежести. Сбросив куртку, Алекс сняла и блузку, оставшись лишь в джинсах и кремового цвета футболке. Когда она вернулась, Натан рассматривал картину.

– Подарок? – лаконично поинтересовался он.

– Да. Это «Жена Потифара». Красивая, правда?

Белл взглянул на картину более пристально.

– На мой взгляд, она почти в отчаянии, раз пытается остановить его забытым плащом.

– Она, видимо, показывает, что он нужен ей, – предположила Алекс, на самом деле не зная подоплеку сюжета.

Ей по-прежнему еще предстояло отыскать историю жены Потифара.

- Это подарок от твоего парня? – поинтересовался гость.
- У меня нет парня, – доктор Тейлор покачала головой. – Больше нет.
- Значит, роман закончен... – Белл удивленно приподнял бровь. –

После вечеринки тем вечером мне подумалось, что...

Его коллега пригубила красного вина из переданного ей бокала и осознала, что должна как-то прояснить ситуацию.

- Я не стала бы приглашать тебя на свидание, если б он не закончился.
- Мне очень жаль, – быстро сказал Натан. – Я должен объясниться...

Мне трудно... ведь у меня...

– ...есть подруга, – опередила его собеседница, не желая слушать причины его отказа и вновь испытывать смущение.

– Нет, – тихо возразил мужчина. – Мне трудновато объяснить, но... – Он обвел взглядом комнату, задерживая его на всем, кроме Алекс, и она вдруг поняла, что смущен-то именно Белл.

Натан избегал смотреть на нее, даже когда она подошла совсем близко. И лишь когда коснулась его руки и их взгляды наконец встретились, она увидела в глубине его глаз душераздирающую затаенную тоску.

– У меня никогда не было подруги. До сих пор никто не приглашал меня на свидание. В шестнадцать лет я влюбился в одну девушку и понял, что смогу поговорить с ней только в компании других парней. Я выбрал не слишком умных ребят, с которыми мог подружиться, намекнув, что готов помочь им с домашними заданиями. Очень быстро я обзавелся компанией, и вскоре после этого мне удалось поговорить с ней.

Он помедлил, явно вспоминая те времена.

– Я не верил своей удаче. Она действительно согласилась погулять со мной. Первое вечернее свидание мы провели в парке, только вдвоем. Долго сидели на качелях, держась за руки... На втором свидании устроились на уличной стене неподалеку от ее дома и опять долго болтали. – Натан улыбнулся, хотя глаза его не лучились особой радостью. – Ты ждешь удивительной концовки, верно? Наше третье свидание случилось в ее постели. Мы разделись и легли рядышком, бок о бок. Мы до сих пор еще не целовались, а мне страстно этого хотелось. Внезапно она перевернулась на живот и сказала, что я могу трахнуть ее сзади, поскольку ей невыносимо видеть мое лицо. Вот так все и закончилось. Я быстро оделся и свалил оттуда, испытывая отвращение к самому себе. Парочка наших парней сидела на той самой уличной стене. Они спросили, что случилось, и я ответил, разумеется: «Ничего, пустяки». Они начали смеяться и подшучивать, заявив, что не верят мне. Признались, что точно знают, чем я занимался, поскольку заплатили за это. Как это ни иронично, но они

полагали, что поступили как настоящие друзья. Они ведь знали, что она нравится мне, и заплатили ей, чтобы она занялась со мной сексом.

Алекс нежно коснулась пальцами пятна на щеке Белла, но тот мгновенно отвернулся.

– Только не надо жалеть меня, – произнес он осевшим от волнения голосом. – Вряд ли я это вынесу.

Она поставила бокал с вином и, положив руку на другую щеку Натана, развернула его лицо обратно к себе, удерживая его в таком положении.

– С чего мне жалеть тебя? Мне жаль себя. Меня тянет к тебе... Но, похоже, мои чувства не находят взаимности.

Натан пристально посмотрел на нее, впившись взглядом в ее глаза и пытаясь понять, правду ли она говорит, а потом, тихо охнув, привлек ее в свои объятия. Его первый поцелуй ничем не напоминал робкую попытку, и обнимал он ее вполне уверенно. Возможно, до сих пор Натан и не общался с подружками, но это никак не отразилось на его смелости, когда он жадно исследовал изгибы губ и глубины рта Алекс. Сильные руки так крепко сжимали ее, что она ощущала его сухощавый торс. Он оказался не таким уж тощим – скорее его можно было назвать мускулистым и подтянутым.

Алекс уже дрожала от страсти и осознала, что держится на ногах лишь благодаря его крепким объятиям.

– Ты позволишь мне заняться с тобой любовью? – пылко спросил Натан, напряженно глядя ей в глаза.

Алекс не смогла вымолвить ни слова. Да и слова тут были излишни. Она ответила ему страстным поцелуем. Его надежные сильные руки перенесли ее на кровать, и впервые в своей жизни Натан Белл с непостижимой чуткостью познал реальность плотской любви.

* * *

Она стояла у окна своей спальни и как зачарованная смотрела на его темные волосы и великолепно сложенную спину. На его гладкую и безупречную кожу. Ее не удивляло, что он крепко спал уже несколько часов. Неистовый выплеск чувств истощил его. Все закончилось в считанные секунды. Тейлор всячески поощряла его, понимая, что потом он научится владеть собой и во второй раз будет действовать медленнее. Так оно и случилось. Алекс лишь надеялась, что доставила ему не меньшее удовольствие.

Натан пошевелился, и она заметила, как он медленно начал осознавать, что ее нет рядом с ним в постели. Приподнявшись с подушек, поискал ее взглядом, и от пылкой страсти в его устремленных на нее глазах у Алекс слегка закружилась голова.

– Вернись ко мне, – прошептал Натан.

Почувствовав, что после секса от нее не слишком хорошо пахнет, она захотела смыть его.

– Позволь мне сначала принять душ, – тихо ответила Алекс.

Белл помотал головой из стороны в сторону.

– Нет, ты смоешь свой прекрасный запах, а я еще только начал познавать его...

Вновь мгновенно возбуждаясь и чувствуя жар в чреслах, она медленно направилась обратно к кровати.

Глава 36

– Следы протектора, отпечатавшиеся на курточке Лилиан Армстронг, оставлены покрышкой, производимой компанией «Пирелли двести пять – сорок пять R-семнадцать». Но, как я уже говорил, такие шины подходят к тысячам машин. Скорее всего, многим автомобилям в том гараже подойдут такие шины – помню, там стояло достаточно спортивных авто.

Пристально глядя на Питера Спенсера, Грег захотел убедиться, что правильно понял все сказанное констеблем.

– Но подходят ли они к «Мини»? – уточнил он.

– Да. Я изложил все данные в отчете. – Спенсер взял лист бумаги и начал зачитывать текст. – «Пирелли двести пять – сорок пять R-семнадцать». Такие шины...

– ...и такая же шина оставила отпечатки на куртке Лилиан Армстронг? – произнес Тёрнер, повторив слова Питера, словно хотел закрепить этот факт в своем мозгу.

– Да.

Легче инспектору от этого не стало. Вероятность причастности машины Алекс Тейлор к наезду на Лили увеличилась.

– Ладно. Тогда давай для начала проверим автомобили всех жильцов того дома.

Питер Спенсер кивнул, хотя и продолжал с сомнением смотреть на шефа.

– Вы не думаете, что нам стоит начать с машины доктора Тейлор? По крайней мере, чтобы исключить ее.

– Ты увлекся версией констебля Бест? По-твоему, доктор Тейлор переехала эту особу для привлечения внимания?

– Ничьей версией я не увлекался. Мы же не доказали, что это следы шины ее автомобиля, и я вообще не видел, какие у нее там шины. Может, «Пирелли», а может, и нет. Если именно такие, то я поищу следы свежего битума – именно из-за него и остались такие хорошие отпечатки. Хотя, возможно, мы опоздали, учитывая, что доктор вымыла свою машину. Нам ведь достаточно просто взглянуть, чтобы исключить ее из числа подозреваемых. Либо... Короче, я сообщу факты, Грег. Не строя никаких версий.

Тёрнер окинул взглядом большое помещение отдела управления уголовных расследований и осознал, что даже в семь утра здесь кипит

оживленная деятельность. Сотрудники сидели за письменными столами, проверяя сведения по компьютерам или подготавливая удобочитаемые отчеты для утреннего совещания. Стол Лоры Бест пока пустовал, что давало инспектору несколько милосердно спокойных минут. Она опаздывала – неслыханная для нее вольность.

– Спасибо, Питер, – Грег одобрительно кивнул, – действуй. Видимо, нам нужно отыскать местечко с недавно положенным асфальтом. А пока придержи сведения о шинах. Лора Бест одержима идеей виновности доктора Тейлор, а нам не нужны ошибочные аресты, особенно врачей. Допустив подобную ошибку, мы подкинем жирную кость средствам массовой информации.

– Это ваше решение, – ответил Спенсер. – Я сделаю то, что вам нужно. Развернувшись к выходу, он вдруг остановился.

– И все-таки, по-моему, что-то здесь не вяжется... Зачем доктору Тейлор переезжать эту женщину, а потом сообщать нам о следах шины на ее куртке? Все это кажется немного странным.

– Ты совершенно прав, – кивнул Грег. – Именно поэтому нам необходимо сначала проверить имеющиеся у нас факты.

– А вы не думаете, что кто-то мог позаимствовать ее машину, пока она таскалась по магазинам?

Тёрнер пожал плечами. Ответ он не знал.

– Если Лилиан Армстронг была в машине доктора Тейлор, то там найдутся и улики, – добавил констебль.

– Это понятно, – согласился Грег, – как и то, что у нас пока нет никаких ответов. – Он тяжело вздохнул. – Действуй, Питер. Но постарайся не привлекать особого внимания. Проверь, какие покрышки стоят на ее колесах. Тогда мы будем хоть что-то знать.

Глава 37

Мария Азиф открыла дверь локтем, стараясь не выронить из рук поднос с грязными инструментами. Наконец-то она притащила в подсобку последний поднос! На столе уже громоздились принесенные раньше инструменты, и теперь ей предстояло быстро разобрать их, выбросив одноразовые иглы и лезвия, перед тем как отправить остальное на стерилизацию.

Ночное дежурство выдалось хлопотным, особенно последние несколько часов. Да еще и один пациент скончался... Тело молодого парня еще лежало на одном из операционных столов, ожидая перевозчиков, которые заберут его в морг. Ему было всего девятнадцать лет, а выглядел он даже моложе. Его доставили в отделение «неотложки» буквально всего переломанного – он вылетел со своего мотоцикла на высокой скорости.

Ему уже мало чем могли помочь, и попытки остановить кровотечение из порванных артерий, учитывая множество поврежденных органов и сломанных костей, были скорее символическими. По мнению Марии, было бы лучше позволить ему умереть в окружении родных, а не в стерильной операционной с множеством врачей, отчаянно желавших оказать ему помощь, но явно уже не способных ничем помочь.

Азиф мысленно помолилась за парня, стоя рядом с его плачущими родителями, пока те обнимали и целовали его на прощание. До Рождества оставалось всего два дня, а их ребенок умер, и никакие слова не могли теперь утешить их. Марии нечего было сказать, чтобы уменьшить их скорбь. И ей вдруг захотелось как можно скорее добраться домой к своим собственным детям. Захотелось поцеловать старшего сына, пока тот еще достаточно мал, чтобы позволить ей такие нежности, и целый день оберегать двух младших детей.

Именно из-за таких трагедий она и не любила свою работу. Проверяя поднос с инструментами, использованными во время операции этого умершего парня, Мария почувствовала, как по щекам ее побежали слезы. Какая несправедливость! Внезапная смерть такого молодого парня ужасно несправедлива. И бесполезно теперь рассуждать, как можно было бы избежать такого конца. Азиф быстро смахнула слезы рукавом своего хирургического костюма.

Передвинув вращающуюся стойку, она увидела кровавые пятна на стене под окном лифта. Должно быть, кровь просочилась изнутри и

сбежала по стене.

Персоналу неустанно напоминали о важности санитарной гигиены, о серьезности опасности внутрибольничной инфекции и о неуправляемом распространении золотистого стафилококка в большинстве больниц, и тем не менее такая простая процедура, как предварительная очистка испачканных кровью инструментов, зачастую игнорировалась. Очевидно, кто-то поставил в подъемник поднос с не протертыми от крови инструментами. Надо будет доложить о беспорядке, когда придет дневная смена, поскольку эта грязь появилась еще прошлым вечером, а не во время ночного дежурства Марии.

Разозлившись из-за грязного подъемника, который мог помешать ей быстрее вернуться домой, она подняла наружную дверцу. Можно сначала отправить накопившиеся инструменты вниз, в стерилизационную установку, а потом поднять пустой подъемник и вымыть его. Взявшись за внутреннюю дверцу, Азиф открыла ее – и увидела, что грязные инструменты ни при чем. Кровь сочилась из скорченного тела...

Вопли Марии Азиф достигли ушей ее коллег, когда она, пошатываясь, попятилась к выходу из подсобки и вышла в коридор, где ее стошнило.

* * *

Грег в очередной раз взглянул на часы. Утреннее совещание почти закончилось, а Лора пока так и не появилась, и он начал беспокоиться. Инспектор уже несколько раз звонил ей на мобильный и домой, но она не отвечала. Это было совсем не похоже на нее, и хотя ему не нравилась эта женщина, он нес за нее ответственность.

Все сотрудники знали, как важно оставаться на связи. Полицейские могли стать объектами преследования и понимали, что их постоянно подстерегают опасности. Репрессивные меры и месть от людей, которым казалось, что полиция поступила с ними несправедливо, или загнанные в угол преступники, пытавшиеся избежать ареста, – все они являлись источником потенциальной угрозы.

Грег отправил сотрудника к Лоре домой, но там она, видимо, не появлялась. После совещания Тёрнер собирался опять позвонить ей и, в случае необходимости, потребовать, чтобы швейцар впустил их в ее квартиру.

Он заметил, что Деннис Морган в очередной раз взялся за свой

мобильник. Невоспитанность этого молодого полицейского рассердила его. Подойдя к его стулу сзади, инспектор с видом строгого учителя отобрал у него трубку.

– Морган, во время инструктажа нельзя отвлекаться. Своей личной жизни вы сможете уделить внимание позже. Получите у меня телефон после совещания.

– Простите, сэр, – запинаясь, произнес этот высокий и покрасневший как рак новичок, только недавно выпущенный из академии, – я пытался выяснить местонахождение констебля Бест.

Грег взглянул на него с ожившим интересом. Неужели Лора нашла себе нового партнера? Хотелось надеяться. Очень хотелось. У инспектора было огромное желание, чтобы еще до конца года Бест отвязалась от него.

– А почему вам вздумалось это выяснить? – спросил он Денниса.

– Я беспокоюсь, сэр. Она же не вышла на работу.

– Я имел в виду, – более выразительно заметил Тёрнер, – почему именно вам? Почему вы сочли себя обязанным выяснить ее местонахождение?

– Потому что я... В последнее время мы начали встречаться.

– Встречаться... – Грег улыбнулся и, помолчав, добавил: – Романтические свидания?

Морган кивнул.

– И вы разговаривали с ней сегодня?

– Нет, сэр. Вчера вечером у нее была назначена какая-то важная встреча. Она прислала мне сообщение, что нам придется отложить свидание, и вот с тех пор от нее никаких известий.

– Вы ожидали, что она еще раз свяжется с вами?

Очередной кивок.

– Я думал, она позвонит мне сразу после этой встречи.

Дверь в зал совещаний открылась, и в комнату вошла Стелла Картрайт, старшая сотрудница из гражданского персонала.

– Простите, что врываюсь, Грег. Нам только что позвонили из больницы по «девять-девять-девять». Они обнаружили у себя труп, и на этот раз кто-то умер не на больничной койке.

Морган судорожно вздохнул, и Тёрнер быстро взглянул на него.

– В чем дело, Деннис?

Красивое лицо парня побледнело, глаза вытаращились.

– Лоре назначили встречу в этой самой больнице. Именно туда она и собиралась.

* * *

Лора Бест пребывала не в лучшем настроении. Она опоздала на работу, что считала для себя серьезным проступком. Сегодня утром она утопила в ванной мобильник, а вчера вечером не явился на назначенную встречу ее информатор. Может, в отместку за то, что Лора сама пропустила дневную встречу... Но всему же есть предел. В итоге она зря потратила целый вечер и часть утра.

Констебль стояла в отделении «неотложки», пытаясь поговорить с координатором и получить объяснения, но их постоянно прерывали телефонные звонки, и до сих пор Лора смогла лишь выяснить, что ее не явившийся вчера на встречу информатор не вышел также и на работу.

Поскольку она не имела возможности позвонить со своего домашнего телефона, ей опять настоятельно понадобился мобильник, чтобы связаться с ним и быстро назначить новую встречу.

Дежурный закончил очередной разговор по телефону, и Бест вновь попыталась поговорить с ним.

– Извините. – Он грустно улыбнулся. – По утрам у нас вечно такая чехарда... Но через секунду я дам вам нужный номер телефона. – Дежурный подвинул к себе красную папку, а потом, когда на пейджер пришло очередное сообщение, на лице его вновь отразилась смиренная покорность.

Он набрал какой-то номер на своем телефоне, и Лора увидела, как потрясенно изменилось его лицо во время этого короткого разговора. Она уже собиралась уходить, когда услышала, как дежурный заявил, что полицию уже вызвали. Он побелел как мел, отключив телефон, и ей пришлось дважды спросить его, в чем там у них проблема.

Взгляд его потускнел, и он лишь с трудом выговорил, беспомощно моргая глазами:

– Операционная. Наверху, в операционном отделении. Вам нужно подняться туда.

Спешно проходя по коридорам, Бест обгоняла устремившихся к операционному отделению сотрудников больницы. Когда констебль достигла входных дверей, ее остановили и пропустили дальше лишь после того, как она предъявила дежурному полицейское удостоверение.

Врачи и медсестры собрались в длинном коридоре – все в спецодежде и явно потрясенные случившимся. Одна субтильная санитарка азиатской наружности истерически рыдала.

На полу возле какой-то открытой двери растеклась лужица рвоты, и Лора начала осознавать, что произошло нечто очень серьезное.

Мужчина в голубом хирургическом костюме утешал эту азиатку, а рядом с ними стояла другая женщина, похоже, единственная сохранившая еще относительное самообладание.

Сотрудница полиции подошла к ней.

– Меня зовут Лора Бест. Я – констебль уголовного розыска. Вы можете сказать мне, что происходит?

Женщина хотела пожать ей руку, но потом осознала, что на ней хирургические перчатки, и ее рука бессильно повисла.

– Сэнди Бэйли, старшая хирургическая медсестра, – представилась она. – У нас тут очень скверная история. Одна из наших младших медсестер обнаружила труп.

– В той комнате? – уточнила Лора, показывая на открытую дверь рядом с лужей рвоты.

– Да, – кивнув, подтвердила Бэйли, – туда мы отправляем использованные инструменты для стерилизации, а потом забираем чистые наборы. Она испытала жуткое потрясение, войдя туда.

Осознав, что ей, вероятно, предстоит увидеть место преступления, Бест велела Сэнди передать руководству, чтобы никто не покидал отделения и не входил в это помещение до прибытия полиции. Затем спросила, не выдадут ли ей пару целлофановых бахил.

– Мы больше не пользуемся ими, – ответила Бэйли, покачав головой. – Теперь мы все ходим в сменных сабо.

– Прошу вас никого сюда не пускать, – еще раз предупредила медсестру Бест.

Сбросив куртку, она положила ее у стены вместе с сумочкой, подальше от рвотной массы.

Войдя в комнату, констебль сразу оценила ее крохотные размеры, удивившись, что здесь умудряются проводить стерилизацию. Потом осознала, что трупа нигде на полу не видно. Раздраженно поворачиваясь обратно к двери, констебль вдруг заметила нишу в стене. Внутри находилась скорченная женщина – ее колени и бедра были туго привязаны к груди, правая рука прижата к коленям, а лицо скрыто за распущенными темными волосами.

Достав из кармана рубашки ручку, Лора отвела в сторону пряди волос, скрывавшие лицо, – и поняла причину, по которой не состоялась ее встреча.

Фиона Вудс не смогла увидеться с ней, поскольку умерла.

Глава 38

На лице Мэгги отразились удовольствие и любопытство, когда она впустила в дом счастливую и жизнерадостную гостью. Алекс сияла, и в своем приподнятом настроении почти не могла стоять или говорить спокойно. Поблагодарив подругу за приглашение, она продолжила изливать благодарности за прекрасную картину и с восторгом начала описывать, какой сегодня выдался замечательный день.

Услышав последнее замечание, Филдинг удивленно подняла брови, поскольку за окнами бушевал штормовой ветер и хлестал дождь. В итоге, умудрившись вернуть словечко, она спросила у новой подруги о причине столь счастливой перемены.

Алекс еще больше покраснела, и в глазах у нее блеснули счастливые слезы.

– Натан. Он зашел ко мне в гости вчера вечером...

– Натан Белл из «неотложки»?

– Да, – подтвердила Алекс, – и он совершенно изумителен.

– Подозреваю, что он задержался у тебя, – прозаично заметила Мэгги.

Лицо ее гостьи виновато сморщилось, но губы тут же расплылись в ликующей улыбке.

– Что ж, он явно шустрый мальчик, – признала Филдинг, направляясь в свою прекрасную гостиную.

– Вовсе нет, – возразила Алекс, тут же встав на его защиту, – он робок и сдержан, и вообще изумлен тем, что его могла пожелать хоть какая-то женщина. Но, Мэгги, он прекрасен, хотя сам того не понимает.

– Если б дело сейчас клонилось к вечеру, я сказала бы, что у нас есть повод для празднования. Однако, – хозяйка дома издала выразительный вздох, – нам с тобой еще надо кое-что сделать. То есть, если ты по-прежнему настроена...

Радость Алекс слегка померкла. Впервые за долгое время она чувствовала себя так хорошо, но мысль о предстоящем деле наполнила ее страхом. Она могла пренебречь тем, что ей следовало сделать, и продолжать жить в настоящем, забыв о прошлом и даже признав, что та ужасная ночь с психопатом ей всего лишь пригрезилась, как и говорил Ричард Сиккерт. Могла отложить до другого раза встречу с напавшим на нее в прошлом году мужчиной.

Она могла пойти против своей совести и заставить себя поверить, что

больше ни одна женщина не подвергнется из-за него опасности. И даже позволила бы ему остаться безнаказанным.

После того случая Алекс долго не могла смотреть телевизор, боясь увидеть там его, но потом постепенно достаточно успокоилась, чтобы разрешить себе изредка посмотреть фильм, не прочтя заранее краткое содержание и не проверив состав исполнителей. К счастью, ей не пришлось страдать, видя того актера на экране, и она не стала особо задумываться над тем, не укатил ли он в Голливуд или не приобщился ли к театральному миру. Она надеялась, что этого не произошло. Надеялась, что он лишился работы, а его актерские таланты увяли. Ей становилось тошно при одной мысли о том, что придется активно искать его или высматривать по интернет-сайтам.

Перед ней стоял выбор. Ведь этот человек все еще продолжал пугать ее и портить ей жизнь.

– А ты поможешь мне? – спросила Алекс.

– Ты же знаешь, что помогу, – уверенно ответила Филдинг.

– Мэгги, я не в состоянии сама позвонить ему, – с дрожью в голосе сказала Алекс. – Мне необходимо, чтобы ты взяла это на себя. Я готова встретиться с ним, но, боюсь, не сумею договориться о встрече.

Подруга подалась вперед и обняла ее.

– Я договарюсь. Но помни, что мы прижмем его вместе.

* * *

– Все получилось просто, – сообщила Мэгги, входя в кухню и помахивая листочками бумаги. – Я нашла его данные в «Гугле» и только что созвонилась с его агентом.

Невозмутимо закончив намазывать маслом подрумяненные рогалики, Алекс взбила яичницу-болтунью и залила кипятком в заварочный чайник. Она предпочла не задавать лишних вопросов.

– Ты слышала меня? – спросила Филдинг.

Алекс кивнула.

– Он играл понемногу в сериалах «Холби Сити», «Лондонский госпиталь» и «Льюис», а сейчас готовится к съемкам в исторической драме. Не догадываешься, Алекс, где снимается эта драма? – нарочито небрежно поинтересовалась хозяйка дома.

– Неужели он в Бате? – спросила доктор Тейлор, положив деревянную

ложечку и повернувшись.

– Точно, именно сейчас он в Бате, – склонив голову, подтвердила Мэгги. – Агент дал мне номер его мобильного, и я собираюсь позвонить ему и договориться о встрече на сегодняшний вечер.

– Возможно, он не пожелает встречаться со мной.

– Еще как пожелает, – твердо заявила Филдинг. – Я не оставлю ему выбора.

От запаха и вида готовящейся пищи Алекс начало подташнивать. Она отошла от плиты и заломила руки, а потом в смятении скрестила их на груди.

– Я не готова. Даже не представляю, что я ему скажу...

– Алекс, у тебя все получится. Ты сыграешь эту роль. Возьмешь дело в свои руки. Если недавняя история – похищение, угроза изнасилования, угроза смерти – пригрезилась тебе из-за того, что он сделал с тобой в прошлом году, то таким образом ты справишься с обеими этими ситуациями. Алекс, ты заставишь его поплатиться. Этот хлыщ больше не сможет портить твою жизнь. Ты опять выйдешь на автопарковку. Оденешься так же, как в тот вечер. Смело посмотришь ему в глаза – и, держу пари, сразу осознаешь, что именно он является твоим реальным ночным кошмаром, что тот недавний случай на парковке привиделся тебе из-за того, что он сотворил с тобой раньше в прошлом году. Алекс, он заставил тебя почувствовать себя уязвимой, вселил в тебя страх...

– Единственная проблема в том, что у меня уже нет того платья, – печально улыбнувшись, сообщила доктор Тейлор. – Оно в полиции. И пока мне его не вернули. Правда, у меня есть другое, похожее – мое платье подружки невесты, – но оно еще в химчистке. И я не уверена, что знаю, куда сунула квитанцию на него. Мне было невыносимо видеть этот наряд, вот я и отдала его в чистку сразу после свадьбы сестры.

– Я раздобуду его, – пообещала Мэгги, подходя к Алекс и обнимая ее. – Даже не думай об этом. Давай-ка пока отправляйся в мою спальню и отоспись до вечера. Можешь посмотреть телик или доразгадывать кроссворд за меня. Я застряла на тринадцати по вертикали.

Алекс улыбнулась, видимо, уже лучше владея собой. Взяв предложенную газету с «кухонного острова», она увидела, что основная часть загадочного кроссворда уже заполнена. Прочитала текст под тринадцатым номером: «Жар – Ярость». В загаданном слове было три буквы.

– Тут надо подобрать анаграмму, – сказала она. – Из букв слова «Жар» легко составить слово с новым значением: «Раж». Как раз то, что мне надо.

Войти в раж, разъяриться! И тогда я перестану бояться.

Глава 39

Операционное отделение мгновенно закрыли, все операции отменили, а сотрудников собрали в отдельном помещении для допроса. Никого, кроме полицейских, в операционное не впускали.

Грег прошелся по всему отделению, тщательно проверив, что там нет никаких других входов или выходов. Убийца вошел в ту же дверь, что и он сам, убил Фиону Вудс и вышел тем же путем. Тёрнер немедленно распорядился изъять для проверки все видеозаписи камер слежения и организовал всеобъемлющее расследование убийства, раздав кучу заданий многочисленным полицейским. Встретившись и обсудив создавшееся положение со старшим персоналом, он выдал соответствующие задания младшему – и все это время его не покидало ощущение острой тревоги.

Доктора Тейлор найти не смогли, и Питеру Спенсеру не удалось выяснить, где находится ее автомобиль. Ее тоже целое утро искала команда полицейских под руководством Лоры Бест. В данный момент опрашивали ее коллег и родственников. Грегу позвонил один из полицейских, проверявших отделение «неотложки», и сообщил, что эту ночь с ней провел их врач, Натан Белл. Его показания проверили и провели обыск в ее квартире, надеясь найти какие-то указания на то, где она сейчас находится.

Начали поговаривать, что Тейлор расправилась со своей подругой, узнав о ее планируемой встрече с Лорой Бест, и что теперь она вынуждена скрываться после жестокого убийства медсестры.

Лора пояснила, что вчера в семь вечера планировала встретиться с Фионой Вудс в больничном служебном буфете. Медсестра на встречу не явилась, и после разговора с ее коллегами Бест узнала, что она могла уйти с работы пораньше, но должна вернуться утром. Лора не сомневалась, что Вудс собиралась сообщить ей нечто важное о докторе Тейлор, связанное с тем, что произошло с ней в прошлом году. Фиона сообщила констеблю, что начала беспокоиться за нее. Их заведующую, Кэролайн Коуэн, привезли в больницу после автомобильной аварии, и Алекс попыталась внушить ей, что врезавшийся в багажник ее машины водитель был именно тем, кто похитил ее, доктора Тейлор, с парковки. А тот самый водитель уже вчера вечером заявил в полицию об этой аварии, в качестве слабой отговорки по поводу отъезда с места ДТП сообщив, что опаздывал на деловую встречу.

Грег не знал, что и думать. Безусловно, однако, он не мог думать об Алекс как об убийце. Больше всего инспектор сейчас беспокоился за нее

саму, за эту сердечную и заботливую женщину, которую он на днях успел узнать с лучшей стороны. Его тревожила ее безопасность. Если она как-то замешана в этом преступлении – а он молился, чтобы она оказалась ни при чем, – то могла наделать еще каких-нибудь глупостей.

Когда Грег вернулся на место преступления, в комнате находились лишь двое полицейских – Питер Спенсер и штатный фотограф. Скорченный труп Фионы Вудс по-прежнему находился в подъемнике: судмедэксперт пока не дал разрешения извлечь тело. Он разговаривал в коридоре по телефону, проведя предварительное обследование в месте обнаружения. Видимо, скоро вернется.

Эксперт хотел, чтобы до извлечения трупа всю подсобку тщательно сфотографировали и засняли на видеокамеру.

Причину смерти уже установили, но Грег, отведя в сторону волосы Фионы, сам увидел скальпель, вонзенный ей в шею с правой стороны. Судя по большой кровопотере, ей, очевидно, перерезали сонную артерию. Эта двадцативосьмилетняя незамужняя женщина даже не успела обзавестись детьми. Она считалась на редкость способной медсестрой – и вот кто-то жестоко оборвал ее жизнь...

Тёрнер еще отлично помнил выходной, проведенный с Алекс, помнил, как она смеялась, когда Себ Морриси оторвал ее от земли и закружил в своих объятиях. Он помнил, как доброжелательно и терпеливо она разговаривала с орущим Джо, обрабатывая его кровоточившую ранку, и какая смущенная неуверенная улыбка появилась на ее лице, когда она пригласила их с Джо полетать на вертолете. Ему нравилась Алекс Тейлор. И ему хотелось быть уверенным в ее невиновности.

* * *

Замедлив шаг, Алекс взглянула на затянувшие небо тучи. Тяжелые и низкие, они опять предвещали дождь. Пришвартованные вдоль берега реки плавучие дома закрылись – их владельцы грелись внутри. Яркие цвета деревянной обшивки – красные, синие и зеленые – потускнели, а некоторые, казалось, насквозь промокли. На палубах виднелись забытые велосипеды, пластиковые стулья и столики, а несколько катеров полностью скрывались под бурыми брезентовыми чехлами.

Обычно, гуляя или бегая вдоль реки, Тейлор изредка замечала растянувшихся на палубах собак или стоявших в напряженных позах

жесткошерстных фокстерьеров, которые провожали ее залившимся лаем; но сегодня владельцы явно пожалели питомцев, впустив их под крыши.

Открыв бутылку воды, Алекс сделала большой глоток и посмотрела на часы, проверяя время. До встречи с ним еще больше четырех часов. Время и место уже назначено, и теперь ей оставалось только ждать. Желая отвлечься от мыслей о предстоящем вечере, доктор Тейлор решила, что лучше всего отправиться на большую пробежку. Не сработало. Она продолжала думать только об одном. О том, как она встретится с ним. Сможет ли она смело взглянуть ему в лицо? Пояс ее спортивных шорт постепенно пропитался потом и уже так охлаждал кожу, что Алекс начала пробирать дрожь.

Она припарковалась около Уэстонского шлюза на западной окраине Бата, решив пробежаться до Солфорда и обратно. Эта восьмимильная тропа проходила по травянистому берегу под тенистыми деревьями, летом укрывающими прохожих от солнца, а зимой – от дождя. Тейлор хорошо знала эту тропу – она частенько бегала по ней, пока жила на территории больницы. Сегодня ей не захотелось возвращаться домой на знакомую беговую дорожку, начинавшуюся прямо от порога ее дома: она боялась, что там может передумать и отказаться идти на назначенную встречу. Но скоро она вернется к Мэгги и займется подготовкой к вечернему свиданию. До завершения их плана Алекс не собиралась и близко подходить к своему дому.

К тому времени, когда сегодня она вернется к себе в квартиру поздним вечером, с прошлогодней историей, возможно, уже будет покончено и ее дом станет местом, где она больше никогда не вспомнит о ней. Алекс сумела набраться храбрости, чтобы встретиться с ним, и, если придется, также осмелится обратиться в полицию, чтобы его арестовали. Алекс намеревалась отныне вести положительную и свободную от него жизнь. Пусть ей не верили, но она будет довольна тем, что сделала все возможное для привлечения этого типа к судебной ответственности.

Уже в который раз доктор Тейлор пожалела, что у нее нет с собой мобильника. Она не смогла найти его сегодня утром и уже подумывала, что, наверное, забыла телефон на работе. Ей хотелось услышать голос Натана. Хотелось сообщить, что она не сможет увидеться с ним сегодня вечером, и надеялась, что он поймет ее. Перед его уходом на работу они вновь занимались любовью, и Алекс никогда еще не чувствовала себя более обожаемой, чем в его объятиях.

Она видела страдание в его глазах, когда Натан рассказывал ей о своем печальном юношеском опыте, и сразу поняла, что всегда будет любить его

лицо. Ей было ясно, что Белл хотел, чтобы его любили, невзирая на то, как он выглядит.

Алекс расстраивалась из-за того, что он может подумать, будто, не связываясь сегодня с ним, она отвергает его.

Но, вероятно, даже хорошо, что она забыла где-то телефон. Ей не стоило звонить ему. Сегодня у нее есть дело, и с ним она должна разобраться сама – ту омерзительную, грязную историю ей не хотелось даже близко подпускать к своей новой жизни. Она расскажет Беллу обо всем в будущем, когда исчезнет даже вероятность того, что прошлое может запятнать начало их прекрасной любви.

Думая и мысленно представляя только Натана – его голос, его образ и его прикосновения, – Алекс начала последний полумильный этап пробежки к своей машине.

* * *

Грег пристально смотрел на этого высокого худощавого мужчину, стараясь не обращать внимания на родимое пятно, покрывавшее левую сторону его лица. Боковая часть лба, века, крыла носа и щеки, а также уголок рта были ярко-багрового цвета. Именно с этим мужчиной Алекс спала прошлой ночью. Он не был ее приятелем – Лора утверждала это на основании слов Патрика Форда.

Натан Белл представлял собой редкую личность – в его поведении чувствовалось смирение и достоинство одновременно. Тёрнер понимал сложности, с которыми ежедневно приходилось сталкиваться этому парню. Глаза Белла исполнились тихого отчаяния при мысли о том, что Алекс попала в беду.

Полицейские обнаружили явные свидетельства того, что в квартире доктора Тейлор провел ночь мужчина, и Грег полагал, что это был именно Натан. Он также поверил названному им времени прихода и ухода. Хотя эти показания ничем не помогли Алексу Тейлор. Фиона Вудс умерла до того времени, которое Белл провел с Алекс: записи видеокамер показали, что вечером, в пять минут седьмого, медсестра проходила по коридору к выходу из отделения неотложной помощи, а стекло на ее наручных часах было разбито через полчаса, в тридцать пять минут седьмого.

Питер Спенсер и судмедэксперт выдвинули версию, что стекло разбито дверцей подъемника, стукнувшей по запястью убитой. На ее

поврежденной руке отпечатались две параллельные линии, допускавшие версию того, что внутренняя панель дверцы ударила ее по руке и по часам. Затем убийца, вероятно, вновь открыл дверцу подъемника и затолкал ее руку в кабину.

Натан Белл не мог дать алиби Алекс Тейлор.

Больше всего озадачило Грега время смерти. В отделении еще проводились операции, и этим подъемником могли воспользоваться в любое время. Убийца действовал чертовски уверенно. Судмедэксперт полагал, что медсестра была еще жива, когда ее запихнули в подъемник. Судя по следам на потолке и на стенах, кровь била струей. Долго Фиона прожить там не могла, но, возможно, она еще была в состоянии осознать, что умирает, запертая в этой стальной кабине. Кто-то совершенно спокойно ушел с места убийства, кто-то, видимо, сознававший, что вполне безопасно может пройти по больнице в обычном хирургическом костюме, шапочке и маске.

– Она не делала этого, – повторил Натан Белл уже во второй раз, с тех пор как Грег вошел в кабинет. – Она не убийца.

– Она связывалась с вами сегодня?

– Нет, с тех пор как я ушел от нее утром.

– А вы пытались связаться с ней, узнав об этом?

– Да. Мне хотелось предупредить Алекс, но ее мобильник выключен, поэтому я просто оставил ей сообщение, попросив перезвонить мне. Мне хотелось быть с ней, когда она услышит о Фионе.

– Что она говорила вам сегодня утром?

– Ничего. Мы просто поцеловались на прощание. Я надеялся, что мы увидимся с ней вечером.

– Вы договорились?

– Нет. Но я думал, что мы договоримся позже.

– Вы говорили, что, когда пришли к ней вчера, она еще не сняла куртку.

– Да.

– И это было вскоре после половины седьмого?

– Да.

– Доктор Тейлор закончила смену в половине шестого. Вы знаете, что она делала после окончания работы?

– Нет. Понятия не имею.

На этом опрос закончился, и врач с несчастным видом вернулся в свое отделение. Грег сочувствовал ему. Никому из них не хотелось, чтобы Алекс Тейлор попала в беду. Опросили также всех сотрудников больницы,

некоторых из них – очень подробно, и несмотря на то что всех их, естественно, потрясла смерть Фионы Вудс, беспокойство вызывало то, что никто не выразил удивления интересом следователей к месту пребывания Алекс Тейлор. Некоторые по собственному почину начинали говорить о ней, сообщая полицейским, как сильно их беспокоило ее состояние и что в последнее время она вела себя как-то странно.

Вне больницы Тёрнер провел два опроса – ему хотелось провести их лично. Первое собеседование с бывшим партнером Алекс (предположительно бывшим, если она уже увлеклась другим мужчиной), а второе – с ее начальницей, Кэролайн Коуэн. Оба они хорошо знали доктора Тейлор, и он надеялся, что они смогут дать надежные сведения и о ее местонахождении, и о ее здоровье.

* * *

Том Коллинз шел по главному коридору, когда Грег увидел его. Приветственно махнув рукой, он присоединился к судмедэксперту. Тот выглядел усталым, и Тёрнер догадался, что ему пришлось отдежурить ночную смену.

– Привет, Том. Похоже, у нас скверное дело? – сказал инспектор, завязывая разговор.

– Жуть. Фиона Вудс была хорошей женщиной. Когда я говорил с ней в последний раз, она расспрашивала о работе в Новой Зеландии. Хотела завербоваться туда. А теперь вот такая трагедия...

– Как, по-вашему, могла быть причастна к этому убийству доктор Тейлор? – прямо спросил Грег.

Том Коллинз остановился, и его плечи заметно поникли.

– Будет очень жаль, если это так. Еще одна на редкость способная женщина.

– Вы были здесь в ту ночь, когда ее привезли в отделение. Что вы думаете о том случае?

– Даже не знаю, – Том покачал головой. – Трудно сказать. Определенно, она пережила сильное потрясение, и поначалу я поверил, что мы столкнулись с изнасилованием, но это ничем не подтверждалось. Ее одежда осталась в полном порядке, ничего не было порвано, а при обследовании обнаружили только шишку на голове.

Тёрнеру хотелось доверительно поговорить с этим врачом, поделиться

с ним версией Лоры Бест. Хотелось узнать мнение беспристрастного человека.

– Один из моих подчиненных полагает, что она выдумала все это, страдая некоторой формой делегированного синдрома Мюнхгаузена, – сообщил инспектор.

Глаза судмедэксперта расширились, и Грег понял его скептическое отношение к такой идее.

– Скажем так, несколько натянутая версия, – заявил Коллинз. – Во-первых, сам я вряд ли пришел бы к такому заключению. Такой диагноз обычно основывается на специфичном характере поведения.

– А что, если имелась некая специфика? – предположил Тёрнер и сообщил медику о связи Алекс Тейлор со смертями Эми Эббот и Лилиан Армстронг, а также о сделанной ею ошибке с лекарством, об анонимном звонке и о надписи, оставленной на ее машине.

– При таком психическом расстройстве больные стремятся причинять человеку боль, а не убивать его – возразил Том. – Скорее уж можно предположить «убийства из сострадания», чем синдром Мюнхгаузена. Но даже и это будет натянутой версией.

Разговаривая, они продолжали путь и уже приблизились к выходу из больницы. Увы, последние замечания Коллинза не дали Грегу новых версий и не принесли утешения.

– В первом случае она вполне правильно вызвала полицию, и именно это вызвало подозрение, не так ли? Та женщина попыталась сделать сама себе незаконный аборт. Второй случай: это могло произойти с любым человеком. Ошибки с лекарствами бывают, но редко – особенно учитывая множество лекарств, используемых в «неотложке». Третий случай – наезд и бегство: звучит так, словно ваша Обеденная Лили попала в скверную ситуацию, связавшись с сумасшедшим клиентом. Ну, и анонимный звонок и сообщение, оставленное на машине доктора Тейлор, на мой взгляд, были злонамеренными шутками. – Том опять расправил плечи и размял шею. – Господи, как же я устал... Дело в том, Грег, что такую версию просто высмеют в нашей Королевской уголовной прокуратуре. У вас же нет ни малейших доказательств.

– А как насчет Фионы Вудс?

– Грег, кто бы ни убил ее, этот человек, насколько я могу судить, действовал как хладнокровный психопат. Давненько я не видел такого жестокого убийства. Само собой разумеется, я надеюсь, что вы ошибаетесь насчет доктора Тейлор. И ничуть не завидую вам, если вы будете пытаться продолжать расследование в этом направлении. – Выходя в стеклянные

двери, Коллинз небрежно махнул рукой на прощание. – Скоро увидимся, несомненно.

Тёрнеру тоже хотелось бы пойти домой в теплую кровать. Он с удовольствием забрался бы под одеяло и перестал быть следователем, обязанным вести дело Алекс Тейлор.

Глава 40

Небо потемнело, тяжелые тучи скрыли луну. Алекс дрожала от пронизывающего ветра, ощущая напряжение в ножных мышцах.

Тропа выглядела безлюдной, и доктор Тейлор, восстанавливая нормальное дыхание и сердечный ритм, смотрела, как трепещет под порывами ветра листва на деревьях. Здесь ничто не тревожило ее, и она, привалившись к стволу дерева, постаралась успокоиться.

В течение последней пары миль ее ноги подкашивались от страха при мысли о предстоящем вечере. Алекс была не готова вновь встретиться с ним, и больше всего боялась, что Ричард Сиккерт и Мэгги неправильно поймут это. Она начала приходить к мысли, что они были правы, склоняясь к тому, что похищение на парковке происходило лишь в ее воображении. Но, допустим, они ошибались и ее действительно похищали, причем не какой-то таинственный, выдуманный ею психопат, а тот самый тип, с которым ей предстояло встретиться сегодня вечером. Возможно, именно он похитил ее с автопарковки. Он же актер! Ему отлично известно, как изменять облик. С ее помощью он изучил роль врача. Она не смогла узнать голос издевавшегося над ней типа, но что, если именно он постоянно преследовал ее?

Он мог мстить ей за то, что она отвергла его. В его извращенном воображении могла родиться идея того, что она незаслуженно избежала изнасилования в прошлом году, и теперь он начал опять преследовать ее. Если так, то, возможно, он также причастен и к смерти Эми Эббот. И он мог убить Лилиан Армстронг. Но зачем это ему? С чего бы ему преследовать еще и их? Какая могла быть связь между ней, Алекс Тейлор, и этими женщинами? Эббот работала медсестрой. Мог ли он познакомиться с ней в больнице, когда изучал врачебный быт с Алекс? У них трудились больше трех с половиной тысяч сотрудников, но доктор Тейлор познакомилась с ней лишь как с пациенткой. А Армстронг занималась проституцией. Мог ли он также знать и ее? Мог ли украсть гаражный брелок Алекс и заманить эту женщину туда, где жила Алекс?

Доктор Тейлор пришла в ужас, подумав, что она права и что напавший на нее в прошлом году тип мог быть фактически серийным убийцей и насильником.

Она поняла, что ей необходимо вернуться к Мэгги и обсудить с ней эту версию. Ведь обе они могли быть в опасности, если есть хоть малейший

шанс того, что она права...

Неожиданно из кустов за ее спиной послышался странный звук, совершенно непохожий на шелест листьев на ветру. Алекс напряглась, ожидая, что кто-то может напасть на нее, и от страха ее прошиб пот. Прошла секунда-другая, но из кустов никто не появился. Судорожно вздохнув, она отскочила от дерева и побежала дальше по скользкой набережной к своей машине.

* * *

На лбу у заведующей отделением неотложной помощи вскочила большая шишка, а под глазом уже наливался цветом синяк, но это не мешало ей забрасывать свежие порции сена в стойла. Ее муж направил Грега во двор, сообщив, что конюшни находятся слева. Пообещав скоро приготовить чай, он предоставил инспектору возможность самому найти доктора Коуэн.

Крепкая и мускулистая заведующая усиленно трудилась, облаченная в клетчатую рубашку и заправленные в высокие резиновые сапоги джинсы. Тёрнер не представлял, как после таких трудов ей удастся проводить сложные операции, используя тонкие двигательные навыки для накладывания швов или для разрезания плоти. По-своему орудуя вилами, она выглядела натурально, как жена фермера.

Ее не удивил визит полицейского, и она сообщила, что, закончив работу в стойлах, собиралась поехать в больницу и поговорить с сотрудниками. Возможно, некоторые из них нуждались в консультации. Коуэн позвонила родителям Фионы Вудс и выразила свои соболезнования, и уже несколько раз с утра беседовала с главным врачом. Грег заметил, что лицо у нее припухло, то ли от слез, то ли из-за недавней травмы. При упоминании Фионы ее глаза наполнились слезами.

– У меня просто в голове не укладывается, что она умерла, – призналась Кэролайн, прекратив работу и опершись на вилы. – Не верится, что я больше никогда ее не увижу... – Она вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Когда вы в последний раз видели ее? – спросил инспектор.

– Вчера, – женщина тяжело вздохнула. – Кажется, это было в другой жизни...

– Она не говорила, что у нее появились какие-то неприятности?

– Только с Алекс. Мы все, похоже, в последнее время только о ней и говорили. Как мы все беспокоимся о ней... О ней! А теперь вот умерла бедняжка Фиона... – Кэролайн закрыла глаза и в отчаянии тряхнула головой. – Я виню себя! Мне следовало заставить Алекс взять отпуск, когда я впервые почувствовала, что у нее нервный срыв. Это моя вина... только моя. Она давно взывала о помощи, и я должна была помочь ей. Она начала выпивать. Подозреваю, что принимала и лекарства. Мне следовало еще вчера, сразу после этого, – врач показала на шишку на своей голове, – отправить ее в отпуск. Алекс обследовала меня и после тщательного осмотра спросила, не думаю ли я, что моя автомобильная авария связана с ее похищением. – Кэролайн тяжело вздохнула. – Как вам, вероятно, известно, врезавшийся в мой багажник водитель уже объявился. Да, я должна была немедленно отправить ее в больничный отпуск. А теперь из-за того, что я не разобралась с этим делом своевременно, на моей совести смерть молодой женщины...

Грега потрясла готовность, с которой доктор Коуэн осудила Алекс Тейлор. Все сказанное ею свидетельствовало о том, что она считает свою коллегу виновной.

– Вы, похоже, уверены, что именно Алекс убила Фиону Вудс, – заметил он. – Мне казалось, они были лучшими подругами?

– Были, – согласилась его собеседница, – но кто еще мог это сделать? Алекс уже несколько недель ходила взвинченной и расстроенной. Мне не раз звонили озабоченные коллеги, и давно уже следовало внимательнее прислушаться к их словам. Я приставила другого врача следить за ней, на случай ее возможных новых ошибок. Вы, вероятно, услышите – если еще не слышали – о том, что недавно она едва не дала человеку лекарство, которое могло убить его.

– Неужели так легко было ошибиться?

– Безусловно, нет, – Кэролайн покачала головой. – Она пришла на дежурство в подпитии – вот единственная причина, а Фиона попыталась скрыть это.

Тёрнера взволновала эта новость. Он не знал, что Вудс стала свидетелем ошибки с лекарством. Она могла покрывать Алекс, зная, что это была не оплошность, а злостная халатность.

Инспектор резко тряхнул головой, пытаясь избавиться от этой неприятной мысли. Подумав о таком варианте, он почувствовал себя предателем.

– Вчера вечером Фиона Вудс договорилась о встрече с одной из моих подчиненных, – сказал полицейский. – Но не пришла на встречу. Констебль

полагает, что та собиралась поделиться с ней историей, случившейся с доктором Тейлор в прошлом году.

– На нее напали, – с ходу выпалила Кэролайн Коуэн.

И вновь Грег испытал шок.

– Кто?

– Один актер, изучавший работу нашего отделения. Ему предстояло сыграть роль врача в каком-то телесериале, и он, скажем так, стажировался у Алекс.

– Она сообщила в полицию?

– Нет. Мы пытались уговорить ее, но она не захотела, – Коуэн осторожно коснулась шишки на лбу, и на лице ее отразилась печальная усталость. – Дело в том, – подавленно и сдержанно заметила она, – что я, в сущности, не слишком настаивала на обращении в полицию.

– Почему?

– Потому что сомневалась в ее словах. Она рыдала и в полном смятении говорила, что у нее нет никаких доказательств. – Кэролайн серьезно посмотрела на полицейского. – Я сомневалась. Понимаете, после того как она сообщила мне о его поповзновениях, он сам позвонил мне и заявил, что понимает, почему я позвонила его агенту с требованием прекратить посещения отделения, но ему жаль, что сначала я не поговорила с ним. Заявил, что собирался зайти ко мне и поговорить. Его встревожило, что Алекс слишком увлеклась им. Искала предлоги для встреч. Он считал ее очень хорошей женщиной и был благодарен за оказанную ему помощь, однако чувствовал себя несколько неловко, поскольку ему пришлось отвергнуть ее.

Осознав, что разговор подходит к концу, Грег задумчиво помолчал. Он уже не помнил, насколько давно сталкивался с делом, в котором ему так хотелось оказаться неправым. Ему хотелось, чтобы Алекс Тейлор была невиновной. И теперь, после всего сказанного этой заведующей, он разозлился из-за того, что никто не поддерживал Алекс. Ему стало плохо при мысли о том, что он не в силах спасти ее. Внезапно инспектор вздрогнул, почувствовав, как первые реальные сомнения закрались ему в душу. Она ведь могла быть виновной. Могла быть хладнокровной убийцей...

– Простите меня за резкость, – жестко произнес полицейский, – но, по моему, вы лично должны были сообщить нам о том инциденте. И неважно, поверили ли вы в него. Ваш долг – в первую очередь заботиться о своих сотрудниках, и вам следовало самой позвонить в полицию.

Сердито отвернувшись, Тёрнер тяжело вздохнул. Затем, вновь

взглянув на заведующую, увидел, что глаза ее полны слез.

– Откуда вам известно, как все было на самом деле? – сурово спросил он. – Вы же не знаете – может, на нее действительно напали и теперь ей самой приходится расплачиваться за чье-то надругательство нервным срывом, который разрушил не только ее, но и другие жизни... Откуда вы можете знать, что он не поступал так раньше? Что он с тех пор не нападал на других женщин? Мне необходимо узнать его имя, поскольку, безусловно, я должен буду нанести ему визит.

– Оливер Райан, – безжизненно произнесла Коуэн.

Инспектор впервые слышал это имя.

– Он что, знаменитость? Кинозвезда? Телезвезда или снимается в Голливуде?

– Нет, – Кэролайн вяло качнула головой, – он из тех актеров, которых вы сразу узнаете, но не можете вспомнить, где они играли, не помните даже их имен. Он снимался во множестве сериалов, играя разные роли... Играл какого-то водолаза, главного героя «Черных вод», про озеро Лох-Несс, где он погружается на подводной лодке, находит труп женщины и пытается доказать, что историю о лох-несском чудовище придумали для того, чтобы скрыть убийство, совершенное в тридцатых годах прошлого века. – Помедлив, добавила: – На самом деле фильм получился не слишком интересный.

Грег ничего не слышал о таком фильме. Придется, вернувшись в участок, порыться в «Гугле», чтобы собрать сведения как о фильме, так и о самом этом актере.

Он повернулся к выходу, но врач окликнула его. Ее взгляд был исполнен раскаяния.

– Мне действительно очень жаль. Даже не знаю, что еще сказать. Поверьте, я очень беспокоюсь об Алекс Тейлор.

Полицейский постарался, как мог, смягчить выражение лица, принимая ее заверения.

– Доктор Коуэн, когда мы найдем Алекс, ей понадобится крепкая и надежная поддержка. Понадобится поддержка близких людей.

Глава 41

В распахнутых глазах Алекс застыл ужас. Она пыталась восстановить спокойствие, и бумажный пакет надувался и сдувался, как кузнечные мехи, в ритме ее замедляющегося дыхания. Мэгги стояла сзади, мягко массируя ее напряженные плечи, и ободряюще говорила:

– Глубокий вдох и такой же выдох. Дыши медленно и спокойно. Не спеши.

Уже несколько дней у нее не случалось приступов паники, а сегодняшний начался совершенно неожиданно, когда она вытиралась после душа в спальне Филдинг. Закрыв дверь, Алекс увидела на вешалке свое платье подружки невесты. Оно было точно такого цвета, как то, что было на ней в ту роковую ночь. На нее нахлынули жуткие воспоминания о том, как она лежала на операционном столе, и внезапно Алекс почувствовала, что задыхается.

Когда ее дыхание стало более спокойным, она убрала пакет ото рта и устало сказала:

– Прости.

Мэгги ободряюще сжала ее плечи.

– Может, мы отменим встречу?.. Алекс, я обдумала все, что ты говорила, и теперь начала верить тебе, хотя пока мне непонятно, как тебя могли усыпить с помощью той маски. Мне так жаль, что тебе пришлось пережить такой ужас... извини, что вообще сомневалась в твоих словах.

Доктор Тейлор облегченно вздохнула, сердце ее взволнованно забилося, и, обернувшись, она уткнулась головой в грудь подружки.

– Спасибо тебе, Мэгги. Огромное спасибо.

– Я готова пойти в полицию вместе с тобой. И заставлю их услышать то, что ты должна им рассказать. Уж они-то сумеют быстро разобраться в этом деле.

– Они не поверят мне, – возразила Алекс и, подняв голову, устремила на Филдинг взгляд, исполненный мрачной убежденности. – Не поверят, Мэгги. Доказать это можно, только встретившись с ним лицом к лицу и заставив его признаться. И мне необходимо сделать это. Нужно покончить с этим кошмаром. Чтобы он не мог больше портить мне жизнь. Надо покончить с ним сегодня же вечером.

С задумчивой озабоченностью посмотрев на гостью, Мэгги в итоге кивнула.

– Ладно, не забывай только, что я буду рядом, – сказала она. – Вместе мы справимся с ним.

Целый час Алекс сосредоточенно готовилась к вечерней встрече, сохраняя спокойствие. Через пару часов она вновь увидится с Оливером Райаном, и ей понадобится вся ее смелость.

* * *

Грегу не понравился бывший приятель доктора Тейлор. Его раздражал добродетельный тон ветеринара. Казалось, упорно твердя, что Алекс нуждается в помощи, он восхищается сам собой. Последние десять минут Тёрнер выслушивал мнение Патрика Форда, еще не оставляя надежды услышать хоть что-то положительное о его бывшей девушке, но услышал лишь то, как ему жаль, что он не заметил раньше ухудшения ее состояния.

– Так тяжело смотреть, что любимый человек ведет себя подобным образом, – говорил Форд. – Я старался поверить ей. Действительно старался, но в конце концов здравомыслие восторжествовало.

Инспектор предпочел бы, чтобы этот «праведник» защищал Алекс, встав на ее сторону, настаивал, что ей необходимо поверить, и поддерживал ее до самого горького конца, когда наконец откроется вся правда. Но Патрик был самым заурядным человеком, как подозревал Грег, возможно, даже глуповатым и слабовольным. И тем не менее инспектору очень хотелось стереть уверенное и самодовольное выражение с красивой физиономии ветеринара.

Патрик Форд, разумеется, вполне мог быть хорошо образованным человеком и прекрасным профессионалом, он занимался благородным делом, помогая больным животным, – но при всем этом оставался своего рода идиотом.

Представив все так, словно он оказывает Тёрнеру великую честь, пригласив его в свой процедурный кабинет, где шло обследование собаки, ветеринар объяснил, что ему необходимо сначала закончить прием, после которого, если Грег согласен немного подождать, он сможет обстоятельно поговорить с ним об Алекс.

Подпирая стену, полицейский разглядывал анатомические плакаты кошек, кроликов и собак, дожидаясь, пока хозяин кабинета закончит принимать душ. В общем, Патрик вел себя, мягко говоря, странно. Грег пришел к нему по срочному делу, чтобы просто узнать, нет ли у него

сведений о том, где сейчас может находиться Алекс Тейлор, а этому парню приспичило, видите ли, перед разговором помыться в душе...

Тёрнер внимательно рассматривал разнообразные лекарства, аккуратно выставленные на виду в незапертом стеклянном шкафу, и подумал, нельзя ли привлечь его к ответственности за небрежное хранение медикаментов. К примеру, кетамин, безусловно, запрещено держать в открытом доступе: сюда мог незаметно зайти любой из его клиентов и утащить себе ампулу-другую этого галлюциногена.

Дверь открылась, и в кабинет вошла крепкая девушка в зеленом костюме, рубашке и брюках. Бросив на инспектора пристальный взгляд, она сняла с вешалки серую стеганую куртку, облачившись в нее, застегнула молнию, а потом, стукнув по двери в душевую, сообщила:

– Патрик, вы оставили незапертым шкаф с лекарствами. Я уйду, увидимся утром.

После чего, не сказав ни слова Грегу, удалилась через дверь, в которую вошла.

Эти двое являли собой странную парочку...

Тёрнер подумал, что он уже потратил тут зря много времени. Ему хотелось вернуться в участок и узнать, не появилось ли там новой информации. И тогда он сам решительно постучал в дверь душевой комнаты.

– Мистер Форд, вам известно, где сейчас находится Алекс?

В щель приоткрывшейся двери высунулась мокрая голова.

– Нет, но, когда она появится у меня, я непременно сразу же позвоню вам.

– Почему вы так уверены, что она появится у вас? – внимательно глянув в глаза Патрика, спросил Грег.

– У нас же роман, инспектор. Алекс понимает, что здесь она будет в безопасности. Она придет ко мне за помощью.

Полицейский испытал сильное желание расквасить этому парню нос. Его высокомерие потрясло. Слегка успокоившись, Тёрнер осознал, что у него есть более легкий и эффективный способ проучить его.

– То есть, как я подозреваю, сэр, вы по-прежнему считаете Алекс Тейлор своей подружкой?

Глаза Форда резко вытаращились, а голова отдернулась назад, точно от удара, и Грег едва сдержал злорадное ликование. Его так и подмывало спросить: «А что, разве вы не думали о том, к чему может привести ваше поведение?»

– А у вас что, есть какие-то основания для иных предположений? –

натянуто спросил ветеринар.

– Ни малейших, – инспектор пожал плечами. – Просто решил прояснить ситуацию. Нам будет нужно взять у вас ДНК для анализа, чтобы сравнить его с тем, что мы обнаружили на постельном белье и тому подобных вещах.

Лицо Патрика покраснело, но вовсе не от принятого горячего душа.

– Вы предполагаете, что в постели доктора Тейлор мог находиться кто-то другой?

Грег опять пожал плечами, изобразив смущение, словно хотел извиниться за случайно вырвавшиеся слова.

– Что вы, сэр, я уверен, что это окажется ваша ДНК, – бросил он, повернувшись к выходу. – Я не стал бы беспокоиться по этому поводу.

И, теперь уже сам довольно улыбнувшись, покинул Патрика Форда в состоянии значительно менее самоуверенном и высокомерном.

* * *

– Алекс, ты выглядишь великолепно, – оценила Мэгги, войдя в гостиную. – Жаль, что мы идем не на рождественскую вечеринку.

Со дня свадьбы Памелы Алекс успела похудеть, поэтому платье подружки невесты стало ей свободным, однако его цвет отлично гармонировал с ее каштановыми волосами и еще сохранившимся легким загаром.

Филдинг же облачилась в черный спортивный костюм и черные кроссовки, чтобы оставаться незаметной в темноте.

– Тогда тебе пришлось бы переодеться в более элегантный наряд, – с улыбкой ответила Алекс.

Завтра уже канун Рождества. Возможно, они и смогут празднично нарядиться, пойти в какое-нибудь славное заведение и провести Сочельник весело, уже не вспоминая о сегодняшнем вечере.

Мэгги вручила подруге бокал шампанского. Она и раньше давала ей немного вина, чтобы успокоить нервы. Выйдя на середину комнаты, они звонко чокнулись бокалами.

– За успех нашего дела! – решительно провозгласила хозяйка дома.

Осушив бокал, Алекс окинула гостиную пристальным взглядом. Филдинг успела украсить камин зелеными ветвями и великолепной композицией из красных и золотистых цветов. На рождественской елке,

раза в два выше, чем дома у Алекс, висели белые китайские фонарики, большие матово-золотистые шары и рубиново-красные сосульки. Это красивое дерево, высокое, пушистое и так элегантно украшенное, почему-то напомнило ей саму Мэгги Филдинг.

– За наш успех, – произнесла Алекс, позаимствовав часть уверенности подруги.

Глава 42

В туфлях Мэгги, великоватых и широковатых, Алекс чувствовала себя не слишком устойчиво. Минут пять или десять она простояла одна в темноте, замерев в настороженном напряжении. Если в ближайшее время не начнет двигаться, то просто рухнет на землю. Заверение подруги о том, что та припаркуется поблизости, успокоило ее меньше, чем она воображала. Ведь Мэгги ничем не поможет, если он решит сбить ее машиной.

Алекс чувствовала, как пульсирует жилка на виске. Головная боль, начавшаяся раньше, теперь резко усилилась. Она поняла, что выпила слишком много шампанского, почти не закусывая.

Услышав издали шум приближающегося мотора, доктор Тейлор выглянула с больничной автопарковки, высматривая свет фар. Какой-то автомобиль проезжал мимо ряда припаркованных машин, и она оцепенела от страха, ожидая его приближения.

Алекс едва обратила внимание на укол в левую ягодицу, но четко почувствовала жжение в бедре. Ноги почти мгновенно налились свинцовой тяжестью, а потом у нее начали путаться мысли. Сильное головокружение сопровождалось странной потерей чувствительности – она перестала ощущать собственное тело.

– Мэгги!.. – слабо вскрикнула Алекс, в отчаянии чувствуя, как жжение расплзается по всему телу.

Она должна сообщить подруге, что произошло. И тут на нее с мучительной ясностью снизошло понимание того, что же случилось с ней на этой самой парковке тем треклятым вечером. В памяти ожили все испытанные тогда ощущения: волна головокружения, ватные ноги, падение на колени, боль, скрутившая шею, давление, нехватка воздуха, кляп, а потом... провал. До сих пор она помнила только это. До этого момента, пока не почувствовала жжение в ноге. Такое же она ощущала и в тот вечер, когда вышла из отделения. Царапина на бедре и мимолетная мысль о том, что она зацепилась платьем за сучок, – доктор Тейлор тогда еще понадеялась, что на тонкой ткани платья не останется зацепки. Наконец она поняла, как ее похитили.

– Ты была права, Мэгги, – еле ворочая языком, промямлила Алекс.

Ее руки бессильно повисли, и она повалилась на землю. Ее глаза еще все видели и голова еще работала, но язык уже отказал ей. Она чувствовала

жесткость гравия под щекой и слышала его тихий хруст под чьими-то приближающимися шагами. Носок черной обуви появился в дюйме от ее глаз, так что видела Алекс его смутно. Она даже подумала, не собирается кто-то ударить ее ногой в лицо.

«Ты просто хотел запутать меня, вызвав ощущение вставленного в рот кляпа», – мысленно с горечью произнесла она стоящему рядом человеку. – Ты знал, что мне не поверят».

Жжение в ягодице и бедре подсказало Алекс, что теперь она все поняла правильно. «Он сделал мне инъекцию, Мэгги. Он всадил мне какой-то укол. О, черт, пожалуйста, помоги мне!»

Глава 43

В уголовном отделе толпилось множество полицейских. Они по-прежнему деловито названивали в разные инстанции, и по-прежнему по весьма серьезным причинам. В первый день на расследование убийства бросались все силы. Грег посмотрел на доски оперативно-разыскных мероприятий и подумал, что там появилось очень мало данных для целого дня работы. Но с другой стороны, сведения собирать было особо негде. Пока имелись одни лишь подозрения.

На доску повесили фотографию Алекс – ее поплечный портрет им выдали в больнице. На этом снимке она выглядела невероятно юной, и, взглянув на нее, Тёрнер, как обычно, почувствовал глубокую грусть.

Полиция продолжала ее поиски, уже обзвонив и предупредив о ее задержании аэропорты, а также железнодорожные и автобусные вокзалы. В дорожную службу сообщили описание и номер ее машины для отслеживания на автострадах, и, естественно, во все полицейские участки страны разослали ее фотографии.

Лора Бест с командой подручных рыскала по всей больнице, на тот случай если Алекс спряталась где-то там, – и все остатки репутации доктора Тейлор погибли в одночасье.

Грег почти надеялся, что Алекс уже пересекла Атлантику, сбежав от всех этих жаждущих схватить ее людей. Он предпочел бы, чтобы она перехитрила Лору. Ему хотелось когда-нибудь еще полетать с ней на вертолете. Глубоко вздохнув, он пожалел, что служит именно в полиции, а не в каком-нибудь менее «криминальном» месте.

Подойдя к одному из компьютеров, чтобы сделать задуманный поиск, ради которого он и приехал в отдел, Тёрнер вошел в Сеть и набрал в поисковой строке «Гугла» имя Оливера Райана. На мониторе сразу отразилось несколько популярных сайтов. В одном описании в глаза бросились слова «Темные воды» и «актер», и Грег открыл этот сайт.

Зазвонил его мобильник, и, вытащив его из кармана, он увидел на дисплее имя Джо. Мысленно охнув, осознал, что уже одиннадцатый час вечера, а он так и не позвонил сыну, как обещал. Отойдя от компьютера и удалившись в коридор, за пределы слышимости сотрудников, инспектор поздоровался с мальчиком и удивленно спросил:

– Ты еще не в кровати?

– Мне захотелось пожелать тебе спокойной ночи и уточнить, когда ты

завтра приедешь.

– А что у нас случится завтра? – спросил Грег, притворяясь, что забыл, какой завтра день.

– Отец, завтра же канун Рождества!

Отец? Это что-то новенькое. Джо начал забывать свои детские выражения.

– Неужели? Ты уверен, что не послезавтра? По моим подсчетам, впереди еще целый день...

– Прекрати свои шуточки. Ты же сам знаешь, что завтра Сочельник.

Инспектор улыбнулся. Он купил Джо подарок и знал, что эта вещь понравится мальчику. Модель вертолета с пультом управления, способная подниматься на высоту до двадцати футов. Ему не терпелось увидеть лицо сына, когда тот откроет подарок, и Грег надеялся, что сумеет завтра заехать в Оксфорд, чтобы вручить его.

– Джо, – сказал он, переходя на более серьезный тон, – я не собираюсь ничего обещать тебе, поскольку не могу полностью распоряжаться своим временем, но, если будет возможность, обязательно приеду.

Ребенок молчал – похоже, обиженно.

– Джо, ты же веришь мне? – спросил старший Тёрнер.

– Да, отец, – еле слышно ответил мальчик, и Грега пронзило чувство вины.

– Отлично. А теперь, старина, давай-ка хорошенько выспись, завтра тебя ждет большой день. Я хочу, чтобы завтра ты поднялся ни свет ни заря и помог маме – тогда вечером она тоже сможет отдохнуть.

– Она уходит.

– Правда? – изумленно произнес полицейский.

Раньше Сью никогда не уходила из дома в канун Рождества. Она торчала дома и готовилась к празднику.

Не выдержав, инспектор невольно спросил, далеко ли она собралась.

– Гулять с Тони, – ответил ребенок.

У Грега перехватило дыхание от подступившего к горлу комка. Когда-нибудь это должно было случиться. Сью – привлекательная женщина, и множество мужчин могло бы пожелать встречаться с ней. У него защемило сердце. Его первая настоящая любовь, его жена на протяжении десяти лет, похоже, начинала новую жизнь...

– А ты теперь можешь встречаться с Алекс, – добавил его сын, словно считал, что так будет справедливо. Раз у его мамы все наладилось, то теперь и папа мог завести новую подругу.

Но счастливые концы бывают только в сказках. Там нет скрывающихся

убийц и гонящихся за ними полицейских.

Тёрнер-старший вдруг осознал, что впервые подумал о докторе Тейлор как об убийце, и его прошиб холодный пот. Возможно ли, что она расправилась с Фионой Вудс? Зажмурив глаза, инспектор мысленно представил умершую медсестру, надеясь, что та находилась без сознания, когда ее скручивали и запихивали в ту стальную кабинку. Ее оставили умирать в замкнутом темном месте, где она не могла даже поднять голову и, возможно, чувствовала или даже слышала, как бурлит ее кровь, выплескиваясь на стенки тесного узилища. Это была совершенно дикая смерть, и только безжалостный убийца мог лишить кого-то жизни подобным образом.

Разве могла Алекс Тейлор быть таким человеком?

* * *

Алекс открыла глаза и тут же снова зажмурилась, ослепленная ярким светом ламп. Ее голова раскалывалась от боли, и попытка шевельнуть ею вызвала приступ тошноты. Что-то так сильно стягивало ее лоб, что она не смогла даже повернуть голову в сторону, и испугалась, что, если начнется рвота, она может задохнуться.

«Где же ты, Мэгги? Пожалуйста, скорее спаси меня!»

Рискуя вновь быть ослепленной, Алекс чуть приоткрыла глаза, разглядела круглые очертания и поняла, что оказалась в той же самой операционной, что и в прошлый раз. Убедившись, что ей вовсе ничего не пригрезилось, она не испытала ни малейшего утешения. Да, она уже была раньше в этом самом месте, думая, что ей суждено умереть, однако позже, придя в себя после наркоза, осознала, что все представлено так, будто с ней ничего не случилось. Однако теперь ей стало ясно, кто тогда похитил ее. Оливер Райан.

Собравшись с духом, Алекс опустила взгляд на грудь и увидела, что та покрыта зеленой хирургической салфеткой. У нее перехватило дыхание, когда она разглядела очертания своих поднятых и раздвинутых ног. Она вновь находилась в положении для литотомической операции. Ее икры до колен поддерживались желобами, лодыжки были закреплены в стременах, и, судя по холодящему тело воздуху, она поняла, что опять полностью обнажена, не считая салфеток.

На заднем плане звякали инструменты – сталью о сталь, – и ее

мгновенно охватил приступ тошнотворного страха. Он находился поблизости, готовился расправиться с ней.

Затаив дыхание, Алекс до боли стиснула зубы и постаралась подавить нарастающий ужас. Она должна быть сильной и думать о том, как выпутаться из этого положения. Надо верить, что ее могут спасти.

Стараясь вести себя как можно тише, чтобы не насторожить его своим пробуждением, Алекс попыталась оценить, насколько крепко закреплены ее ноги. Если он закрепил их только липучками, то оставался шанс, что ей удастся ослабить крепления и освободиться. Ее руки лежали на подлокотниках, но из-за салфеток она не видела, чем они привязаны. Попробовав одновременно пошевелить обеими руками, Алекс почувствовала, что крепления слишком жесткие.

Где-то над ухом внезапно запищал монитор, и она с обострившимся ужасом услышала, как бешено заколотилось ее собственное сердце. Громкие, быстрые удары напугали ее еще больше, поскольку свидетельствовали о том, что она пришла в себя. Очевидно, именно для этого он и подсоединил прибор – чтобы узнать, когда придет пора позабавиться с ней.

«Прошу, Господи, пусть оно стучит помедленнее, – мысленно взмолилась Тейлор, – пусть он не узнает, что я пришла в себя!»

Жалкая мольба, но, как ни парадоксально, частота ударов ее сердца понизилась. Алекс прокусила зубами нижнюю губу, когда он неожиданно склонился над ней. Его голова и плечи оставались вне зоны видимости, но прямо перед ее лицом маячила синева его хирургического костюма и руки в фиолетовых перчатках. Перегнувшись через нее, он подвесил пакет с жидкостью на стойку капельницы.

– Пожалуйста, Оливер, не делай мне больно! – стуча зубами, взмолилась она. – Умоляю тебя!

Он не удостоил ее ответом. Вместо этого удалился от операционного стола, и спустя мгновение Алекс услышала, как открылась металлическая дверца шкафа. Лекарства. Он выбирал лекарства. Ее мочевой пузырь опорожнился, и низ спины смочила горячая влага.

Разъяренный вопль Алекс заполнил помещение, и на несколько драгоценных секунд к ней вернулось чувство самообладания. Ее услышат. Кто-нибудь прибежит к ней. Ее крики услышат в коридоре. Врачи или медсестры, санитары или даже проходящие мимо посетители могли услышать ее. На этот раз она не согласится, ни за что ему не уступит. Почувствовав вкус крови на губах и плюнув в ту сторону, где, по ее догадкам, стоял ее мучитель, Алекс начала выкрикивать проклятия:

– Придурок! Трус! Дерьмовый отморозок! Я уничтожу тебя, придурок!

Ее охватила безумная ярость, на лице и груди выступила испарина, а отчаянное стремление к сопротивлению удвоило ее силы. Она попыталась подняться как можно выше, и ее спина оторвалась от стола на несколько дюймов. Движения головы ограничивались жесткими ремнями. Боль пронзила ее бедра и пах, ремни на ногах натянулись, а металлические края стремян врезались в лодыжки. В запястьях и в предплечьях появилась обжигающая боль, когда пленница, стремясь вырваться из ловушки, ожесточенно пыталась высвободить привязанные к подлокотникам руки. Напрягая все свои силы, она отчаянно извивалась и раскачивалась, надеясь ослабить или разорвать путы, ограничивающие ее свободу, но все усилия оказались тщетными.

Наконец, обессиленная и задыхающаяся, Алекс признала поражение. Ремни все так же крепко фиксировали ее голову, а руки и ноги оставались прочно закрепленными в подлокотниках и стремянах.

Все попытки оказались тщетными. Она беспомощна, как ребенок, и он может делать с ней все, что ему захочется. Некому бежать ей на помощь.

«О, Мэгги, пожалуйста, не медли! – опять мысленно взмолилась Алекс. – Пожалуйста, действуй, приходи скорее!»

Глава 44

Грег потягивал крепкий черный кофе, мысленно пытаюсь вспомнить все события, к которым оказалась причастна Алекс Тейлор за последние недели: голословное утверждение о том, что кто-то похитил ее, присутствие во время смерти Эми Эббот, присутствие во время смерти Лилиан Армстронг, присутствие во время почти фатальной ошибки с лекарством.

Доктор Тейлор фигурировала в каждом из этих случаев. Права ли Лора Бест, полагая, что только она может быть ответственной за все эти несчастья?

А теперь еще жестоко убита Фиона Вудс – и она тоже связана с Алекс. Лучшая ее подруга. И, по словам Кэролайн Коуэн, эта медсестра знала, как серьезно та ошиблась с лекарством. Не из-за этого ли знания ее убили? Ведала ли Фиона о каком-то преступном действии Алекс? Неужели из-за своей упрямой слепоты он, Тёрнер, неверно оценил ситуацию и теперь отчасти виноват в смерти Вудс?.. Грег глубоко вздохнул. Где же сейчас Алекс Тейлор? Куда или к кому она могла сбежать? Патрик Форд, видимо, думал, что к нему. Он чертовски самоуверен по части своего значения в ее жизни. Ничуть не сомневается в ее очередном шаге. Фактически, внезапно осознал инспектор, этот человек был уверен во всем. Он даже не спросил, зачем полиция ищет ее. Разве так поведет себя нормальный человек? Но, возможно, он ошибся в Патрике... Может, тот уже помог Алекс спрятаться...

Размышления инспектора прервали сидевшие вокруг коллеги – они начали греметь стульями и наперебой задавать какие-то вопросы. В отделе появилась Лора, и Грег заметил, что группа полицейских окружила ее и приветствует, точно вернувшуюся с войны героиню. Их голоса звенели от восхищения, и он понял, что она греется в лучах этой славы. Бест прекрасно смотрелась в элегантном темно-синем костюме и светло-вишневой блузке – видимо, заранее подготовила наряд для встречи с высоким начальством. Очевидно, констебль надеялась или предполагала, что оно нагрянет в участок в случае важного ареста, – и, вероятно, не ошибалась. Будет сделано официальное сообщение для прессы, и репортеры местных газет устремятся сюда, чтобы взять интервью у сотрудников. Тёрнеру вряд ли отдадут предпочтение в данном расследовании. У него нет парадной рубашки и костюма, и постричься он

так и не удосуужился, так что Лора имела высокие шансы оказаться в центре внимания.

С чем, интересно, она вернулась? По его последним сведениям, Бест установила наблюдение за больницей. Но выглядела констебль невероятно взволнованной. Ее глаза сияли, и она нервно покусывала зубами нижнюю губу. Грегу не пришлось долго ждать прояснения обстановки.

– Я охраняла место преступления. Вам надо срочно отправиться туда, – заявила Лора, обращаясь именно к нему, но постаравшись, чтоб к ней прислушались остальные.

Ее тон был наигранно любезным, словно она была начальником, а не наоборот.

Тёрнер медленно глотнул кофе, не проявляя особого интереса.

– О каком преступлении речь? – спокойно спросил он, не дав Бест удовольствия увидеть, как резко обострилось его внимание.

– Она бросила свою машину с северной стороны от больницы, незапертую, с открытой дверцей. Ее оставили примерно час назад, поскольку раньше машины там не видели. Она не могла далеко уйти, и держу пари, что сейчас она прячется где-то в больнице.

– Кто не мог далеко уйти? – уточнил инспектор.

– Разумеется, Алекс Тейлор, – ответила Лора с таким возмущением, словно ответ был и так очевиден.

Тёрнер медленно прошелся по комнате в ее сторону. Ему хотелось остановиться как можно ближе к ней, когда он сообщит ей то, что лишит сарказма ее голос; когда он сообщит ей, что если она еще раз позволит себе проявить неуважение к нему, то получит дисциплинарное взыскание.

Два обстоятельства помешали тому, что он собирался сказать: наглая ухмылка Лоры Бест и открытый интернет-сайт. Телефонный звонок Джо помешал инспектору сразу увидеть то, что было на этом сайте, а потом он забыл о нем.

На висевшей там небольшой фотографии в рамке был красивый светловолосый мужчина – он выглядел холемым, как человек, привыкший к утонченной роскоши. Его лицо показалось Грегу смутно знакомым. Рядом с фотографией имелись его данные, имя и даты жизни: Оливер Райан (1979–2016).

Мужчина, с которым Тёрнер собирался поговорить, был мертв.

* * *

Она закрыла глаза, не желая больше видеть слепящего света. Из глаз ее струились жгучие слезы, и боль смягчалась лишь когда она не открывала их. Сердце громко стучало, но уже не так часто, как раньше. Ритм его стал более приемлемым и ровным.

Вполне вероятно, что, несмотря на молодость и хорошую спортивную форму, у нее случится сердечный приступ, если к ней применят какие-то жуткие пытки. Эта мысль показалась Алекс почти приятной. Быстрая смерть – и он не сможет больше властвовать над ее жизнью.

Когда он в очередной раз подойдет к ней, она не станет подавлять страх, не станет отстраняться от того, что с ней случилось и что он еще может с ней сделать. Она позволит ему воздействовать на ее мозг, и тогда, надеясь, что сердце предаст ее, сможет просто умереть.

Почувствовав его приближение, доктор Тейлор затаила дыхание и заставила себя открыть глаза.

И мгновенно ее затопила волна огромной радости, а из глаз у нее хлынули слезы. Горло так сжалось, что она не могла говорить. Ее молитвы наконец услышаны. Над ней маячило лицо Мэгги.

Она не сообразила сразу спросить, когда и как ее подруге удалось добраться сюда, поскольку думала уже только о том, как им поскорее выбраться на свободу. Ведь он где-то поблизости, и если схватит Филдинг, она тоже будет в опасности.

– Освободи меня, – взволнованно прошептала Алекс. – Быстрее, пока он не вернулся.

Мэгги оглянулась назад и опять взглянула на свою подругу.

– Его здесь нет.

– Значит, он отошел ненадолго, – уверенно ответила Алекс. – Быстрее, Мэгги! Он может вернуться в любой момент. Освободи мне руки.

Филдинг приподняла зеленое покрывало и тут же опустила его обратно.

– Ты обнажена.

– Забудь об этом! – прошипела пленница. – Просто помоги мне встать с этого проклятого стола.

Мэгги прикусила губу; казалось, вот-вот – и заплачет.

– Он больше ничего не сделает, – прошептала она, перебирая хирургические инструменты и тратя драгоценные секунды. – Я же говорила тебе, что все происходило не так, как тебе запомнилось.

– Мэгги, сейчас некогда рассуждать! – в отчаянии прошептала Алекс. – Пожалуйста, поторопись, а то он убьет нас обеих.

Филдинг взяла что-то в руку и пылко воскликнула:

– Смотри-ка, Алекс! Посмотри, что я нашла! – В ее пальцах темнел маленький резиновый диск с подсоединенным к нему тонким проводом. – Тебе ведь знакома эта вещица, верно? – Она шумно перебирала содержимое металлического подноса, звякая инструментами, и упорно что-то искала.

– Да брось ты заниматься ерундой! – шепотом возмутилась Алекс. – Пожалуйста, Мэгги...

– Я не могу! Ты же понимаешь, что это означает! – Филдинг отошла от изголовья, и доктор Тейлор услышала шум поспешных поисков. – Он где-то здесь. Я уверена! – Она быстро вернулась и, ощупав койку вокруг головы Алекс, издала облегченный вздох. – Господи, это было так... – Держа какой-то квадратный серебристый предмет размером не больше спичечного коробка, ловко подсоединила к нему резиновый диск и вновь вздохнула. – Так чертовски просто...

Поднеся этот черный резиновый диск к своим губам, она закончила фразу:

– Так легко одурачить тебя.

Алекс дернулась, точно от электрического удара, и ее глаза расширились от ужаса. Этот голос! Его голос! Его издавала Мэгги! Боже милостивый, неужели это правда?! *Мэгги*, та самая Мэгги, которой она доверилась, которая поверила ей, помогала...

Филдинг безжалостно рассмеялась, и прозвучавший вдруг мужской голос ужаснул пленницу. Ей даже в голову не приходило, что с ней могла говорить женщина.

Простой миниатюрный преобразователь голоса, гаджет, спрятанный под хирургической маской, сбил ее с толку, заставив подумать, что с ней говорил мужчина. Хотя на самом деле рядом с ней стояла переодетая Мэгги, в маске, костюме и паре фиолетовых перчаток, создавая некий правдоподобный воображаемый образ. Задействовав ослепительный свет и связав ей руки, она даже заставила ее поверить, что в вены ей вставлены катетеры, хотя на самом деле никаких следов уколов на ее коже не обнаружили. Полоска скотча удерживала пластиковую часть катетера на ее коже, создавая видимость некой медицинской драмы. Да, как и сказала Филдинг, ее было легко одурачить.

Убрав чертов гаджет от губ, Мэгги вздохнула и улыбнулась Алекс:

– Ты удовлетворена?

* * *

Путь по обеим сторонам дороги преграждала сине-желтая лента, а за ней дежурили два полицейских автомобиля. Машины сюда заезжали лишь изредка, и Грег понял причины столь малой загруженности этой дороги. Выход с северной стороны больницы на ночь закрывали, поэтому весь транспорт подъезжал к главному входу. Что снижало уровень шума для соседних домов.

Больничным охранник притопывал ногами от холода. Когда Тёрнер прибыл, он уже нес свою вахту, дежуря, по заданию Лоры Бест, с момента обнаружения машины Алекс. Грег осознал, что бедняга, должно быть, уже промерз до костей.

– Эй, парень! – окликнул его инспектор, и охранник окинул его пристальным взглядом. – Иди погрейся, выпей горячего кофейку.

– Привет. – Мужчина повел одеревеневшими плечами. – Прислать кого-нибудь из коллег мне на смену?

– Не надо, – Тёрнер покачал головой, – скоро здесь появится толпа полицейских. Может, вы просто сообщите местной администрации о том, что здесь происходит? Мы пока еще ничего не сообщили никому из больничного начальства.

– Как скажете. Я доложу им, – ответил охранник.

На заочневших ногах он неуклюже побежал в сторону больницы, а Грег натянул пару латексных перчаток, собираясь обследовать машину. Осторожно, словно боясь потревожить возможные улики, подошел к «Мини» и заглянул в окна. Пусто, внутри Алекс спрятаться не могла. Присев на корточки со стороны водительского сиденья, полицейский нащупал защелку, открывающую багажник. Решив для начала заглянуть туда, вытащил из кармана куртки карандашный фонарик и включил его. В голове у него пронеслись картины обнаруженной в кабине подъемника Фионы Вудс, и он вдруг осознал, что боится обнаружить очередной труп.

Грег успокоился, пробежавшись взглядом по содержимому багажника, где, к счастью, не оказалось никакого трупа. Спортивная сумка с логотипом фитнес-центра, в которой, открыв молнию, инспектор обнаружил спортивную одежду, туалетные принадлежности и полотенце. Пара высоких зеленых резиновых сапог, начатая упаковка из шести поллитровых бутылок воды – одна бутылка отсутствовала. Картонная коробка с медицинскими приборами, бинтами, перевязочными материалами, различными упаковками шприцов и трубочками для внутривенных инъекций. Переместив коробку в сторону, Тёрнер заметил, что она стояла на какой-то одежде, и его сердце екнуло, когда он разглядел большую черную толстовку с капюшоном.

Под ней оказался пакет с голубыми синтетическими больничными покрывалами, вроде тех, что используются в ходе операций. Судя по тому, как их сложили, ими уже пользовались. Слегка отвернув край сложенной ткани, полицейский посветил внутрь фонариком и увидел бурые пятна. Дрогнувшей рукой он выпустил край материи, и та легла на прежнее место. Отодвинув пакет в сторону, Тёрнер увидел под ним на самом дне багажника запасную шину. «Пирелли».

Направленный на углубления протектора луч фонарика высветил застрявший в них черный гравий.

Грег коснулся пальцем желобка, и кончик его синей резиновой перчатки стал темным и слегка липким. Гудрон. Теперь инспектор понял причину необычайного волнения Лоры. Она уже порылась в багажнике и явно знала, что он обнаружит, но предпочла оставить у машины охранника, а сама поспешила обратно в участок, чтобы именно Тёрнер нашел эти улики, а она стояла бы в кругу коллег, когда ему придется сообщить об этой находке. И тогда погрееется в лучах славы, поскольку выдвинула верную версию. Безусловно, Бест сочла, что если бы они раньше обыскали машину, то предотвратили бы убийство Фионы Вудс. Тёрнер мог бы предотвратить ее смерть...

Услышав звук дизельного двигателя, Грег оглянулся и увидел, как по узкой дороге к ним приближается фургон с криминалистами. Он призывно махнул рукой невидимому водителю.

Ему стало совсем тошно. Каждый раз, когда он не хотел верить в виновность Алекс Тейлор, внезапно объявлялось доказательство того, что он ошибался. И это доказательство прямо сейчас выглядело ошеломляюще. Всё в ее машине свидетельствовало, что именно она убила Лилиан Армстронг.

– Сэр? – окликнули инспектора.

– Что?

Прибывший на место преступления полицейский констебль направил луч фонарика в салон «Мини». Грег подошел к нему.

– Там, на пассажирском сиденье, валяется пустая упаковка из-под таблеток.

Констебль посветил фонариком со стороны водительской дверцы, и Тёрнер увидел пустые блистеры. Взяв один из них, прочитал на надорванной фольге название: диазепам.

Вот дерьмо. «Черт побери! – подумал Грег. – Видимо, она приняла слишком большую дозу».

Глава 45

Осознавая, что так жестоко обманута, Алекс еще не оправилась от шока. Взгляд Мэгги свидетельствовал, что все это правда. Он полыхал ненавистью, яростью и злорадством.

Однако одновременно с чувством страха и потрясения этим открытием примешивалась печаль от потери человека, которого Алекс успела полюбить.

– Что я тебе сделала? – с трудом разлепив побледневшие сухие губы, спросила она. – Я не понимаю, Мэгги. Что я тебе сделала?

Плевков ей в лицо ощутился почти как физический удар. В такую гнусность было почти невозможно поверить. Однако слюна, стекавшая по ее щеке, являлась доказательством того, что Филдинг думала об Алекс.

Мэгги склонилась так близко к пленнице, что теперь их лица разделяла всего пара дюймов. Ее горячее дыхание коснулось щеки Алекс, когда она прошипела:

– Доводилось ли тебе видеть смерть?

Доктор Тейлор прикрыла глаза перед лицом такой жгучей ненависти.

– Разумеется, доводилось, – ответила Филдинг сама себе тем же ледяным шепотом. – Ты сталкиваешься с ней ежедневно... Однако далеко не каждый день приходится видеть, как уходит любимый. Я видела смерть Оливера. Чертовски неприятная картина. Веревка... его лицо... почерневший язык... Эта картина навечно впечаталась в мою память, я живу с ней. И я осудила их, Алекс. Я осудила каждую из них. И у меня есть на это право. Некоторые женщины... содержанки, проститутки, шлюхи – они выставляют напоказ свои прелести, а потом прикидываются скромницами и отказывают... А те, кто поумнее, предпочитают соблазнять и дразнить. Женщины типа тебя полагают, что вправе совращать мужчину с пути истинного. Порядочного мужчину.

Кардиомонитор рядом с Алекс предательски запищал, сообщая, что частота ее сердцебиения превысила предел безопасности. Она оживила в памяти прошедшее утро, когда Мэгги пришла в кухню, помахивая листами бумаги, скачанными из Интернета. Оливер Райан играл в Бате в какой-то исторической драме. Как же он мог умереть... Если только Мэгги не солгала. А она наверняка солгала. Устроила ловушку, вынудив Алекс поверить в то, что она идет на встречу с ним...

Осознание того, что все это было спланировано, ужаснуло ее еще

больше. Очевидно, Филдинг уже давно задумала отомстить ей, погубить ее.

– Мэгги, я даже не пыталась соблазнить его. Это он напал на меня, – сказала пленница.

Внезапно к ее рту прижали салфетку, едва не сломав ей зубы. Боль в челюсти передалась в шею. Зажимая ей рот, Филдинг навалилась на свою руку всем телом.

– Заткни свой поганый рот. Оливер никогда не нападал на женщин. Он в жизни не польстился бы на такую стерву, как ты.

Мэгги сдвинула салфетку немного выше, закрыв Алекс нос, и та потеряла возможность дышать. Стремясь получить доступ к воздуху, чуть приподняла голову, задрал нос повыше. Но салфетку уже убрали с ее лица, и она смогла отдышаться.

– Я едва не поддаюсь искушению сразу прикончить тебя, – тяжело дыша, процедила Филдинг. – Подозреваю, что на это ты и надеялась. Но у нас, Алекс, впереди еще долгая ночь. Масса времени для осуществления моих планов. Тебе нужно отдохнуть. Мне хочется, чтобы твое состояние соответствовало тому, что я задумала. Однако лучше веди себя тихо...

И она с угрожающим видом поднесла к лицу Тейлор медицинский степлер.

Несмотря на страх, Алекс не собиралась подыгрывать ей. Она решила не сопротивляться, а полностью принять свою участь, надеясь, что умрет от страха, и тогда все наконец закончится. Но не смогла. У нее все еще теплилась надежда на какой-то спасительный шанс.

– Мэгги, тебе все равно не уйти от правосудия. Когда меня найдут, полицейские начнут искать тебя. Они обнаружат связь между нами и придут за тобой. И приведет их к тебе Оливер. Они выяснят, что он был твоим другом.

Филдинг рассмеялась – правда, смех ее прозвучал фальшиво.

– Оливер был актером. Он оберегал свою личную жизнь. Никто не свяжет меня с ним. Он любил меня и хотел защитить, поэтому наша с ним связь оставалась тайной.

Алекс отчаянно захотелось обидеть, уязвить ее. Спровоцировать безумную ярость, лишив ее нынешней уверенности и самообладания.

– Он не любил тебя! – воскликнула она. – Скорее всего, просто использовал. Ты же богата, Мэгги. Твой дом стоит целое состояние. Ты сама говорила, что он ходил в твой дом только ради родительской студии. Да, он использовал тебя! А тайну хранил лишь для того, чтобы спокойно развлекаться при этом с другими женщинами...

Возле ее головы прозвучал резкий щелчок степлера, и Тейлор с трудом

перевела дух. Приставив степлер к ее голове, Филдинг лязгала им снова и снова.

– Шлюха. Лживая маленькая шлюха. Если ты не заткнешь свой рот, то я зашью его намертво.

На глаза пленницы навернулись слезы, затуманившие лицо Мэгги. Но она набралась смелости и продолжила дразнить ее. Алекс предпочитала разъярить ее, добившись привилегии быть убитой мгновенно, а не длить жалкое ожидание смерти.

– Ричард Сиккерт свяжет тебя со мной. Он сообщит полиции, что ты послала меня к нему. Он выведет их на тебя, Мэгги.

На этот раз смех Филдинг прозвучал искренне.

– Дура. Почему бы мне не послать тебя к нему для получения профессиональной помощи? Всем известно, что ты психовала. Доктор Сиккерт всего лишь подтвердит то, во что все уже поверили. Ты ведь сошла с ума! – И она слащаво пропищала с какой-то безумной ухмылкой: – Ах, Мэгги, я так боюсь! Помоги мне, Мэгги, помоги мне! – Больно щелкнула пальцем по лбу Алекс. – Я вообще не понимаю, зачем Оливер тратил на тебя время. Ты и в самом деле полная дура. Но это уже не имеет значения. Он умер, и к завтрашнему дню с тобой тоже будет покончено. А сейчас мне надо все подготовить. Полежи здесь и отдохни. Тебе понадобится еще много сил. Я рассказывала тебе о своих планах? – Она мило улыбнулась.

Тейлор могла лишь пристально смотреть на нее. Ведя себя таким образом, Мэгги, должно быть, сама обезумела. Ею завладела безудержная ненависть.

Теперь понятно, что разрушение жизни Алекс тщательно спланировали. Филдинг намеренно вошла в ее жизнь, чтобы уничтожить ее.

– Они отыщут тебя, Мэгги.

– Нет, не смогут. Ты же сама говорила им, что тебя похитил мужчина.

* * *

В больничной столовой, специально открытой администратором, собралось множество полицейских. Грег призвал их к тишине.

– Рассаживайтесь и слушайте внимательно, – громко сказал он.

Лора Бест, по-прежнему выглядевшая бодро и безупречно, сидела в первом ряду. Она подпитывалась адреналином предстоящих поисков.

Администратор срочно вызвал директора, и полиции предоставили комплект архитектурно-строительных чертежей больницы. Также призвали начальника городской пожарной охраны, поскольку тот лучше всех знал больничную территорию.

Сдвинув столы в помещении столовой, он разложил на них чертежи. Ему предстояло объяснить полицейским тонкости планировки, после чего Грег разделит команду на отдельные поисковые группы. Тёрнер наконец признал правоту Лоры Бест и то, что Алекс Тейлор, вероятно, скрывается где-то на территории больницы. Она имела преимущество, зная, где можно спрятаться. Поиски затруднялись многочисленными постройками, разбросанными по всей территории. Больничный комплекс выглядел как небольшой городок.

Еще до прихода в столовую Грег, ответив на звонок мобильного, с удивлением услышал голос Себа Морриса и приглушенный, но отчетливый шум вращающихся вертолетных лопастей.

– Себ, что вы там делаете? – удивился он. – Вам нельзя вмешиваться в наши поиски. Зачем вы поднялись в воздух?

– У нас утопленник, – холодно ответил Моррис.

У Грега перехватило дыхание.

– Вы нашли Алекс?

– Нет, – ответил Себ, уже менее враждебно, – мужчина, среднего возраста... Только что вытащили его тело из реки. Говорят, что у него военный жетон, и вам надо прислать кого-то, чтобы идентифицировать его личность.

Узнав, что это не доктор Тейлор, полицейский с облегчением вздохнул.

– Но я остаюсь здесь, чтобы помочь в ее поисках, – добавил Моррис.

– Себ, вы все равно не имеете права вмешиваться. Это дело полиции.

– Вы ошибаетесь, Тёрнер. – В голосе пилота явно прозвучал гнев. – Алекс не обидит даже мухи. Вы ужасно ошибаетесь, если хоть на минуту подумали, что она могла быть тем, кого вы ищете. Фиона Вудс была ей как сестра, а теперь убийца Фионы добрался до самой Алекс.

– Мы должны найти ее, Себ. Нам нужно допросить ее, – спокойно ответил инспектор, – и если вы что-то узнаете о ней, то должны сообщить мне.

– Я ошибся на ваш счет, Грег, – с горечью произнес Моррис. – Думал, что вы настоящий мужик, думал, что вы более проникательны. Я остаюсь здесь, и не пытайтесь остановить меня. Алекс в опасности, а вы слишком тупы, чтобы понять это.

Мнение этого человека – не его личные заморочки, а мысли по поводу

случившегося – потрясло Тёрнера. Допустим, он прав и Алекс Тейлор не прячется, а попала в западню настоящего убийцы. Пустые упаковки из-под таблеток в ее машину, возможно, подкинули специально. Она могла быть уже мертва – и тогда все, считавшие ее виновной, ошибались. Неопределенность и нерешительность навалились на инспектора тяжелой ношей. Однако он не мог позволить чувствам ослепить себя, не мог больше прятаться от правды.

Вчера Грег опять просматривал дневные видеозаписи камер слежения – и едва не пропустил то, как один санитар катил по коридору крытую тележку. Вскоре после этого Тёрнер поговорил с этим парнем и узнал, что на подобных тележках перевозят грязные инструменты и мешки для прачечной. В это время дня для вывоза обычно всегда пользовались такими большими крытыми тележками, а простые столики на колесиках использовались в случаях быстрого возврата, и обычно только для каких-то особых, специализированных типов аппаратуры. Санитар попал в кадр сразу после шести часов вечера, а Фиону Вудс видели на первом этаже около операционного отделения в двадцать минут седьмого. Алекс Тейлор могла знать о таких перевозках и, прикинув, что именно пока не понадобится, использовать столик на колесиках, чтобы спрятать тело Вудс. По словам Натана Белла, когда тот пришел к ней домой в тот вечер, она еще не сняла куртку. Может, не снимала ее, чтобы скрыть кровь Фионы...

Но самой убийственной уликой из всех обнаруженных стала находка, переданная Грегу Питером Спенсером полчаса назад. В шкафчике Алекс Тейлор обнаружили ее мобильник. Последнее сообщение она отправила Фионе: «Встретимся в операционном отделении. Я нашла ту самую палату. Ты понимаешь, что я имею в виду». Это сообщение отправили в две минуты седьмого.

С такой важной уликой Тёрнер не мог больше игнорировать истинное положение дел.

Все внимание полицейских было направлено на Грега. Они ждали его распоряжений.

– Не забывайте, что в этих зданиях лежат больные, и им нужен уход, – заговорил он. – Не отвлекайте персонал без необходимости. Тщательно обыскивайте каждый объект, чтобы не пришлось повторять поиск, и только после этого переходите к следующему. Все выходы заблокированы, поэтому если она где-то на территории, то сбежать не сможет. А сейчас начальник пожарной охраны подробно ознакомит вас со схемой расположения зданий и служебных помещений. Слушайте внимательно, ничего не пропуская. И в заключение, – он вздохнул, избегая

торжествующего взгляда Лоры Бест, – будьте осторожны, когда обнаружите ее. Она может быть вооружена и опасна. Заметив что-то подозрительное, вызывайте подкрепление.

– Вы привлекли вооруженных сотрудников? – спросила Лора.

– Нет, – инспектор покачал головой.

– Вы же только что сказали, что она может быть вооружена и опасна, – почти ожесточенно заявила Бест. – Я думаю, сэр, вам следует изменить это решение.

Грег достаточно натерпелся от ее наглой позиции «мне позволено все что угодно». Ему захотелось раз и навсегда отделаться от нахальной маленькой карьеристки, даже если это будет ему дорого стоить.

– Детектив-констебль Бест, когда мне понадобится узнать ваше мнение, я спрошу его. И прошу вас не думать, что наша неблагоразумная пятиминутная близость дает вам право командовать мной и остальными сотрудниками. – Тёрнер выразительно взглянул на Денниса Моргана, чьи щеки мгновенно заалели. – Вы будете получать приказы так же, как и все остальные сотрудники, и выполнять их согласно инструкции. Вам все ясно?

Молчание в столовой было оглушительным, и Грег понял, что только что погубил свою карьеру. Но оно того стоило. Он видел, как многие полицейские, потрясенно взглянув на него, переводили взгляд на Лору, пренебрежительно покачивая головами. Определенно, оно того стоило – хотя бы ради того, чтобы лишить ее тайной власти над ним.

Глава 46

Алекс дрожала от холода. Простыня под нижней частью спины промокла. Ее била дрожь, и она мучилась от жажды. Пакет капельницы над ее головой по-прежнему оставался полным, и она могла лишь заключить, что либо Мэгги намеренно не открыла его, либо просто не подсоединила к ней систему для внутривенных инфузий. Возможно, в ее руках, скрытых под операционной салфеткой, нет никаких катетеров. И тогда все это лишь очередная видимость. Позже она очнется и обнаружит, что все это делалось лишь для того, чтобы запудрить ей мозги. Никаких следов игл, никаких улик, доказывающих то, что происходило с ней...

Как же умно действовала Филдинг! Она превосходно разыграла первое похищение таким образом, чтобы никто не поверил ее жертве. Алекс выглядела сумасшедшей, пытаясь добиться того, чтобы ей поверили полицейские, коллеги и Патрик. Да и могли ли они поверить, если, помимо усыпления, с ней ничего не случилось?

Теперь ее оставили в одиночестве. Прошло уже, может быть, больше часа, и Алекс совершенно не представляла, сколько вообще сейчас времени. Она лежала в изолированном тихом помещении, кардиомонитор выключили, свет тоже погасили. Ничто не позволяло думать о какой-то опасности. Мэгги просто все выключила и ушла, оставив ее в темноте.

В сознание Алекс закралась и крепко обосновалась мысль, что Филдинг бросила ее здесь навсегда. Она осудила ее на медленную смерть от жажды и холода. Постепенно начнут отказывать органы, ослабнет сердце, побледнеет и похолодеет кожа. Она станет апатичной, болезненно чувствительной, затем начнется бред, откажут почки, и в итоге жизнь окончательно покинет ее.

Тейлор подумала о своих любимых людях, о тех, кого ей суждено покинуть в этом мире. Скоро ли они поднимут тревогу?

Ее мать – безусловно, завтра. Она удивится, почему дочь не позвонила в Сочельник, чтобы договориться о праздновании Рождества. Кэролайн тоже встревожится, так как Алекс должна была выйти в утреннюю смену. Фиона также выйдет с утра – доктор Тейлор проверила, в какую смену работает ее подруга, поскольку собиралась вручить ей купленный подарок. Вудс обожала красивые вещи, и Алекс, увидев голубовато-серую атласную пижаму, не колеблясь, купила ее, зная, что она как раз понравится Фионе.

А Натан, возможно, хватится ее еще быстрее. Может, он даже уже

звонил, чтобы пожелать ей спокойной ночи. Вдруг он подумает, что она пошла к Патрику, раз не ответила на его звонок? Алекс надеялась, что не подумает, поскольку, если она не выживет, ей не хотелось оставлять его с обостренным чувством вины.

Ласки Белла доставили ей совершенно новое наслаждение – такого она не испытывала даже с Патриком в начале их романа. Тот никогда не прикасался к ней лишь потому, что испытывал такую потребность. Натан же целовал и касался ее так, словно сгорал от желания. Даже уснув, он нуждался в том, чтобы она лежала совсем рядом...

Внезапно Алекс вздрогнула, услышав громкие щелчки. Мэгги вернулась и теперь находилась где-то рядом в темноте. Пленница задрожала от страха. Неужели Филдинг стояла там все это время, просто ожидая нужного ей момента?

Щелчки прекратились, и Алекс зажмурилась от загоревшегося света. Сияние, как обычно, ослепило ее.

Лицо Мэгги на мгновение заслонило свет, когда она склонилась над операционным столом и весело произнесла:

– Пора вставать...

Алекс слышала, как Филдинг отошла за изголовье. Сработала сигнализация включившейся аппаратуры, зашумел прибор, и доктор Тейлор мгновенно узнала этот звук: включился аппарат искусственной вентиляции легких.

Ну, наконец-то! Ожидание закончилось. На этот раз Мэгги Филдинг усыпит ее и нанесет травмы, несовместимые с жизнью. Представляя, через что ей придется пройти, Алекс испытала реальную физическую боль. Возможно, ей перережут горло или даже расчленят, в зависимости от творческих планов Мэгги.

В предчувствии близкой смерти она заплакала.

Но вот из-за заполняющего ее сознание страха выплыло лицо матери. Она улыбалась – ласковой, спокойной улыбкой, и Алекс вдруг успокоилась. Все скоро закончится, и она даже ничего не узнает. Цепляясь за образ матери, Алекс перестала плакать.

Аппарат продолжал работать, создавая ритм нормального дыхания. Доктор Тейлор слышала, как зашипел баллон сжатого газа, начав выпускать содержимое. Пронзительные свистки и гудки свидетельствовали о безопасности выпускаемых доз.

Перед ней вновь возникло лицо Мэгги. Поверх голубого костюма она надела еще и хирургический халат. На голове у нее была голубая одноразовая шапочка, а руки по-прежнему скрывались под фиолетовыми

резиновыми перчатками. Она подготовилась к операции.

Как ни странно, привычное хирургическое облачение не вызвало у Тейлор ужаса, а, напротив, еще больше успокоило ее. Алекс осознала, что можно обмануть страх. Ведь Мэгги Филдинг была врачом, а значит, она попала в надежные руки. Мысленно Алекс повторяла эту фразу как мантру, сосредоточившись на сущности слов и заполняя ими свой ум. «Мэгги Филдинг – врач, значит, я попала в надежные руки».

– Я еще не успела рассказать тебе о своих планах, – вмешалась в ход ее мыслей Мэгги. – Ты ведь помнишь, Алекс, азы анестезии? Разумеется, помнишь. Возможно, я излишне высокомерна, но на тот случай, если ты забыла: анестезия – это медикаментозный сон, используемый для устранения болевых ощущений.

«Мэгги Филдинг – врач, значит, я попала в надежные руки».

Тейлор уже не просто произносила, а мысленно кричала эти слова.

– Представляешь, что будет, если анестезия лишь обездвижит тебя? Разумеется, придется искусственно вентилировать твои легкие, иначе ты не сможешь дышать. Да, ты будешь в сознании, но обездвижена. И боль... в общем, ты будешь чувствовать боль. Ты почувствуешь все, что я буду с тобой делать.

Мэгги взяла шприц, наполненный жидкостью.

– Не правда ли, Алекс, это отличный план?

* * *

Заканчивался уже второй час поисков, и безупречная внешность Лоры Бест несколько изменилась. Ее волосы промокли от дождя, тушь стекала с ресниц черными ручейками. Правым рукавом пиджака констебль зацепилась за острый выступ в одном из складских помещений и слегка порвала его. Она сильно вспотела, а от высоких каблуков ее ноги мучительно болели.

Лора устала, хотела пить и чертовски злилась на Грега Тёрнера. Как он посмел поставить ее в такое постыдное положение перед всеми сотрудниками? Она слышала за спиной сдавленный смех одной из напарниц и мысленно поклялась, что найдет способ проучить ее. Что же до самого Грега, то если тот думал, что, открыто заявив об их связи, останется безнаказанным, то он быстро поймет свою ошибку. Она расскажет эту историю со своей стороны – как ей трудно было отказать ему, особенно

учитывая, что он ее начальник. Такое обхождение с ней не сойдет ему с рук.

Подойдя к очередному складу, Бест помедлила, пропуская вперед Денниса. Ее пиджак и так уже достаточно пострадал. Морган открыл дверь и направил внутрь луч фонаря.

– Ты должен зайти туда, вытащить ящики и проверить, что в них, – приказным тоном сказала ему Лора и громко крикнула в темноту: – Доктор Тейлор, если вы спрятались в одном из них, то лучше вылезайте!

Стоя у двери, Деннис явно не собирался следовать ее указанию. Он направил луч фонаря в лицо коллеги и ответил:

– Тебе хочется передвинуть эти ящики, вот и двигай их сама. Я не нанимался угождать тебе.

Опешив на мгновение, она изумленно уставилась на него.

– Что за черт! Как ты смеешь так говорить со мной?!

– Ты кувыркалась с шефом! А теперь, видите ли, снизошла до скромного констебля... Так кто же я, Лора, – несчастный олух, которого ты использовала, чтобы досадить ему?

– Деннис Морган, я подам на тебя рапорт! – топнув ногой, заявила Бест. – Как ты смеешь не подчиняться приказу?

Ее бывший парень направил фонарик на себя – так, чтобы она увидела его ответ, – и, презрительно улыбнувшись, козырнул ей двумя пальцами.

* * *

Из-за стен столовой до Грега доносился монотонный шум вращающихся лопастей вертолета. Последние полчаса Себ Моррисси кружил над территорией больницы, прошивая темноту лучами мощного прожектора, а на здании отделения неотложной помощи, в ожидании его приземления, уже горели синие сигнальные огни. Тёрнер вздрогнул, внезапно услышав вибрацию мобильного в нагрудном кармане, и, по странному совпадению, вдруг осознал, что мысленно разговаривал с этим пилотом.

– Что тебе нужно, Себ? – спросил он.

– Просто хотел узнать, не образумился ли ты еще.

Грег подошел к окну, чтобы видеть вертолет, хотя он и сомневался, что Моррисси может увидеть его.

– Себ, я просто выполняю свою работу.

– Парень, ты жестоко ошибаешься на ее счет. Алекс не способна отнять жизнь. Я же рассказывал тебе, как она спасла меня.

– Себ...

– Понимаю, у тебя и так забот полно, ты просто выполняешь свою работу... Что ж, ты назвал ее убийцей, а на самом деле даже не знаешь, какая она.

– Люди меняются, Себ, – со вздохом произнес Грег. – Что-то развинчивается внутри, и они начинают делать то, чего никогда не сделали бы в нормальном состоянии.

– Ты подразумеваешь нечто вроде убийства лучшей подруги? – гневно спросил пилот.

Тёрнер услышал его надсадный вздох, а потом Моррисси добавил:

– Алекс не делала этого, и тебе лучше поскорее поверить мне, иначе именно ее ты найдешь мертвой.

Глава 47

– Пожалуйста, Мэгги, скажи, почему ты убивала их. По крайней мере, позволь мне понять причину.

Глаза Филдинг сверкнули над хирургической маской.

– Алекс, ты не остановишь меня разговорами. Лишь отсрочишь неизбежное.

– Наверняка тебе хочется, чтобы я поняла. Прежде всего почему ты сохранила мне жизнь? И почему убила Эми Эббот?

Мэгги спустила маску под подбородок.

– Ты думаешь, что умнее меня, Алекс. Думаешь, что дашь мне выговориться, и в итоге я прощу тебя... Моя жизнь закончилась в тот день, когда Оливер познакомился с тобой. Ты завлекла его. А потом обвинила!

Филдинг говорила спокойно, без гнева, но у Тейлор даже не мелькнула ошибочная мысль о том, что ее настроение смягчилось.

– Он пытался изнасиловать меня!

– Изнасиловать? – презрительно произнесла Мэгги. – Ему никогда не приходилось насиловать женщин.

– Нет, разумеется, не приходилось, – съязвила Алекс. – Он просто платил им за секс. Ведь поэтому ты убила Лилиан Армстронг? Потому что твой драгоценный Оливер оплачивал ее ласки?

Мэгги злобно оскалилась.

– Она выглядела как разжиревшая Барби, стояла там одиноко, ни единого клиента не могла соблазнить... Я предложила подвезти ее домой, сказала, что мне надо лишь ненадолго припарковаться, чтобы захватить кое- что из квартиры. Воспользовавшись твоим брелоком, открыла ворота, заехала на твое место и спросила ее, не поможет ли она мне нормально припарковаться... Ты же знаешь, какая у меня большая машина. Она с радостью согласилась помочь. Стояла там, махая мне рукой. Первый удар просто сбил ее с ног, и я бросилась, конечно, ей на помощь. Она пялилась на меня, как жирная идиотка. Обнаженные бедра, вываливающиеся груди, кричащий макияж... и мне вдруг ужасно захотелось сообщить ей о предстоящей смерти. Но вместо этого я склонилась к ней и положила ее поудобнее. «Не двигайся, – сказала я, – я врач, мне нужно осмотреть тебя». Разве я могла сказать, что мне нужно переехать ее?

– Довольно, я не хочу этого слышать! – почувствовав отвращение, взмолилась Тейлор.

– Но ты же хотела, чтобы я рассказала, – подначила ее Мэгги. – И ты еще не знаешь самого интересного. Я следила за тобой, пока ты там занималась спасением ее жизни. Знаешь, Алекс, ведь ты едва не застучала меня. Я слышала, как ты подъехала, и быстро припарковала свою машину в сторонке. А потом сидела там и наблюдала. И ты действовала вполне профессионально, Алекс, я даже предпочла бы остаться и послушать, как ты объяснишь очередную смерть, но решила, что это слишком рискованно. Поэтому просто вышла из своей машины и, оставив ее на вашей парковке, удалилась.

– Мэгги, ты же чудовище... И тебя поймают. Ты не настолько умна, как думаешь. След твоей шины остался на ее груди!

– Ха! – Филдинг улыбнулась. – И вновь ты ошибаешься, Алекс. Твоей шины. Твоего запасного колеса. Я покатила его по свежему асфальту около больницы, а потом уж оставила след на ее груди. Теперь эта запаска опять лежит в твоём багажнике, поэтому не спеши покупать новую.

Горькие слезы полились по лицу Тейлор.

– А Эми-то чем тебе досадила?

– Хватит вопросов, Алекс, – покачала головой Мэгги. – Пора...

* * *

Войдя в столовую, Натан Белл присоединился к Грегу, сидевшему за одним из столов. Он принес две кружки крепкого кофе. Тёрнера удивило, что он еще не сменил больничный костюм.

– Вы же работали с самого утра? То есть со вчерашнего утра, – уточнил он, бросив взгляд на наручные часы; они показывали два часа ночи.

– Нехватка персонала, – объяснил Белл. – Но я немного отдохнул вечером. По крайней мере, хоть чем-то мог занять себя.

Грег взял одну из кружек и с благодарностью глотнул кофе.

– Нам нужно быстро найти ее, – сказал Натан. – Возможно, она без сознания. Сколько еще времени вы собираетесь обыскивать больницу? Вы уже давно нашли бы ее, если б она была здесь.

Инспектор пожал плечами. Он и сам начинал так думать. Они обшарили практически каждый уголок больницы, и большинство сотрудников он уже отослал обратно в участок. На территории еще занимались поисками всего несколько человек, включая Лору Бест, упорно

считавшую, что Тейлор где-то здесь. Грег не стал с ней спорить; пусть делает, что ей угодно, лишь бы не допекала его самого. Выплеснув на нее накопившееся недовольство, он впервые за долгое время почувствовал себя спокойнее. Неважно, что завтра его, вероятно, вызовут к суперинтенданту и могут временно отстранить от работы. Если так и случится, то он съездит повидать Джо. Проведет день с сыном.

Тёрнер понимал, что из-за усталости стал спокойнее смотреть на всю эту историю, однако, дав Лоре отпор, он испытал подлинное удовлетворение. Позже некоторые из сотрудников похлопали его по спине, и пару раз кто-то из них обмолвился даже: «Так держать, приятель!» и «Молодчина!». Судя по их тону, они одобряли его действия. Но Грег понимал, что они ошибаются. Он не был невинным страдальцем. Начисто забыв о последствиях, переспал с подчиненной... В общем, поступил скверно и должен понести наказание.

– Вы по-прежнему уверены, что она совершила преступление, – прервал его размышления Натан Белл, и эти слова прозвучали скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Пока все улики указывают на ее виновность, – тактично ответил полицейский.

Взгляд врача откровенно выражал огорчение и тревогу, и Грегу захотелось как-то утешить его.

– Когда все это закончится, ей понадобится надежный друг. Ей повезло с вами, доктор Белл. Не многие готовы поддержать человека в столь сомнительной ситуации.

– Повезло? – с явным сомнением произнес Натан, резко покачав головой. – Повезло-то как раз мне. Из-за невежественной матушки я вырос одиноким и нелюдимым. С самого детства она вдалбливала в меня сентенции о греховности тщеславия и необходимости смириться с врожденным недостатком. Я привык не обращать внимания на свою физиономию, но от меня все отворачивались, постоянно напоминая о моем клейме. Я прозябал в одиночестве до встречи с Алекс, – продолжил он, коснувшись своего родимого пятна. – Инспектор, она не способна на убийство. Это невероятно.

Тёрнеру не хотелось напоминать этому парню, что он пристрастен в своих чувствах, а потому не может быть объективен. И инспектор просто промолчал.

– Долго ли еще вы будете обыскивать больницу? – опять спросил доктор.

– Вероятно, еще с полчаса. Осталось проверить несколько мест. Мы

досконально прочесали все этажи, с первого по третий. Теперь надо найти ключи, чтобы открыть больничные подвалы. Пожарный говорит, что они уже много лет не открывались, но нам необходимо исключить все возможности.

– И что потом? Отступитесь? Прекратите поиски? Вы же понимаете, что ее жизнь может быть в опасности!

От этой мысли грудь инспектора сдавило, точно тисками.

Вновь завибрировал его мобильник, теперь лежащий на столе. Опять звонил Себ – его голос сопровождался эхом, но слова прозвучали достаточно ясно:

– Я нашел ее. Она в западной части автопарковки. Лежит на земле, без движения.

Глава 48

Палату реанимации уже подготовили. Резкий свет ламп подчеркнул синяк под глазом Кэролайн Коуэн – она ждала прибытия найденной пациентки вместе с еще одним врачом и двумя старшими медсестрами. Экипаж санитарного воздушного транспорта и Натан Белл направились на автопарковку и вот-вот должны были доставить ее сюда. Кэролайн не располагала клиническими данными о состоянии Алекс – ей сообщили лишь о возможной передозировке диазепама, – поэтому подготовилась к любым неожиданностям.

Она вызвала травматологическую бригаду и гинеколога, и ее не волновало, что их помощь, возможно, не понадобится. Ей хотелось, чтобы на всякий случай все они дождались здесь Тейлор. В конце концов, она же один из сотрудников больницы.

Выбросив из головы то, что сделала Алекс, Кэролайн намереваясь оказать ей всяческую помощь. Ведь она обязана помогать больным, а болезнь ее подчиненной на редкость серьезна. Весь день заведующую отделением не покидало ощущение, что Алекс может совершить какую-то страшную глупость, и, связавшись с Натаном еще утром, она попросила его сообщать ей о любых новостях. Когда тот позвонил к вечеру и сказал, что, по мнению полиции, Тейлор могла принять слишком много диазепама, Коуэн мгновенно отмела любые мысли о ночном сне и отдыхе дома. До больницы она мчалась на предельной скорости и дважды заработала штраф, попав под объектив дорожных камер.

Алекс нашли десять минут назад, вскоре после прибытия Кэролайн, и заведующая порадовалась, что приняла решение приехать, увидев состояние Натана.

Она догадалась, что Белл влюблен в Тейлор, и, несмотря на его отличные профессиональные качества, ему нельзя было поручать ее лечение. А если Алекс окажется в критическом состоянии, нужно будет сразу выдворить его из реанимационной. Однажды Кэролайн уже обожглась, допустив к больному неадекватного врача. И ей не хотелось повторять ту ошибку.

Внезапно раздался стук распахнувшихся коридорных дверей, и две медсестры тут же бросились открывать внутренние двери палаты для приближающейся каталки. Шея Алекс покоилась в корсете, и сама она лежала на спине; глаза открыты, состояние сознательное. Лицо закрывала

кислородная маска, но Тейлор явно пребывала в возбуждении.

Она пыталась сорвать шейный воротник, вращала плечами и молотила ногами, отчаянно пытаясь подняться с каталки, ругаясь и крича на двух сопровождавших ее мужчин – Натана Белла и Себа Морриса.

– Отстаньте от меня, придурки! Я прибью вас! Только суньтесь, и я выцарапаю ваши чертовы глаза!

Кэролайн убавила сигналы мониторов, уменьшив звук, и на счет «три» вместе с двумя этим мужчинами переложила пострадавшую на реанимационную каталку. Внезапно Алекс обхватила руку Коуэн, впившись в нее ногтями, и Себ Морриса, с трудом разогнув ее пальцы, освободил запястье заведующей.

– Полегче, док. Ты в надежных руках, – доброжелательно произнес он.

Доктор Тейлор оскалилась, явно собираясь укусить его в любое подвернувшееся место. И только то, что ее голову надежно закрепили ремнями на носилках, спасло Себа от ее зубов.

– Принесите лоразепам, нам необходимо успокоить ее, – тихо велела Кэролайн ближайшей медсестре.

Натан Белл предупреждающе поднял руку, остановив спешно направившуюся за лекарством сестру. С нижней полки каталки, на которой только что привезли Алекс, он достал черную сумочку.

– Сначала надо выяснить, что она уже приняла. – Его лицо побледнело, а взгляд исполнился мучительной боли. – В сумочке есть диазепам и кетамин. Да еще запас разных шприцев. – Его дыхание участилось, он прижал сумочку к груди и, помедлив, признался: – Это моя вина. Я знал, что она что-то принимала. Мне следовало остановить ее. Следовало сообщить вам, – добавил Белл, взглянув на Кэролайн.

– Натан, вы ни в чем не виноваты. Ни в чем, – быстро шагнув к нему, возразила заведующая. – Если уж кого-то и винить, то меня. А теперь я хочу, чтобы вы покинули палату... Позвольте нам помочь Алексу.

– Я должен помочь ей, – покачав головой, возразил расстроенный Белл.

– Натан, возьмите себя в руки, – сказала Кэролайн, сжав его плечо. – Вам я могу доверять, и мне необходимо, чтобы вы позаботились о других наших больных. Будете дежурить по отделению, а я здесь сама приведу ее в порядок.

Коуэн понимала, что в отделении достаточно других врачей, чтобы выполнить выданное Беллу поручение, но его присутствие в реанимации отвлекало ее от дела, не позволяя полностью сосредоточиться на Алекс. Себ подошел к Натану, отобрал у него сумочку и, слегка приобняв его за

плечи, вывел его из палаты.

Переведя дух, Кэролайн повернулась к оставшимся специалистам – травматологам, гинекологу, ординатору «неотложки», двум медсестрам и Грегу Тёрнеру – и с удивлением подумала, что старший инспектор выглядел почти таким же потрясенным и расстроенным, как Натан Белл. Ее пациентка продолжала ругаться, выкрикивая непристойности. Подол ее розового платья задрался, обнажив ноги и нижнее белье. Она остро нуждалась в помощи и в тщательном обследовании.

Заведующая отделением взглянула на травматологов и остальных вызванных специалистов – все они стояли наготове с рюкзаками, наполненными специальным оборудованием для реанимации и интенсивной терапии, – и смущенно улыбнулась им. Их помощь оказалась излишней, и теперь они могли уйти.

– Сходи за охранником, – опять тихо велела она той же ближайшей медсестре, – и заодно проводи их к выходу. Если она начнет буйствовать, нам одним не удержать ее.

Потом обратилась к другим врачам и второй сестре:

– Нам надо провести полное гинекологическое обследование, снять ЭКГ и взять анализы крови. Проверьте содержимое ее сумочки и выясните, по возможности, что и сколько она могла принять. Позвоните в лабораторию, пусть подготовятся для оценки уровней парацетамола и салицилата. Нам нужно точно знать, насколько велика передозировка. Проверка займет немного времени, – сообщила она Грегу Тёрнеру. – Может, вы хотите посидеть в более спокойной обстановке? Я буду держать вас в курсе. Если ее родным еще не звонили, то я была бы благодарна вам, если б вы сообщили им, что она уже в надежных руках.

* * *

Лишь через несколько часов Кэролайн наконец смогла выйти в приемную и поговорить с Грегом Тёрнером. Он дожидался новостей почти до утра, и она поблагодарила его за терпение, поскольку, оставшись на посту, инспектор смог встретить прибывших в больницу родителей и сестру Алекс. Коуэн коротко поговорила с ними, сообщив, что состояние Тейлор стабилизировалось, однако новости о том, что она подозревается в ужасных преступлениях, оставила на долю Грега. Трое родных пострадавшей вернулись по домам, мир в которых перевернулся с ног на

голову.

Тёрнер сидел с закрытыми глазами, а когда открыл их, Кэролайн заметила, как они покраснели. Покрутив шеей и проморгавшись, он немного взбодрился и быстро пришел в состояние боевой готовности.

– Так что же произошло?

Заведующая отделением опустилась в кресло напротив него.

– В данный момент она спит, но мыслила перед сном уже вполне здраво. Она осознавала, где находится, и ей просто надо отоспаться, чтобы снять последствия воздействия принятых ею лекарств.

– Долговременные последствия?

– Нет, – Кэролайн покачала головой. – На мой взгляд, доктор Тейлор могла принять еще какие-то лекарства, хотя уровни парацетамола в норме. Она приняла изрядное количество диазепама, а также кетамин, учитывая ее поведение после обнаружения, и именно поэтому сейчас и уснула. – Заведующая устало опустила голову. – Когда она окончательно проснется, ее осмотрит психиатр и даст свое заключение.

Грег вспомнил, что видел кетамин в шкафу Патрика Форда, и подумал, что Тейлор могла стащить его оттуда, но заведующая предложила самый очевидный источник этого лекарства.

– Я говорила раньше совершенно серьезно, – заявила она, – что уж если кого-то винить во всем этом, то меня. Я не сомневалась, что она начала принимать что-то еще, помимо алкоголя, и мне давно следовало проверить наши запасы. Прямо у меня перед глазами Алекс впадала в депрессию, а я не обращала внимания...

Закрыв глаза, Коуэн печально вздохнула, но тут же опять сосредоточенно взглянула на полицейского.

– Что же теперь будет?

– Это зависит от психиатрической проверки. Если ее сочтут невменяемой, то я не смогу арестовать ее. Пока она будет находиться здесь, ее будет охранять наш дежурный офицер. В каком лечении она нуждается?

– В повторных анализах крови и во врачебном наблюдении. И мы ждем осмотра психиатра. – Кэролайн вздохнула. – Жаль, что я не оказалась более наблюдательной, чтобы заметить ее нервный срыв...

– Я сказал бы, – выразительно поднял бровь инспектор, – что нервный срыв – это мягко сказано. Ее подозревают в убийстве двух человек... Возможно, трех, если Эми Эббот также стала жертвой преступления.

Заведующая отделением в отчаянии закрыла глаза.

– Боже мой! Неужели все это случилось из-за того актера?

Грег ослабил узел грязноватого галстука и расстегнул верхнюю

пуговицу рубашки.

– Как кстати вы вспомнили о нем... Можно мне воспользоваться одним из ваших компьютеров? Я пытался отыскать прошлогодние следы вашего актера и понял, что мне, видимо, не удастся допросить его, поскольку он умер.

– Как?! – потрясенно выдохнула Коуэн.

– Как раз это я и хочу выяснить, – пожал плечами, ответил инспектор.

После легкого стука в дверь в приемную заглянула медсестра и, вежливо улыбнувшись, произнесла:

– Извините за беспокойство, но она зовет вас, Кэролайн.

Заведующая поднялась с кресла, и Грег последовал ее примеру.

– Не возражаете, если я тоже зайду и послушаю? Чтобы не тревожить ее, я незаметно постою у двери.

Коуэн кивнула. Она обрадовалась, что этот инспектор будет находиться в палате. Как начальнице, ей следовало самостоятельно справляться с любой проблемой, возникавшей в отделении, и она умело разбиралась со многими криминальными ситуациями, но ей никогда еще не приходилось решать проблемы знакомого человека, которого к тому же подозревали в убийствах. В данном случае никакого прошлого опыта у нее не накопилось, и не было никакой возможности узнать, как надо действовать.

* * *

Алекс с печальной благодарностью улынулась окружившим ее коллегам. Все они выглядели взвинченными и измученными из-за потраченных на ее спасение усилий. Вот уже второй раз Кэролайн Коуэн позаботилась о ней, и пациентка могла лишь догадываться, как трудно ей пришлось. На осунувшемся огорченном лице заведующей отделением темнел синяк, полученный в недавней аварии. Себ и Натан стояли по разные стороны от ее кровати, точно телохранители, и оба выглядели одинаково расстроенными. Тейлор будет вечно благодарна этим двум мужчинам, вошедшим в ее жизнь. Они искали и нашли ее, и теперь наконец она отдаст эту кошмарную историю в руки полиции и начнет выздоравливать. Наконец-то они поверят ей!

– Ох, Кэролайн, спасибо тебе за все! Я уж думала, что мне суждено умереть, – сказала она.

– Теперь ты в безопасности, Алекс, – пристально взглянув на нее, Коуэн сердечно улыбнулась, – и мысли о смерти совершенно неуместны.

– Себ, спасибо тебе, что нашел меня, – со слезами на глазах обратилась пациентка к своему другу. – И тебе тоже, Натан, – добавила она, коснувшись руки Белла. – Спасибо вам всем за то, что искали меня.

– Просто вернул должок, док, – пробурчал Себ Моррисси, поцеловав ее в лоб. – Не забывай, что для меня ты – VIP-персона.

Натан ничего не сказал – просто мягко сжал ее руку.

Алекс вновь взглянула на Кэролайн.

– Боюсь спрашивать, но все-таки насколько плохо мое состояние?

– Пока все идет нормально, – спокойно ответила Коуэн, и лицо ее просветлело. – Давление немного повышено, сердцебиение слегка учащенное, температура чуть понижена. Иными словами, достаточно хорошее рабочее состояние.

– А телесные травмы?

– Ни одной.

– Итак, опять воображаемая чертовщина, – с горькой улыбкой констатировала доктор Тейлор. Она пощупала себе голову и, помедлив, добавила: – Значит, и в самом деле ни малейших повреждений?

– Что ты имеешь в виду? – озабоченно спросила Кэролайн.

– Скобы! – резко повысив голос, воскликнула пациентка, но тут же прикусила губу и, помолчав, извинилась: – Простите, я не хотела кричать. Но мне казалось, моя голова изрезана ими. Я слышала, как щелкал чертов степлер. И чувствовала, как он прижимается к моей голове.

Заведующая отделением медленно склонилась к голове больной и внимательно осмотрела ее.

– Здесь есть пара царапин, – признала она. – Но никаких скоб.

– То есть мне устроили очередное представление? – вздохнув, уточнила Алекс. – На редкость хитроумное представление... – Внезапно глаза ее расширились, словно она что-то вспомнила. – Но мне что-то впрыснули в задницу и в ногу! Должно быть, стрельнули из какого-то духового ружья или трубки. Их нужно сфотографировать. И тщательно проверить. Очевидно, я отключилась совсем ненадолго и не знаю точно, что мне впрыснули, но это была не просто обездвиженность, как мне угрожали, иначе я запомнила бы... – Она судорожно вздохнула. – Полагаю, полицейские проверяют операционные?

– Да, полицейские здесь, – неопределенно ответила Кэролайн.

– А Мэгги Филдинг? Они еще не нашли ее?

– С чего бы им искать доктора Филдинг? – Коуэн взглянула на

лежащую на кровати коллегу с растерянностью и подозрением. – Разве с ней что-то случилось?

Алекс устремила на Кэролайн молящий взгляд, молчаливо взывая к пониманию. Она почувствовала, как стон, зародившись в ее груди, прорывается сквозь сжатое горло, вырастая в пронзительный вопль.

– Только не пытайтесь опять выставить меня сумасшедшей! Все это подстроила эта одержимая идиотка, Мэгги Филдинг! Она устраивала похищения из-за напавшего на меня в прошлом году актера – он был ее любовником, а потом покончил с собой. Она устроила все это, чтобы отомстить мне. И тем, другим женщинам... Эми Эббот и Лилиан Армстронг. И она же подстроила мне ту ошибку с лекарством. Она убила их. Необходимо сообщить в полицию, чтобы они арестовали ее, пока, черт побери, не станет поздно; нельзя дать ей сбежать!

– Алекс, ты должна выслушать меня...

– Кэролайн, у нас нет времени. Мэгги Филдинг ужасно опасна. Она опять убьет кого-нибудь!

– Помолчи, Алекс, просто помолчи, – в тихо произнесенном распоряжении заведующей прозвучало предостережение.

Доктор Тейлор призывно взглянула на Себа и Натана.

– Себ! Натан! Нужно найти ее. Необходимо...

– Замолчи! – Приказ Коуэн, точно пуля, срикошетил от стен, и в палате наступила тишина. Взглядом пригвоздив пациентку к кровати, заведующая резко шагнула к ней. – Алекс, ты должна выслушать меня внимательно. В твоей машине полиция обнаружила пустые упаковки диазепама. В твоей сумочке мы нашли диазепам и кетамин. Ты приняла слишком большую дозу, и тебя доставили сюда в помраченном сознании. Никакого другого вреда тебе не нанесли. В твоей голове нет никаких скоб.

Тейлор в ярости вскинула голову, и Себ сразу переместился ближе к ней. Алекс потрясенно взглянула на него. Неужели он подумал, что она сама опасна? Ее глаза сердито сверкнули, но она быстро отвергла последнее утверждение:

– Я никогда не принимала никакой сверхдозы! Как ты могла даже предположить такое? Это она ввела мне сверхдозу.

Кэролайн подалась вперед, едва не коснувшись Тейлор, и впервые в ее голосе и во взгляде отразился настоящий гнев.

– Ты пытаешься убедить меня в том, что не принимала никаких лекарств, что ты не прикладывалась к бутылке?

Алекс резко мотнула головой и, зажмурившись, в отчаянии крикнула:

– Диазепам! Только его я иногда принимала. И давно не

притрагивалась к алкоголю.

Она видела, как Натан быстро опустил глаза. Видела, что Коуэн заметила его смущение, и поняла, что ей придется дать дополнительные объяснения.

– Я пытаюсь сказать, что у меня нет зависимости ни от таблеток, ни от алкоголя.

Прикрыв глаза, Алекс попыталась отстраниться от выдвинутых ей обвинений. Ей необходимо успокоиться и перевести дух, чтобы не взорваться от возмущения. Иначе ее тут же окрестят психически ненормальной алкоголичкой. Они явно не поверили тому, что она говорила, а следовательно, Мэгги опять удалось отлично замести следы. Пока еще не слишком поздно, надо как-то заставить их поверить ей, иначе та попросту сбежит.

Кэролайн отступила от каталки, предоставляя пациентке некоторую свободу.

– Алекс, тебе нужно выслушать меня, – уже спокойнее сказала она.

Глаза доктора Тейлор открылись. Теперь она лежала, измученно откинувшись на подушку; ее взгляд сосредоточился на начальнице.

– Вчера ночью, когда тебя спешно везли сюда, – с печальной улыбкой начала та, – я вызвала бригаду травматологов, на случай необходимости. И также позвонила гинекологам. Мэгги Филдинг не смогла прийти, поэтому ее заменила одна из коллег. А не смогла она потому, что была еще занята в операционной – принимала трудные роды, двойню, делала кесарево сечение. Алекс, Мэгги Филдинг ничего с тобой не делала. И тебе нужно признать, что ты нуждаешься в помощи.

Пациентка в отчаянии обвела взглядом стоявших вокруг людей.

– Никто из вас не верит мне... Вы собираетесь позволить ей безнаказанно сбежать... Тех женщин убила Мэгги Филдинг, а вы думаете, что это я... Она специально все это подстроила. Она мстила мне и всем женщинам, с которыми развлекался ее приятель!

Кэролайн потеряла самообладание и дрожащим от волнения голосом воскликнула:

– А что, Алекс, ты скажешь о Фионе? Ее тоже она убила?

Глава 49

Грег шел по безлюдному коридору в сторону родовспомогательных операционных. Проходя мимо некоторых палат, он слышал постукивание фарфора и предположил, что пациентки там уже пили первый утренний чай.

Ему всегда нравилась больничная атмосфера, и он никогда не испытывал перед больницами того ужаса, что охватывает большинство людей. Его как раз успокаивала мысль о том, что о людях здесь заботятся, лечат их.

В конце коридора инспектор повернул направо и подошел к запертым дверям. Нажав на кнопку переговорного устройства, представился и вошел в открывшуюся дверь. Ему хотелось познакомиться с доктором Филдинг и самому оценить ситуацию.

Как ни абсурдно звучали обвинения Алекс Тейлор, с ними следовало разобраться. Грегу не раз приходилось слышать подобные объяснения, в основном от арестованных людей, которые упорно твердили, что невиновны и что виноват кто-то другой, а бывало, еще и валили всё на слышанные ими голоса и виденных ими призраков. Когда Тёрнеру присвоили звание сержанта уголовного розыска, его послали в дом, где умерла четырнадцатилетняя девочка. Ее тело, залитое собственной кровью, покрывали птичьи перья. А отец девочки сидел в кресле и, поглаживая бледную кожу дочиста ошипанного попугая, объяснил, что перерезал дочери горло по наущению своей любимой птицы.

Сначала Алекс Тейлор говорила всем, что ее похитил некто, выдающий себя за врача, а потом – что тот же самый человек убивал этих женщин. Но прошлой ночью, вернувшись в отделение неотложной помощи после попытки убедить их в том, что ее опять поместили в какую-то операционную, обездвижев с помощью анестезии и проколов ей голову скобами, она упорно твердила имя этого другого доктора.

Уж слишком притянутой за уши казалась ее история, чтобы быть правдой.

Медсестра направила Тёрнера к открытой внутренней двери в кабинет, где он и увидел этого гинеколога за письменным столом, – она читала какие-то записи, прикусив зубами кончик ручки. Темноволосая и очаровательная на вид, доктор Филдинг была, очевидно, занята делами. Когда полицейский представился, она лишь мельком взглянула на него.

На ней был обычный хирургический костюм и спущенная на шею лицевая маска. Объясняя, почему ему понадобилось поговорить с ней, Грег пристально следил за ее реакцией. Ее голова резко поднялась, а на лице отразилось явное изумление, особенно когда он упомянул, что доктор Тейлор считает ее настоящей убийцей.

Сильно побледнев, Филдинг с трудом вздохнула.

– С чего вдруг она так сказала? Я ведь даже не знаю ее. То есть мы не знакомы близко. Почему же она так сказала? Невероятно... Кажется, я сейчас расплачусь.

Явно расстроенная, врач взяла стакан воды и судорожно глотнула. Кончик ручки опять ненадолго исчез между ее губами. Грег понял, что это привычка, заметив на столе и вторую ручку с пожеванным кончиком.

– Почему она могла сказать такое? – вновь повторила Мэгги. – При чем тут я? Ничего не понимаю... Должна ли я давать какие-то показания? Доказывать, что я этого не делала?

– Да, придется, – подтвердил Тёрнер, кивнув. – Нам понадобится выяснить, где вы были и что делали в определенные дни и часы.

– Боже мой! Все так серьезно... Мне действительно придется отвечать? Что там я сделала, по ее словам?

– Она заявила, что вы похитили ее и пытались убить, – не сводя с нее взгляда, спокойно ответил инспектор, – что вы убили двух других женщин, а сегодня ночью опять пытались убить ее.

Глаза доктора Филдинг мгновенно потускнели, и он заметил, что она с трудом дышит, пытаясь прийти в себя.

– Прошедшей ночью... – напряженно произнесла Мэгги. – Прошедшей ночью я работала. Моя смена началась в девять вечера, и, как вы видите, я все еще здесь. У нас выдалась очень трудная ночь. Три кесаревых сечения, в одном случае мы приняли близнецов, и еще одна женщина с послеродовым кровотечением. Она умерла. Это была ужасная ночь... А теперь еще такие обвинения...

– Так вы не выходили отсюда целую ночь?

– Да, – уверенно ответила Мэгги, – я работала здесь. В этом кабинете. В операционной палате. Проводила интенсивную терапию, контролируя состояние пациентки. Вы хотите, чтобы я собрала персонал, видевший меня здесь прошедшей ночью?

– Пока нет. Если доктор Тейлор будет настаивать на своих показаниях, тогда мы возьмем показания.

На ресницах Филдинг повисли слезы, и она быстро взяла салфетку.

Дав ей немного успокоиться, Грег продолжил:

– Доктор Коуэн сообщила мне, что именно вы обследовали доктора Тейлор, когда ее доставили в отделение «неотложки» пару месяцев назад?

– Верно. – Мэгги, явно подуспокоившись, вынула ручку изо рта и ответила уже менее взволнованно: – Тогда также дежурил Том Коллинз. Странная получилась ситуация...

– А с тех пор вы видели ее?

– Разумеется, в больнице, – доктор уверенно кивнула, но ее голос вновь прозвучал со взволнованной хрипотцой. – Правда, еще и у меня дома. Несколько недель назад она совершенно неожиданно заявила ко мне. Даже не знаю, откуда она взяла мой адрес, но, видимо, сочла, что может зайти и поговорить со мной. Я оставила на ее автоответчике сообщение, упомянув о результатах ее осмотра, и добавила, что при необходимости она может зайти ко мне. Хотя я не ожидала, что она появится у меня дома. На самом деле доктор Тейлор вовсе не стала говорить о результатах моего обследования... Ей хотелось, чтобы я помогла ей поймать похищавшего ее мужчину. Мне было очень жаль ее. Я предложила ей сходить на сеанс к одному моему знакомому психиатру. – Мэгги Филдинг энергично помассировала виски. – Раньше я посылала к нему некоторых моих пациенток, и они говорили, что он отлично помог им. Ричард Сиккерт. Если хотите, могу дать вам номер его телефона. После ее ухода я сразу связалась с доктором Коуэн, поскольку ее появление встревожило меня. Доктор Коуэн сказала, что разберется с этим. Должна сказать, что меня это глубоко расстроило.

– То, что она нуждалась в вашей помощи? – прямо спросил Грег.

От Алекс открещивались так много людей, что ему уже надоело их слушать.

– Нет! – пылко возразила врач. – Я была бы рада помочь ей. Но у нее было столько заморочек, что снять их сама я просто не могла. Женщина, умершая на ее парковочном месте... Телефонные звонки с угрозами, ее машина... Я не собиралась помогать ей искать несуществующего преступника.

Тёрнер принял ее объяснение. Он мог лишь вообразить, как сам реагировал бы, если б один из его коллег пришел к нему с подобной невероятной историей. Вероятно, он тоже предложил бы этому человеку обратиться к помощи специалиста. Ему показалось, что Филдинг говорила правду, и он понял, что во всем случившемся нет ее вины. Похоже, он просто стремился найти нового обвиняемого. На сердце у инспектора стало совсем тяжело от сознания того, что в душе он отчаянно пытался защитить Алекс, и ему было почти невыносимо слышать о ее разоблачении.

– У меня есть еще пара вопросов, – сказал он. – Первый: вы когда-нибудь встречались с человеком по имени Оливер Райан?

Мэгги отрицательно покачала головой.

– Он был актером и некоторое время в прошлом году, скажем так, стажировался в этой больнице. Не знаю точно, когда именно, – объяснил Тёрнер.

– Я поступила сюда на работу в августе, – вновь покачав головой, ответила Филдинг. – В прошлом году меня здесь не было. Однако при всем этом, я не знаю такого человека.

– А доктор Тейлор заявила, что он был вашим приятелем, – с бесстрастным видом сообщил Грег.

– Что? Право же, это невероятно! Чего ради она выдумала эту связь?

– Мы пока не знаем, – пожал плечами полицейский. – И второй вопрос. Я хотел спросить, знакомы ли вы с Эми Эббот? Она работала здесь медсестрой, и ваши пути могли пересекаться.

Слегка наклонив голову, Мэгги издала тихий вздох отчаяния.

– Один-единственный раз я видела ее – в день ее смерти. До этого наши пути не пересекались. Напомню, что я начала работать здесь только в августе. Вероятно, со временем мы могли бы с ней познакомиться... И тот факт, что вы спросили о ней, подсказывает мне, что в ее смерти, видимо, есть нечто подозрительное?

Грег встал. Пора дать этой женщине возможность продолжить работу.

– Мне жаль, что пришлось огорчить вас, – сказал он.

– Вы огорчили меня... не только тем, что сказала доктор Тейлор, но также известием о том, какие у нее неприятности. Она прекрасный врач. Теперь я жалею, что так поспешно позвонила доктору Коуэн; лучше б я нашла время и сама надлежащим образом поговорила с доктором Тейлор.

Возвращаясь по коридору в сторону выхода, Тёрнер внезапно почувствовал сожаление из-за того, что им всем не хватило времени поговорить с Алекс должным образом. Она взывала о помощи, но никто из окружающих ее не услышал. Инспектор причислял себя и Лору Бест к оттолкнувшим ее людям. А были еще Патрик Форд, Кэролайн Коуэн и даже Мэгги Филдинг... Все они в какой-то мере ответственны за случившееся.

Небо над ним было еще темным, но утро уже приближалось. Скоро начнут приезжать сотрудники дневной смены, и их непрерывная работа продолжится. Ему придется позже вернуться сюда, чтобы официально арестовать Алекс Тейлор, но делать этого ему совершенно не хотелось. Между тем у него накопилась куча бумажной работы, однако все это могло подождать.

Сев в свою машину, инспектор не собирался возвращаться в участок. Ему хотелось заехать домой, а потом съездить в Оксфорд повидать сына.

* * *

Мэгги тщательно проверила состояние пола, убедившись, что не оставила никаких улик. Помещение опять выглядело таким, каким она нашла его: темным, сырым и заброшенным. Именно Оливер рассказал ей об этом подвале. Ему показали его во время ознакомительной экскурсии по больнице, и он подумал, что здесь великолепное местечко для триллера. Очередного «Молчания ягнят»^[23], как он выразился, с ним в главной роли.

За последний час Филдинг уже третий раз возвращалась в подвал, но, слава богу, больше ей этого делать не придется. Полицейские еще сновали по больничной территории, и ей не хотелось, чтобы ее случайно заметили. Больше это место не понадобится, и она уже вернула ключи и все остальные позаимствованные приборы туда, где им и надлежало быть. Полимерная пленка, которой Мэгги покрывала пол перед визитом Эми Эббот, была аккуратно свернута после того, как вся кровь высохла, и хотя этот сверток еще не засунут в багажник машины Алекс, полицейские все равно теперь проведут с ней судебную экспертизу. Придется избавиться и от маски Шиммельбуша. Как бы ни хотелось сохранить ее в качестве сувенира, безопаснее все-таки уничтожить маску.

Представление с падением Алекс на землю и с прижиманием влажной салфетки к ее рту было рискованным, но Мэгги хотелось, чтобы она поверила, будто именно так ее лишили сознания, чтобы потом она рассказывала невероятную историю.

Одетая для ненастного ветреного вечера, Филдинг спрятала волосы под шерстяную шапку, замотала нижнюю часть лица шарфом и просто дождалась, когда Тейлор направится к выходу из больницы. Заранее приготовив шприц с раствором кетамина, она лишь ловко сделала Алекс укол, проходя мимо нее, а потом незаметно проводила ее до парковки и разыграла сногшибательный удар, уверенная, что сопротивления практически не будет – ведь наркотик уже подействовал на организм ее жертвы. Такая театральщина имела для Мэгги особую привлекательность. В общем, последние несколько недель она от души развлекалась. Увлекательная слежка и ожидание соответствующих возможностей, чтобы сюжет драмы разворачивался в задуманном направлении. Приходилось,

конечно, идти на риск, ведь ее махинации могли заметить. Но основная часть задуманного сценария прошла легко.

Подменив шприц с лекарством, она лишь дождалась, когда его обнаружат. Незаметно распылила на стекло машины Алекс дурацкую надпись, дождавшись, когда та во время вечеринки выйдет прогуляться без свидетелей, чтобы подумали, будто она сама решила привлечь к себе внимание. Это все были лишь простые поддразнивающие шуточки, как и угрожающий телефонный звонок. Но каждая из этих шуточек работала на укрепление веры в то, что Тейлор сходит с ума. Мэгги сомневалась лишь в том, какую пользу может принести ее сценарию посланный ей подарок. Меньше всего ее волновала красота картины. Если б Алекс не выпивала, ей могли бы легче поверить. Но она так глупо дискредитировала себя...

Более того, Тейлор сама продолжала подкидывать ей неожиданные подарочки.

Одним из них стала забытая ею на вечеринке сумочка. Быстрое изучение ее содержимого подсказало Филдинг место действия очередного убийства. Однако она не планировала оставлять собственную машину поблизости от места преступления и уже придумывала, что скажет, если полицейские захотят узнать, почему там стоял ее автомобиль. Отговоркой приезда могло бы послужить беспокойство за коллегу, но, выяснив, что Алекс нет дома, Мэгги вернулась к своей машине и обнаружила, что та не заводится. Если б ее спросили, как она попала на парковку, Мэгги сказала бы, что ворота были открыты. Но ее никто ни о чем не спросил, поскольку полицейские не интересовались автомобилями с широкими шинами.

Впрочем, сейчас все это уже было неважно. Она устроила отличное представление для полицейского инспектора, и он по-прежнему верил в виновность Алекс. Только это и имело значение. Наконец-то все указывает на то, что Тейлор убила свою лучшую подругу.

Надо будет еще избавиться от транквилизаторного пистолета, с помощью которого она оба раза выводила Алекс из строя, – чертовски полезная штука, но Филдинг не представляла, где еще может использовать его. Также придется уничтожить аудиокассеты – подлинные записи звукового сопровождения операционной, сделанные специально для Тейлор, чтобы заставить ее поверить в реальность происходящего.

Прошлой ночью завершилась их притворная дружба. Алекс, возможно, предполагала, что после удачной встречи с Оливером они поедут обратно в дом Мэгги отпраздновать это событие за поздним ужином. Но, разумеется, такого просто не могло быть. Ни о каком совместном ужине не могло быть и речи, ведь Филдинг предстояла ночная смена в больнице, а Алекс в это

время будет арестована за убийство! И не важно, как упорно она будет протестовать – в ее машине уже полно уличающих доказательств. На этот раз Мэгги сама предложила воспользоваться для поездки машиной Тейлор...

Филдинг очистила от грязи подошвы тех туфель, что вчера одолжила Алекс. Она не стала надевать их обратно на ноги своей жертвы. Зачем давать кому-то шанс озадачиться вопросом, почему они слишком велики ей? Пусть лучше думают, что Алекс где-то потеряла свои туфли. Мэгги в очередной раз обвела взглядом помещение. Прислушавшись к холодной тишине, поежилась. Пора уходить. Ее жизнь продолжается.

Глава 50

Алекс горько оплакивала потерю подруги. Основную часть дня она провела в полубредовом сне – отчасти от всех принятых лекарств, отчасти от общего истощения сил. Недавно к ней приходил психиатр, и хотя доктор Тейлор упорно настаивала на том, что не нуждается ни в какой оценке, он с равным упорством настаивал на необходимости психиатрической экспертизы.

Почти весь день она пролежала в полном оцепенении, отказываясь от еды и питья и боясь уже что-либо говорить, дабы не усугублять своего положения. Ей отчаянно хотелось увидеть родителей и сестру, она надеялась, что, возможно, они помогут ей, но психиатр сказал, что они уже заходили, пока она спала, и добавил, что сегодня всем лучше попытаться спокойно отдохнуть.

Алекс подумала, что ее мать или Памела могли закатить истерику во время визита, и поэтому их попросили уйти. Она вполне представляла рыдания матери и вопли сестры, стремившихся узнать, что произошло. Ее отец, вероятно, проявил больше сдержанности. Он мог ходить взад-вперед, заламывая руки и терпеливо дожидаясь, когда ему дадут объяснения. Ее бедные родители, должно быть, вне себя от беспокойства, осознала Алекс, и ей мучительно захотелось успокоить их, хотя она не знала как. Мэгги Филдинг подстраховалась по полной программе. Даже на то время, что она провела с Алекс в той операционной. У нее идеальное алиби, и Тейлор теперь сообразила, почему так долго пролежала там одна в полной темноте. Мэгги вовсе не сторожила ее – она просто вернулась к нормальной деятельности, принимая двойню.

Слезы вновь обожгли глаза Алекс. За последние несколько часов она уже не раз невольно принималась плакать. Не замечая собственных слез, лежала на боку, свернувшись калачиком, и лишь осознала внезапно, что подушка под ее щекой стала мокрой. Хотя на этот раз Алекс оплакивала Фиону. Свою дорогую и любимую подругу. Никто не сообщил ей, как она умерла, полагая, что ей это известно, а она могла лишь догадываться о том, с чем пришлось столкнуться Фионе и какой страх та испытала. Мэгги Филдинг проявляла крайнюю изобретательность, продумывая убийства, и Алекс лишь молилась, надеясь на то, что для Фионы все закончилось быстро, что ей не пришлось страдать слишком долго.

Причина, по которой Мэгги оставила в живых Алекс, теперь стала

очевидной. Она вовсе не собиралась ее убивать, ей надо было просто морально ее уничтожить. Теперь ей грозит обвинение во всех недавних смертях, включая Фиону, а Филдинг наверняка позаботится о том, чтобы она не смогла доказать свою невиновность. В итоге ее могут признать нормальной или душевнобольной, в зависимости от того, как она поведет себя в дальнейшем, но в любом случае навсегда изолируют от общества.

Алекс пока еще надеялась только на разговор с одним человеком – с Грегом Тёрнером. Он достаточно умен и способен распознать, когда люди врут. Он может понять, что она говорила правду.

От такой перспективы на душе у доктора Тейлор становилось легче, но потом эта надежда исчезала – так же быстро, как и большинство ее надежд в тот день, – и любое облегчение начинало казаться невозможным, оставляя ее в полном смятении. Ведь Грегу Тёрнеру, обычному полицейскому, придется столкнуться с необычайно изобретательным убийцей. Ему никогда не удастся освободить Алекс.

Глава 51

Глядя из машины на сияющее лицо Джо, Грег помахал ему рукой на прощание. Еще не снявший пижаму с принтом Человека-Паука на груди, сын стоял взъерошенный и раскрасневшийся со сна, изо всех сил прижимая к себе драгоценный подарок – ярко-желтый игрушечный вертолет. Утро прошло чудесно, и теперь, избавившись от чувства вины, Тёрнер-старший спокойно ехал обратно в Бат.

В полдень, когда он уже проезжал по окраинам города, зазвонил его мобильник, и, свернув на придорожную площадку, инспектор принял звонок. Секретарша этого агента повела себя лучше, чем ожидалось. Грегу удалось поговорить с ней еще в доме своей бывшей жены, и она заявила, что сделает все возможное, чтобы быстрее связать его с Робертом Фицджеральдом.

Фицджеральд говорил с американским акцентом, и сейчас его громкий голос испытывал на прочность барабанные перепонки Тёрнера.

– Итак, инспектор, чем я могу помочь вам? Моя секретарша сказала, что дело срочное.

Грег отодвинул мобильник подальше от уха.

– Дело касается Оливера Райана. Вы ведь представляли его?

– Точно, представлял.

– Не могли бы вы сказать мне точно, когда и как он умер? – Полицейский по-прежнему пытался проверить этого актера, но пока у него имелись лишь даты его жизни.

– Он умер в июле. Его смерть стала для меня полнейшим потрясением, – ответил Роберт. – Оливер Райан страдал нарциссизмом... вернее, даже вовсе не страдал – просто жил как самовлюбленный Нарцисс, и я никогда не поверил бы, что он способен на такой поступок. Но вскрытие не обнаружило никаких наркотиков, только алкоголь. Я додумался только до того, что его очередная шутка закончилась не так, как он планировал. Хотя коронер мою идею не одобрил.

– Так что же сделал Оливер?

– Повесился.

– И почему, по-вашему, это случилось?

– Я отказался от него. Сообщил, что не хочу больше его представлять.

– Когда это было?

– За день до того, как он покончил с собой.

– Почему вы решили отказаться?

– В двух словах?.. Он стал совершенно непредсказуемым, буквально потенциальным источником проблем. В прошлом году я дал ему второй шанс, после того как он ввязался в очередные неприятности. Устроил ему несколько ролей в телесериалах, выходящих в лучшее эфирное время, поддерживал его занятость в глазах общественности. Потом в июле договорился с одним кинопродюсером о главной роли для него – заведомо выигрышный вариант. И что же он сделал? Вляпался в очередную скандальную историю. Только на этот раз ему не удалось бы выйти сухим из воды. Мне позвонила рыдающая женщина, требуя сказать, где находится Оливер. Она забеременела, а ее любовник смотался. Это стало последней каплей. Парень допек меня. Я понял, что он докатился до дна и в любом случае его ждет скандал. Я устроил его в шикарный фильм, а он воспринял это как лицензию на безнаказанную гульбу... Мы поимели короткий разговор, и он вышел от меня таким же заносчивым, как пришел, угрожая подать на меня в суд.

Грег, мягко говоря, удивился. Ему показалось невероятным, чтобы агент отказался от актера из-за небольшого скандала, особенно если они собирались получить хороший куш. Но, может, Роберт Фицджеральд решил проявить принципиальность...

Услышав про беременность, инспектор сразу установил некоторую связь и захотел узнать имя пострадавшей.

– Значит, все это случилось в июле? – уточнил он. – Договор на новую роль и женщина, сообщившая вам о своей беременности?

– В один и тот же день, тридцатого июля. Почти все утро я провел, разговаривая по телефону с продюсером и его секретаршей, обсуждая детали контракта. Время близилось к ланчу, и я уже собрался звонить Оливеру, чтобы сообщить ему отличные новости. Да только в тот момент мне как раз позвонила эта беременная женщина.

– Она назвала свое имя?

– Нет, да я и не спрашивал, но, полагаю, звонила она из Бата. Спросила, не знаю ли я, когда он вернется. По-моему, это была либо медсестра, либо сотрудница полиции, поскольку она попросила меня передать Оливеру, что находится на дежурстве и он может позвонить ей на службу. В прошлом году этот кретин вляпался в неприятности и с другой женщиной и продолжал действовать в том же духе. В общем, как я и говорил, мое терпение лопнуло. Я пригласил его на разговор и прямо отказал ему. Сообщил, что он может забыть об этой главной роли и что я навсегда вычеркиваю его из списка своих клиентов. Главная проблема

Оливера заключалась в том, что он и пяти минут не мог держать свою ширинку застегнутой.

Должно быть, он сделал беременной Эми Эббот, подумал Грег. Ее доставили в больницу в середине ноября и, согласно вскрытию, беременность составляла шестнадцать недель.

Воспользовавшись компьютером своей бывшей жены, Тёрнер собрал данные о краткой карьере актера. Позже он раздобудет больше информации на этого парня из других источников, а также возобновит расследование дел Эми Эббот и Лилиан Армстронг. Алекс Тейлор заявляла, что обе женщины убиты Мэгги Филдинг, но в реальности, вероятно, могла убить их сама. Следовательно, Лора Бест оказалась права – Алекс страдала какой-то формой делегированного синдрома Мюнхгаузена или же хладнокровно убила их за связь с Оливером Райаном. Возможно, как предполагала Кэролайн Коуэн, Тейлор сама слишком увлеклась этим актером, стала одержимой им...

– А что случилось с этой другой женщиной? – спросил инспектор.

– Она была врачом, – со вздохом произнес американец. – Работала в той больнице, где Оливер вживался в роль врача. Ее заведующая позвонила мне всего через пару дней и попросила, чтобы он больше не приходил к ним. Сообщила, что одна из ее подопечных подверглась сексуальному нападению. Оливер, естественно, отрицал это, а пожаловавшаяся на него врач не стала обращаться в полицию, поэтому дело закончилось тихо. – Немного помолчав, Роберт продолжил: – Я ни на минуту не поверил ему. Он представлял опасность для любой женщины.

– А не было у него какой-то особой привязанности или любви? – спросил Грег, решив подкинуть в это уравнение имя очередной женщины. – Вы когда-нибудь слышали о Мэгги Филдинг?

– Нет, о такой никогда не слышал. Однако в его жизни имелась особая любовь.

Полицейский мгновенно напрягся.

– Оливер Райан, – продолжил его собеседник. – Такой была единственная особая любовь его жизни. В ней не было места ни для кого другого.

* * *

В еще более мрачном настроении Грег продолжил путь к Бату,

прокручивая в уме разговор с американцем. Фицджеральд не верил, что самовлюбленный актер мог умышленно покончить с собой, считая его смерть несчастным случаем. Тёрнер же подумал, что его смерть, возможно, не была ни самоубийством, ни случайностью. Надо будет поговорить с полицейским, расследовавшим его смерть. Лицо Оливера что-то смутно напоминало инспектору, и это упорно тревожило его. Он сознавал, что мог видеть этого актера на телеэкране, но почему-то экранный образ его не устраивал. У него возникло ощущение, что он встречался с Райаном, но не мог вспомнить, где именно...

Квартиру Алекс Тейлор все еще обыскивали, и Грег намеревался заехать туда и дать коллегам некоторые новые ориентиры поисков – все, что могло быть связано с Оливером Райаном, Эми Эббот и Лилиан Армстронг. Или даже с тем стариком, которого доктор Тейлор едва не убила в отделении «неотложки». Они могли проверить его имя по полицейскому компьютеру, на тот случай если между ними имелась какая-то тайная связь.

Если б они доказали, что Алекс действительно убила всех этих людей, включая Фиону Вудс, то ее имя могло бы войти в историю наравне с другими знаменитыми серийными убийцами. А он, Тёрнер, прославился бы как главный следователь крупнейшей серии убийств за всю историю Бата.

Грег не испытывал ни малейшей радости от этой перспективы. За то короткое время, что он знал Алекс Тейлор, она запала ему в душу. Может, ему надо просто уехать подальше? Когда все это закончится, он может попросить перевести его в Оксфорд, чтобы забыть обо всей этой жуткой истории и жить поближе к сыну. Тогда можно будет видеться с ним чаще, и ему не надо будет пытаться всячески баловать его во время кратких и редких визитов. Последние недели научили Грега одному: труднее всего преследовать того, кто тебе симпатичен.

* * *

Констебль как раз собирался опечатывать входную дверь, держа наготове рулон желтой полицейской ленты, когда Грег попросил его показать регистрационную книгу. Пролистав ее, он заметил, что его команда освободила квартиру в пятнадцать минут первого, три часа назад, и поинтересовался у коллеги, в чем причина столь раннего ухода.

– Не думаю, сэр, что они нашли там что-то особенное, – ответил тот. –

Провели тут несколько часов, забрали компьютер и кучу бумаг, но не более того. Учитывая, что завтра Рождество, они, по-моему, надеялись быстрее разобраться с этими материалами в участке. И я вот как раз собираюсь опечатать дверь.

Тёрнер подозревал, что ребята выбрали наиболее простой вариант решения. Он понимал, что ему следовало бы рассердиться на них, ведь им поручили обыскать квартиру и найти очевидные следы преступления – одежду с пятнами крови или испачканный кровью скальпель, – но, проведя там короткое время, они, безусловно, не могли провести тщательный обыск. Грег догадывался, что все свалили пораньше, намереваясь скорее заскочить в паб и начать праздновать Рождество.

Инспектор попросил констебля не опечатывать дверь, пока он сам там не осмотрится. Пока Грег натягивал бахилы и перчатки, за его спиной остановился лифт. Двери с лязгом разъехались, и в застланный ковром коридор вышел мужчина. Джон Тейлор был худощавым, седовласым человеком, одетым в джинсы и синий рыбацкий свитер.

Тёрнер отметил сходство между ним и его дочерью в форме рта и в очертании скул. Мужчина выглядел сильно встревоженным, и полицейский решил поговорить с ним.

– Добрый день, мистер Тейлор. Могу я спросить, что вы здесь делаете?

– Вероятно, то же самое, что и вы, – кивнул в сторону входной двери Джон. – Ищу ответы. Только я ищу те, что докажут ее невиновность.

– Сэр, я не могу разрешить вам войти в квартиру, – сочувственно кивнув, сообщил инспектор. – Уверен, вы понимаете, по какой причине.

Отец Алекс взглянул на стоящую у стены коробку с надписью «Тяжкие преступления». Там лежали белые комбинезоны на молнии, пластиковые бахилы, бумажные маски и перчатки – какому бы грязнуле ни пришлось обыскивать место возможного преступления, он не оставил бы после себя следов и не унес бы на себе следы преступника.

– А если я оденусь как положено? – спросил Тейлор.

Грег покачал головой, и Джон тяжело вздохнул.

– Мою дочь обвинили в двух убийствах. Для вас, как для офицера полиции, это, может быть, и привычно, но Алекс – моя дочь, и я уверен, что она невиновна, и поэтому, пока вы будете пытаться найти доказательства вины, мне достаточно просто немного посидеть в квартире. Они там, в больнице, накачали ее успокоительными, поэтому я даже не смог поговорить с ней... Мне просто необходимо хоть где-то почувствовать близость к ней.

Глаза мужчины горели страданием, и Тёрнер принял решение. Если

ему суждено быть повешенным за ягненка, так почему не украсть еще овцу^[24]? В общем, семь бед – один ответ. Его уже и так ждал вызов к суперинтенданту за ненадлежащее поведение с Лорой. Он вытащил вторую пару бахил и вручил их Тейлору вместе с перчатками.

– Только ничего не трогайте и оставайтесь в поле моего зрения.

Двое мужчин вошли в квартиру и остановились, осматривая скудную и аккуратную обстановку. Почти такую же безупречную, какой она запомнилась Грегу по последнему посещению. Никакой разбросанной по полу обуви или вороха газет на столике. Если в других комнатах такой же порядок, то неудивительно, что его ребята так быстро смылись. Обыск здесь не представлял никаких трудностей.

Единственной вещью, нарушавшей порядок, была большая частично распакованная картина, лежавшая поверх пузырячатой упаковки на одном из кожаных диванов. Рядом пристроилась узкая картонная коробка. На картине была изображена обнаженная женщина, лежащая на кровати, с оголенной грудью. Ее руки напряженно тянули красный шарф, который держал выходящий из комнаты мужчина – похоже, она пыталась затащить любовника обратно в комнату. Цвета были сочными, дерзкими и яркими. Отец Алекс склонился к картине, пристально разглядывая ее.

– Нет ничего нового в том, что лучшего из людей ложно обвиняют в тяжчайшем грехе те, кто сами погрязли в тяжких пороках.

– Суть сюжета? – спросил Грег, понятия не имевший, к чему он это сказал.

– Книга Бытия, глава тридцать девять.

– Мистер Тейлор, вы увлекаетесь религией? – удивленно спросил Тёрнер.

– Нет. Просто интересуюсь искусством. Это современная версия «Жены Потифара». Ее интриги как раз и описаны в той самой тридцать девятой главе. Правда, есть несколько версий, но, по сути, все они рассказывают одну и ту же историю.

– Что за история?

– Властная женщина обвиняет своего раба в изнасиловании. Иосиф преданно служил своему господину, а его жена попыталась соблазнить его и затащить в свою постель. И получив отказ, она наговорила мужу, будто он изнасиловал ее. Тогда Иосифа бросили в тюрьму.

Грег пригляделся к яркой картине, а потом, действуя по наитию, позвонил Натану Беллу. Ему повезло: в регистратуре сказали, что тот как раз заступил на дежурство. Услышав в телефоне голос врача, инспектор сразу перешел к делу:

– Натан, это Грег Тёрнер. В тот вечер, когда вы зашли навестить Алекс, была ли на одном из диванов картина?

– Да, ее только что доставили, – мгновенно ответил доктор, хотя его голос звучал отчужденно. – Она еще даже не успела до конца распаковать ее. А в чем дело?

– А она не говорила, сама ли ее купила, или кто-то прислал картину?

– Нет, вроде бы не говорила. А что? Это важно?

Грег и сам не знал. Знал он только, что история, изображенная на картине, вызвала у него тревогу. Чего ради Алекс покупать себе подобную картину, особенно ввиду того, в чем она обвинила Оливера Райана?

Из телефона донесся вздох, и Натан Белл вновь заговорил:

– Вспомнил! Она сказала, что это подарок. Я спросил, не от ее ли старого приятеля, а она ответила отрицательно. Но это точно подарок... Так она и сказала мне.

Отец Алекс Тейлор с надеждой смотрел на полицейского, но тот пока ничем не мог порадовать его. Осознавая, что его слышит не только Натан, он сдержанно произнес:

– А вы помните тот больничный подвал, который мы не успели обыскать?

– Да, конечно.

– Можете ли вы встретиться со мной там?

– Да. Дайте мне часок, чтобы подыскать замену, а потом можем встретиться в приемном покое.

Грег повернулся к Джону:

– Сейчас я должен попросить вас уйти, поскольку и сам должен отправиться в участок.

– Мне не важно, куда вы отправляетесь, – кивнув, заметил мужчина, – пока вы следуете в правильном направлении.

Но Тёрнер не знал пока, какое направление правильное. Возможно, это всего лишь тупиковая версия, и он не мог строить надежды на песке, сознавая, как легко они могут рухнуть. Вероятно, у них нет ни малейшего шанса найти в данном случае новую зацепку, но попытаться надо.

Выходя из квартиры, инспектор дал констеблю задание связаться с художественной галереей, из которой прислали эту картину, выяснить, кто купил ее, и потом немедленно доложить ему.

Глава 52

Занимаясь приготовлением соуса, Мэгги Филдинг вдруг осознала свою ошибку. Размышления о Рождестве и купленных подарках пробудили воспоминания. Увы, она оставила улику, способную связать ее с Тейлор. Если они устроили обыск в квартире Алекс и обнаружили присланную ею, Мэгги, рождественскую открытку, то могли прийти к заключению, что речь там идет о той самой картине, хотя она и не подписалась.

Подобные мелкие ошибки могли уличить ее.

Особенно учитывая, как много она натворила. Убийство Эми Эббот оказалось непростой задачей. Когда медсестра пришла в себя, привязанная к операционному столу, первоначальный план – убить ее и заморозить – изменился. Если подольше подержать ее в живых, это может стать очередным ходом в деле уничтожения Алекс Тейлор. Но как же сложно было несколько дней поддерживать в Эббот жизнь! Когда ее крики становились слишком громкими, Мэгги заклеивала ей рот скотчем. Она не боялась, что крик могут услышать, просто сами вопли начинали сводить ее с ума.

В конце концов Эми впала в бредовое состояние, и ввиду надвигающейся смерти Мэгги просто бросила ее на территории больницы. Даже в самых необузданных фантазиях она не могла предвидеть, что эта медсестра еще способна что-то сказать.

Когда та прошептала: «Вы говорили, что поможете мне», – она, разумеется, говорила эти последние слова, обращаясь к Филдинг.

В итоге эти воспоминания были испорчены, и последствия уже не удовлетворяли Мэгги. Она сама погубила их, перемудрив с планами. Ей хотелось сохранить жизнь Алекс, но разрушить ее. Теперь же придется изменить концовку...

Томатный соус в большой кастрюле закипел, и Филдинг быстро убавила жар. Макароны сварились, но есть уже расхотелось – при мысли о том, что она должна сделать, аппетит пропал. Ароматное красное варево, выкипая, становилось тусклым и густым, уже не напоминая кровь, однако Мэгги воспринимала этот соус именно как кровь, воображая смерть Алекс Тейлор.

В яростной досаде Филдинг сцепила руки. Она совершила ошибку, подарив Тейлор картину. Ей захотелось, чтобы Алекс когда-нибудь узнала истинное значение этого подарка, но сейчас Мэгги осознала, что дала

полиции основание допросить ее саму.

Она могла сказать, что доктору Тейлор так понравилась ее версия картины, что та практически умоляла коллегу найти ей нечто подобное. И тогда Мэгги согласилась – из жалости. Правда, она не упоминала о картине во время допроса, поскольку не считала ее важной. Однако это слишком рискованно. Как только они начнут копать под нее, то примутся задавать дурацкие вопросы о ее передвижениях в тот вечер, и тогда ее алиби начнет разваливаться. Может всплыть и тот факт, что к родам близнецов она подключилась лишь в середине операции, придя на помощь неопытному ординатору. Когда ее вызвали по коммутатору в отделение «неотложки», она заявила, что не может подойти, поскольку сделана еще только половина операции. Ей, разумеется, не хотелось, чтобы встал вопрос о том, где она находилась во время первой половины этой операции. Да, надо действовать быстро, пока Алекс Тейлор еще на свободе...

Дилан подобрался поближе к закрытой тарелке с макаронами, надеясь, что ему повезет стащить высунувшуюся из-под крышки макаронину. Мэгги стала наблюдать, как ее любимец вытянул макаронину своими кожистыми лапками и, захватив ее длинными зубами, утащил подальше в сторонку. Его круглые черные глазки невинно смотрели на нее. Но в душе его хозяйки, подобно гигантской волне, нарастало чувство безумной ненависти к Алексу Тейлору, и она начисто забыла, как любила эту коричневую крысу. Ни секунды не колеблясь, Мэгги схватила кастрюлю с кипящей красной жидкостью и опрокинула ее на Дилана.

Крыса запищала и, дико изворачиваясь, попыталась стряхнуть с себя обжигающий соус. Выпуклые глазки побелели, и ослепленный, в мучительной агонии, зверек не находил облегчения, постоянно поскальзываясь в луже обжигающего жидкого варева. Сердце Мэгги заколотилось. Крыса визжала все громче, и не способная ни о чем думать в таком шуме или даже отвести взгляд от исполненной отчаяния твари, женщина схватила ее и в сердцах швырнула об кухонную стену. Дилан упал на пол, подергался пару злосчастных секунд и замер в неподвижности.

Впервые со смерти Оливера Мэгги Филдинг заплакала.

«Мэгг, это они во всем виноваты, – говорил он ей, поименно назвав виновниц. – Только они виноваты в том, что я потерял эту роль».

Оливер пригласил ее на ужин в ресторан, где сообщил, что агент бросил его, что он потерял лучшую роль и что такой шанс уже никогда не повторится. Но во всем этом нет его вины, объяснял он. Эти женщины преследовали его.

Под влиянием алкоголя и уверенности в том, что Мэгги не станет

обвинять его, он рассказал ей и об Алекс Тейлор. Поведал, как эта женщина соблазняла его целый день, а потом отказала ему.

– Но я же мужчина, Мэгг, а не святой. Мог ли я устоять? И она же виновата в том, что я отправился к этой дурацкой шлюхе. Если б она не возбудила меня, мне ничего не понадобилось бы. Это был всего лишь выплеск, Мэгг. Я просто нуждался в сексуальной разрядке.

Филдинг сдержалась, не спросив его, почему полгода назад он вернулся в Бат, чтобы искать выплеск с очередной женщиной и на сей раз оставил в ней свое семя. Она узнала о существовании этой медсестры из полученных им текстовых сообщений. И когда Мэгги перебралась в Бат, то довольно легко нашла ее следы.

Она, также сдержавшись, не стала говорить ему, что уже давно начала догадываться о его страсти к сексу с другими женщинами – ей попала на глаза розовая визитка «Сбросьте напряжение с Лилиан», рекламирующая услуги, продаваемые этой шлюхой.

– Мэгг, во всем виноваты они, – неоднократно повторял Оливер в тот вечер, и ей хотелось верить ему, пока они не вернулись к нему в номер. Пока он не поделился с ней своими планами.

* * *

Поверх зеленого рабочего костюма Натан Белл накинул элегантную куртку. Они с Грегом вооружились фонарями, поскольку потолочные лампы дневного света, тянувшиеся метров на тридцать вдоль длинного коридора, давали тусклое освещение. Их покрытые многолетней пылью трубки едва пропускали свет.

Они находились где-то под основными операционными палатами, и Натан заметил старую шахту давно не используемого лифта, доставлявшего в эти подземные помещения персонал и оборудование. На первом и втором этажах над ними этот лифт заложили стеной, и большинство людей вообще не знали о том, что он скрывается за слоем штукатурки.

Заглянув в шахту, они обнаружили, что там свалены старые прикроватные тумбочки, пара инвалидных кресел и разобранная на части больничная кровать с коричневым каучуковым матрасом. Теперь этот старый лифт использовался в качестве свалки.

По низкому потолку тянулось множество проложенных кабелей и труб.

Смахивая паутину, мужчины миновали очередную грудку брошенного оборудования и продолжили поиски. Входя в этот подвал, Грег почувствовал слабую надежду, но та быстро убывала. Пока они не нашли ничего, что напоминало бы операционную палату, и полицейский пожалел, что не додумался попросить своего спутника захватить планы этого подземелья.

Дойдя до конца второго коридора, они оказались на развилке. Тёрнер кивнул Натану, показывая, что намерен пойти налево. Спустя десять минут они вернулись к развилке и уныло направились обратно тем же путем, что пришли. Их поиски закончились, не увенчавшись успехом.

– Знаете, если Алекс говорит правду, то настоящий убийца явно знал об этих подземных коридорах. А если убийца – Мэгги Филдинг, то у нее должен был быть соучастник. Нереально, чтобы она одна могла дотащить сюда Алекс, – заметил Белл.

– Я подумал примерно о том же, – ответил Грег, пытаясь представить, какой женщине под силу донести сюда взрослого человека. Он считал крайне маловероятным, что им с Натаном удастся случайно отыскать эту таинственную операционную. Да и искать-то ее, наверное, негде...

Инспектору вспомнилась картина из квартиры Алекс. Мог ли ее прислать Оливер Райан? Он уже умер. Но в принципе перед смертью актер мог сделать заказ на доставку ей рождественского подарка. Может, в качестве издевательской шутки? Или ее послала одна из убитых женщин? Могли ли эти женщины умереть из-за того, что Алекс Тейлор безумно влюбилась в Оливера Райана? Ох, уж этот Оливер Райан...

Внезапно Тёрнер замер. В памяти у него всплыл тот случай, когда он однажды встретил Оливера. Грег вспомнил, как директор ресторана извинялся перед этим актером за то, что его побеспокоила такая особа. Вспомнил, как Райан пытался спрятаться за буклетом меню, хотя тогда инспектор подумал, что он пытается скрыть свое смущение. Однако на самом деле Оливер хотел прикрыть лицо, опасаясь, что его могут узнать, поскольку его нежеланной гостьей была Лилиан Армстронг – и он явно не хотел оказаться у всех на виду рядом с подобной женщиной. Тем более что Армстронг – огрызаясь, чтобы отвалили, на всех и каждого – заявила, что ее пригласили.

Тогда Грег не поверил ей, но сейчас подумал, что, возможно, ее действительно пригласили. Просто Оливер Райан мог пригласить ее не в ресторан, а лишь в свой номер...

– Нам нужно найти доказательства причастности доктора Филдинг, – внезапно сказал Натан.

– Нам нужно найти доказательства невинности Алекс, – возразил полицейский, покачав головой. – Иначе наша игра будет проиграна.

* * *

По чистой случайности он заметил за приставленным вертикально к стене основанием кровати очертания какой-то двери. Луч его фонарика скользнул по ней, и Грег разглядел на стене металлическую пластину. При ближайшем рассмотрении инспектор увидел, что она закреплена в том месте двери, где когда-то, возможно, находилась ручка. Отложив фонарь, он сдвинул в сторону основание кровати и открыл эту дверь, уцепившись за ее край кончиками пальцев.

Оба мужчины направили внутрь лучи фонарей. Оценив пространство между полом, стенами и потолком, они прикинули, что его площадь примерно двадцать квадратных футов, или около двух квадратных метров. Возле одной стены лежала связка из четырех ржавых кислородных баллонов. Рядом стояли низкий металлический стул и складная инвалидная коляска. Под старым грязным полиэтиленом скрывался высокий громоздкий объект. А в центре комнаты стояло то, что они искали, – операционный стол.

– Это же фирменный стол! – воскликнул Натан. – Правда, мы уже давно не пользуемся такими... Вероятно, он простоял здесь много лет.

Подойдя к громоздкому предмету, он стащил полиэтилен, и под ним оказался устаревшего типа операционный светильник высотой в человеческий рост. Одна секция регулируемого составного штатива опустилась, точно шея жирафа, удерживая большой стеклянный диск, способный давать яркий свет во включенном состоянии. Если полностью поднять верхнюю секцию этого светильника, он станет на несколько футов выше.

– И такими светильниками тоже давно не пользуются, их сияние слишком вредно для глаз хирургов... А вот и нашелся «сообщник» Мэгги Филдинг, – сказал Белл, направив луч фонаря на инвалидную коляску. – Она могла привезти ее сюда. Грег, Алекс говорила правду. Именно сюда ее, должно быть, привозили.

Тёрнер скептически прищурился. Этот парень готов ухватиться за любую соломинку. Они нашли старый операционный стол и инвалидное кресло, и Натан Белл сделал поспешные выводы, отчаянно стремясь

доказать невиновность своей подруги. Но Грега эти находки пока ни в чем не убедили. Он внимательно оглядел помещение, ища свидетельства недавней деятельности, однако ничего не обнаружил. Холодный и сырой воздух. Чистый пол. Чистый операционный стол. Инвалидная коляска... Холодок пробежал по его спине, когда он вновь обвел взглядом это помещение. Куртки обоих мужчин покрылись пылью и паутиной, однако комната, в которую им удалось проникнуть, была безупречно чистой. Ни пыли. Ни паутины. И, к его изумлению, инспектор вдруг осознал, что раньше ее никто не осматривал. Лора доложила, что сержант Макинтайр провел тщательный обыск, и он, вероятно, действительно старался. Ему поручили найти операционную палату или пытающегося сбежать человека, одетого в хирургический костюм. Если б они искали пропавшего человека, то не пропустили бы это место. Но, по словам Алекс Тейлор, она не пыталась сбежать, ее просто похитили...

Грег попытался отогнать эту тревожную мысль. Он понимал, что еще не нашел убедительных доказательств ее невиновности. Им необходимо найти нечто более существенное для подтверждения истории Алекс. Прокуратура могла возразить, что Тейлор сама знала это место и детально продумала свою историю, чтобы она соответствовала свидетельствам. Им надо найти доказательства ее невиновности и доказательства вины настоящего преступника.

– Ты смотрел «Власть страха», фильм такой? – спросил Тёрнер.

Натан отрицательно покачал головой.

– Ладно, не важно, – продолжил Грег. – Просто делай так, как я скажу тебе. Нам надо с фонарями обследовать здесь каждый дюйм. Возможно, мы ничего не найдем, но по крайней мере попытаемся. Алекс заслуживает этого.

Глава 53

Когда завывала пожарная сирена, Джейки Джексон, как его называли все знакомые, включая жену, как раз встал, чтобы размять ноги. Коробка звукового пожарного датчика находилась на стене прямо напротив охраняемой им палаты, и выла она оглушительно. Его подопечная мгновенно проснулась в ужасе и попыталась сбросить одеяла и встать с кровати.

Джейки испытал жалость, завидев ее хрупкую, уязвимую фигурку. Ему не нравилось, что приходилось торчать в этой палате целый день. Необходимость охранять врача казалась ему странной, да и вообще, на его сведущий в таких делах взгляд, по правде говоря, она вовсе не походила на убийцу. Хотя привычный стереотип злодея с близко посаженными глазами и сросшимися бровями он считал просто абсурдным. Убийца нынче выглядел как убийца, только если ты поймал его за руку, и в этом как раз заключалась сложность. И хотя Джексону сказали, что перед ним убийца, эта худенькая стройная девушка все равно никак не вязалась с образом злодейки.

Перекрикивая вой сирены, охранник сообщил ей:

– Я быстро схожу проверю, не учебная ли это тревога.

Он достал пару наручников.

– Не надо! Ну, пожалуйста! Я буду тихо лежать здесь, – взмолилась Алекс.

Джейки Джексон засомневался. Конечно, эту докторшу пока не арестовали официально... Ему поручили охранять ее до прихода инспектора Тёрнера.

– Я отлучусь только на минутку, – сказал он.

– Пожалуйста, а если где-то там действительно пожар и вы не сможете вернуться ко мне? Ну прошу вас! Я никуда не уйду. Буду ждать. Только не оставляйте меня пристегнутой.

– Ладно, я быстро все проверю. Наверняка там просто ложное срабатывание, и я мигом вернусь.

Внезапно дверь распахнулась, и вбежавшая в палату медсестра, неистово взмахнув рукой, воззвала к полицейскому:

– Можно вас попросить? Мне срочно нужна помощь! Там настоящий пожар, а у меня пациент застрял в ванной комнате. Чертову дверь заклинило!

И Джейки сделал то, чего не делал никогда за тридцать четыре года службы. Он оставил подопечную без охраны.

– Я вернусь в мгновение ока, – бросил он Алекс.

Спокойно проходя по коридору, Мэгги смотрела, как мимо нее сновали переполошившиеся сотрудники. Медсестры и санитары быстро перевозили в безопасное место пациентов на каталках и в инвалидных креслах, а врачи пытались продолжать лечение на ходу. Под Рождество больница была переполнена пострадавшими в авариях и драках и просто заболевшими, но среди них попадались и люди, которым не удалось получить назначение к семейному врачу, и им просто хотелось провести праздничный день в лучших условиях.

И над всей этой суетой на голову возвышался осанистый и крепкий полицейский.

* * *

Заметил их именно Натан, но ему не пришлось объяснять Грегу, что он обнаружил. Тёрнер частенько видел выброшенные защитные колпачки шприцев на узких безлюдных улочках и на полу в общественных туалетах. Эти белые пластиковые трубочки защищали от грязи инъекционные иглы.

Точно сведущий детектив, Белл достал из кармана резиновую перчатку.

– Новая, еще не надеванная, – пояснил врач, расправляя ее.

Сунув колпачок в перчатку, он вручил добычу Грегу.

– Спорим на что угодно, что нам не удастся снять с него отпечатки, – заметил тот. – Маловата улика, да и убийца, наверное, не позабыл про перчатки...

– Вы никогда не видели Мэгги Филдинг со шприцем в руках, – возразил Натан Белл, и лицо его озарилось редкой улыбкой. – Она всегда покусывает колпачок, держа его во рту, словно спичку. Вы обнаружите на нем ДНК, Грег... А это еще лучше, чем отпечаток пальца.

* * *

Пожарная сирена продолжала завывать, и Алекс не слышала того, что происходило за стенами ее палаты. Ей не хотелось случайно столкнуться со

своим полицейским охранником, но она понимала, что это ее единственный шанс сбежать. Чуть приоткрыв дверь, доктор Тейлор выглянула в коридор, но не увидела там ни полицейского, ни кого-либо другого. Про нее, видимо, все забыли, поскольку спешили вывести из здания пациентов. Она уловила запах дыма и подумала, что в одной из палат могла загореться мусорная корзина – вероятно, кто-то из пациентов, посетителей или даже сотрудников, решив тайком покурить, бросил туда плохо погашенный окурок.

Рискнув приоткрыть дверь пошире, Тейлор увидела лишь безлюдный коридор. Уж если она хочет сбежать, то делать это надо сейчас, другая возможность ей вряд ли представится. Впервые с прошлой ночи ее оставили в полном одиночестве. Нельзя упускать такой удачный момент – надо попытаться исправить вред, нанесенный Мэгги, и найти какие-то доказательства собственной невинности. Если б ей удалось связаться с Себом и попросить его помочь! Он поможет найти укромное место и придумать хороший план. Алекс сознавала, что Себ, как никто другой, способен помочь ей выпутаться из этого ужаса.

Опасаясь, что может передумать, она стремительно пошла по коридору. Проходя мимо окон, увидела, что перед больницей толпится множество людей. Дойдя до комнаты персонала, проскользнула туда и через пару минут вышла уже в зеленом комбинезоне и в белом докторском халате. Правда, ей пришлось и дальше идти босиком, но пока ее некому было заметить.

Она сможет пройти сквозь толпу. Алекс надеялась, что среди всей этой суматохи на нее даже не обратят внимания. Внезапно, заметив в толпе охранявшего ее полицейского, она резко остановилась и решила изменить задуманный путь бегства. Можно выйти через северный выход больницы. Охранник как раз стоял к ней спиной, и она, не упустив такой удачный случай, опустила голову, пробежала мимо окон и быстро пошла по южному коридору, иногда оглядываясь назад и проверяя, нет ли погони. Здесь было гораздо тише. Даже настолько тихо, что Алекс слышала собственное прерывистое дыхание. Нервно вздохнув, она подумала о том, как ей действовать дальше. Надо раздобыть телефон, позвонить Себу и разработать с ним план действий. Ей надо где-то переодеться, одолжить денег и добыть доказательства вины Мэгги. Она сможет найти агента Оливера Райана, выяснит, как умер актер, и отыщет того, кто знал о его связи с Филдинг, того, кто видел их вместе...

Практически перейдя на бег, Алекс достигла конца коридора, резко свернула налево – и едва не рухнула от испуга, когда Мэгги Филдинг

схватила ее за шею и приставила к горлу что-то острое.

– Одно слово, и я перережу тебе глотку, – злобно прошипела Мэгги.

Ее лицо побелело от ненависти, и доктор Тейлор почувствовала, как сильно дрожит рука, прижимающая лезвие к ее горлу.

Храня полное молчание, Алекс прикинула возможные варианты. Проявить сопротивление, рискуя быть убитой? Подчиниться, подвергнувшись еще большей опасности? Она вспомнила все, что уже пережила, и подумала о том, что может ждать ее впереди. Тейлор ясно увидела, каким будет конец истории, словно перед ее мысленным взором промелькнули кадры жуткого триллера, и приняла решение. Она уже пыталась бежать от страха. Она устала от всего этого. Расставив для устойчивости ноги пошире, Алекс внезапно, покончив с сомнениями, так резко дернула головой в сторону лезвия, что острие прорезало ее шею. Из раны мгновенно потекла кровь, а Мэгги глянула на нее, точно на сумасшедшую.

– Дура, ты лишь слегка порезалась!.. Нет, Алекс, я не намерена убивать тебя прямо здесь, как бы ты ни старалась спровоцировать меня.

Крепко схватив свою жертву за волосы, Филдинг резко дернула назад ее голову и, пронзив одежду, воткнула лезвие ей в бок. Алекс ахнула от боли, когда сталь проникла в ее плоть.

– Всего лишь терпимая боль, чтобы держать тебя под контролем, – прошипела Мэгги ей на ухо. – А теперь иди и не вынуждай меня усугублять твои мучения.

Глава 54

Джейки Джексон обшарил пристальным взглядом пустую палату, словно надеясь, что Алекс Тейлор еще может каким-то чудом материализоваться в ней. Он пребывал в безумной тревоге. Заглянув под кровать и проверив душевую, охранник даже сбегал обратно к выходу из отделения, где толпились все обитатели больницы, но нигде не обнаружил ее следов.

Вытащив мобильник, он позвонил в участок и попросил прислать команду полицейских для поисков пропавшей подозреваемой, а затем опять выбежал в коридор и начал самостоятельный поиск. Увидев идущего навстречу шефа, Джейки испытал облегчение. Его не волновало, что у него будут неприятности. Он беспокоился лишь о безопасности молодой женщины, которую ему поручили охранять.

– Где она? – спросил Грег Тёрнер, уже догадываясь о случившемся.

Джексон не стал тратить много времени на объяснения или на раздумья о том, как его шеф так быстро уловил суть.

– Началась пожарная тревога. Я вышел на секундочку узнать, в чем дело, а когда вернулся, она уже исчезла, – рассказал он.

– Вы позволили ей сбежать?! – взревел Тёрнер, перекрывая звук все еще воющей сирены.

– Да, сэр, и у меня какое-то скверное предчувствие.

В нагрудном кармане Грега завибрировал мобильник. Вытащив его из кармана рубашки, инспектор приложил его к уху, а другое ухо заткнул пальцем. Он еще пытался перекричать сирену, когда ее вой внезапно оборвался.

– Кто вы и что вам надо?! – в раздражении продолжал орать он.

– Сэр, это я, – отозвался звонивший, – констебль Норман. Я раздобыл нужные вам сведения. О той картине.

Грег затаил дыхание от волнения в ожидании, какое ему назовут имя. Возможно, имя убийцы... На одно жуткое мгновение он подумал, что услышит имя Алекс Тейлор. Что это она сама послала себе картину. Имя легко слетело с языка молодого констебля, и Тёрнер, несмотря на потрясение, испытал глубочайшее облегчение. Алекс говорила правду, а он подумал, что для правды ее история слишком натянутая.

– Маргарет Филдинг, – сообщил Норман. – Расплатилась картой «Виза» и отослала посылкой по адресу на квартиру, которую я охраняю.

Поблагодарив констебля, Грег нажал клавишу отбоя и, повернувшись к Натану Беллу и Джейки Джексону, сказал:

– Давайте найдем ее.

* * *

Бок жгло огнем, и Алекс подумала, что рану придется зашивать... Если она, разумеется, доживет до этого. В третий раз за три месяца Мэгги привязывала ее к операционному столу. Только теперь Алекс точно знала, где находится: в отделении травматологии. Филдинг примотала ее руки скотчем к столу, а потом для надежности еще ту же обвязала их бинтами. Затем, прикрутив простыню, привязала ее ноги к столу и теперь стояла над ней, вооружившись скальпелем.

– Ты получишь желаемое, Алекс. Больше никаких недоразумений. Мы закончим дело прямо здесь. Они найдут тебя мертвой и сочтут, что ты покончила с собой.

– Покончила с собой? – Алекс недоверчиво глянула на свою противницу. – Ты проткнула мне бок, и на шее осталась рана. Никто в это не поверит.

Мэгги ничего не ответила, но пленницу это уже не волновало. Она больше ничего не боялась. Она переросла страх смерти. Сейчас Алекс думала только о своей матери, об отце и о Памеле, а еще о своей любимой подруге.

– Мэгги, почему ты убила ее? Чем тебя разозлила Фиона?

Филдинг уклончиво покачала головой и отвела глаза.

– Пожалуйста...

Наконец Мэгги взглянула на нее, и впервые Алекс подумалось, что она видит настоящую Мэгги Филдинг. Женщину, терзаемую собственной совестью. Глубоко вздохнув, та отвернулась от своей жертвы.

– Она заметила меня с твоим мобильником, и я постаралась отвязаться от нее. Она заявила, что послала тебе сообщение и не получила никакого ответа. Я объяснила, что тебе просто понадобился мобильник, когда ты поняла, что забыла его на работе, и я собираюсь отдать его тебе. Фиона не поверила мне. Я добавила, что у нас с тобой назначена встреча и она сама сможет все узнать у тебя. Сообщила ей, где мы с тобой должны встретиться, и она демонстративно удалилась.

Мэгги умолкла. Пауза затягивалась. Казалось, Филдинг пытается

принять какое-то решение. Наконец, пристально взглянув на Алекс, она продолжила:

– Если б она ушла не оглядываясь, я не стала бы ее преследовать, но она оглянулась и сказала, что не верит мне. И что мне оставалось делать, Алекс? Только позволить всем думать, что ты натворила нечто столь ужасное... как убийство твоей лучшей подруги.

– За это, Мэгги, ты попадешь в ад.

В это мгновение перед глазами Тейлор блеснула сталь, и она почувствовала острейшую боль в правом запястье. Вверх тут же брызнула сильная струя крови. Алекс видела, как ее капли испачкали операционный светильник над столом.

– Ты мне нравилась, Мэгги, – сказала она. – Правда, нравилась.

Скальпель резко переместился, и на этот раз резанул левое запястье. Алекс уже ждала этой боли, так что она показалась ей еще более мучительной. Ее левая рука увлажнилась, а пальцы стали теплыми и скользкими.

Она умирала. Через несколько минут ее сердце перестанет биться. В следующем месяце будет ее день рождения, но ей уже никогда не исполнится двадцать девять лет. Глубоко вздохнув, Алекс услышала глухой стук сердца за грудиной.

– Мэгги, возьми меня за руку, – прошептала она. – Не дай мне умереть в одиночестве.

Ей никто не ответил. Филдинг отошла от стола, но Алекс знала, что она еще в палате. Что она дожидается ее смерти. Потом ей придется снять все бинты и липучки и оставить скальпель рядом с ее рукой, чтобы все подумали, будто она сама лишила себя жизни. Другие раны могут счесть неудавшимися попытками. В итоге Мэгги, видимо, победит, и все, кто знал или любил Алекс, подумают, что убийца умерла.

Во рту у нее пересохло, стало холодно. Она больше не видела струй своей крови и не чувствовала биения сердца. Сознание постепенно покидало ее, в ушах начался тихий звон.

Веки Алекс затрепетали и закрылись.

* * *

Трое мужчин в полном молчании следовали вдоль капель крови, цепочкой тянувшейся по коридору, переживая о том, что же им предстоит

найти. Но следы крови, приведшие к операционной палате, ни в коей мере не подготовили их к представившемуся их глазам зрелищу. На мгновение все трое застыли на пороге операционной. Пол вокруг операционного стола покраснел от крови – повсюду были кровавые лужи, уже начавшие густеть. Алекс, повернув голову набок, лежала на операционном столе с привязанными руками.

Натан, опомнившись первым, бросился к ней, по пути отдавая распоряжения своим спутникам:

– Позвоните по телефону «три-три-три». Сообщите, что мы в операционной травматологии. Нажмите ту красную кнопку, что на стене за моей спиной, хватайте любые тряпки и покрывайте ими пол. Грег, иди сюда, поможешь мне.

Джейки Джексон отправился звонить, а Тёрнер, стараясь не поскользнуться на залитом кровью полу, подошел к врачу.

– Снимай галстук и туго затяни его вокруг ее запястья, а потом подними ей руку за голову, – скомандовал Белл.

Пока Грег выполнял указания, Натан надел Тейлор на другое запястье манжет для измерения давления и включил механизм надува, чтобы этот манжет выполнил роль второго жгута. Затем взял традиционный жгут и туго затянул его поверх галстука Тёрнера, после чего нажал педаль регулировки положения стола, и его изголовье опустилось. Бросившись к какому-то шкафу, врач достал оттуда оранжевые катетеры.

– Подними ее подбородок и приложи ухо ко рту; проверь, дышит ли она, – велел он своему помощнику.

Грег опять выполнил указание, а Натан ввел две большие внутривенные иглы в руки Алекс. Взяв два больших пакета с жидкостью, быстро подсоединил их к проводам капельницы, и раствор начал поступать в вены.

– Дыхание есть? – спросил Белл.

Полицейский в отчаянии взглянул на него и покачал головой. Натан занял его место в изголовье стола, быстро приложив два пальца к шее женщины.

– Пульс есть, но она не дышит. Грег, дыши ей в рот, пока я не подсоединю ее к кислородной подушке. Зажми ей нос, подними подбородок и вдыхай в нее воздух, накрыв ее рот своим.

Сделав, как сказано, Тёрнер почувствовал, как холодны губы Алекс, и испытал приступ паники. «Тебе нельзя умирать, – мысленно взмолился он, – ты еще так молода! Держись, Алекс. Пожалуйста, умоляю, держись!»

Он обрадовался, когда Натан поручил ему подсоединить к ней

надутую кислородную подушку и маску. Судорожно глотнув воздуха, сам постарался успокоиться, а потом заметил, что грудь женщины поднялась.

– Она начала дышать? – уточнил инспектор.

– Пока не самостоятельно, – ответил Белл. – Она слишком слаба, Грег; надо, чтобы ты помог ей. Повторяй то, что буду делать я. Нам нужно как можно скорее накачать ее жидкостью. И надо срочно заказать кровь.

Вскоре в палате появились врачи и медсестры, а спустя двадцать минут за жизнь Алекс боролась уже целая толпа специалистов. Два пакета крови успели частично возместить ее кровопотерю, а третий и четвертый уже подсоединили к нагревателю, чтобы в нужный момент их содержимое тоже заструилось по ее венам.

Грег стоял, привалившись к стене, чтобы не мешаться под ногами. Джейки Джексон в той же позе стоял у противоположной стены, и на лице его застыло страдальчески-потрясенное выражение. Он позвонил в участок и дал указание немедленно арестовать Мэгги Филдинг. Тёрнера не волновала проблема ареста этой женщины – пока все его помыслы сосредоточились на состоянии Алекс. Он понимал, что ее жизнь все еще в опасности. До него доносились разговоры врачей о факторах свертываемости и о том, что она потеряла слишком много крови для того, чтобы новая кровь свернулась. Грегу представлялось, что ее кровь стала слишком водянистой, менее тягучей, подобно разбавленному водой кетчупу. Он не сводил глаз с ее мертвенно-бледного лица – и вдруг осознал, что молится с такой неистовой страстью, с какой еще никогда не молился.

К ее шее подсоединили три тонюсенькие трубочки. В обеих руках стояли катетеры, а еще один был вставлен в паховую артерию, благодаря чему точно отслеживалось ее кровяное давление. В мочевого пузырь тоже вставили катетер и следили за выходом мочи. Вокруг Тейлор сгрудились столики с какой-то сложной аппаратурой. Ее легкие искусственно вентилировались, а тело скрывалось под таким легчайшим и тонким синтетическим покрывалом, что казалось, будто оно вот-вот порвется. Все ждали стабилизации ее состояния, чтобы перейти к интенсивной терапии. Грег услышал, как кто-то упомянул, что кровопотеря составила от шестидесяти до семидесяти процентов, и по напряженному выражению лица Натана Белла понял, что пациентка, очевидно, находится в критическом состоянии.

Пару раз инспектор замечал устремленные на него недовольные взгляды медсестер, явно показывающие, что, по их мнению, ему нечего делать в операционной, но он не собирался покидать ни Алекс, ни Натана. В свете печальных перспектив Тёрнер хотел быть здесь ради них обоих.

Хирург сшивал артерии на запястьях, анестезиолог следил за состоянием дыхательных путей. В воздухе ощущалось напряжение – кризис явно еще не миновал.

Глава 55

Водитель «Скорой помощи» всецело сосредоточился на дороге. Они уже свернули на подъездную аллею к больничному входу, и он выключил сирену, оставив работающей лишь синюю мигалку. Увидев, что впереди какая-то машина намеревается выехать раньше него, еще разок на минуту включил сирену и успокоился, когда этот автомобиль остановился.

Его напарник сидел в заднем салоне «неотложки» вместе с женщиной, уже полностью готовой разродиться. Возможно, ему придется съехать на обочину и помогать принимать роды, но, по словам напарника, этот малыш шел «вперед тазом». Они находились уже меньше чем в двух минутах езды от родильного отделения, так что и для матери, и для ребенка, разумеется, будет лучше, если он доставит их туда.

* * *

Мэгги видела, как «неотложка» с голубой мигалкой мчалась в ее сторону, и нажала на тормоз. Она вся испачкалась в крови Алекса Тейлора и понимала, что сейчас эта женщина уже, наверное, мертва, но вместо чувства удовлетворенного облегчения ее охватил страх перед будущим.

Месть свершилась, и у нее больше нет цели в жизни. Алекс умерла, убиты и другие соблазнительницы. И ее любимый Оливер тоже мертв.

Ее преследовал вид ошпаренных глаз Дилана, его покрытое красным соусом тельце и отчаянный предсмертный визг, но вместе с этим в ее воспоминаниях до сих пор постоянно маячило лицо мертвого Оливера. Она не могла избавиться от уродства образа смерти. У нее отняли любимого человека, и теперь она осталась одна с жуткими воспоминаниями.

Синяя мигалка приближалась, «неотложка» по-прежнему мчалась на предельной скорости, а в голове Филдинг проносились воспоминания о последнем вечере с Оливером. После ужина они вернулись к нему, и он поведал ей о своих планах переезда в Лос-Анджелес. Планировал начать жизнь заново... Изрядно выпив, Оливер исполнился оптимизма и продолжал рассуждать о только что потерянной великой роли. По его мнению, любой из продюсеров Голливуда ухватится за идею создания американской версии такого шикарного фильма. Его, видимо, не волновали проблемы плагиата – он говорил, что всегда есть способ обойти такие

обвинения.

– В сюжет можно внести кое-какие изменения. Поверь, Мэгг, получится великолепная история. Любой продюсер ухватится за такую возможность.

Филдинг с улыбкой смотрела на него, когда он, плюхнувшись перед ней на пол, начал разглагольствовать о том, как эта роль сделает его мировой знаменитостью.

– Все начинается с того, что полицейские окружают этого серийного убийцу. Сам он – врач, и полиция уже мчится к его дому. Полиция врывается внутрь и видит, что он повесился, то есть его считают мертвым. Но хитрость в том, что он вовсе не умер. Он устроил поддельное самоубийство. Ведь он врач, и ему известно, как остановить сердце, чтобы человека сочли умершим. Потом опять начинают происходить убийства, и полицейские считают, что у него появился подражатель, пока он не начинает посылать им сообщения...

Думая только об одном, Мэгги предложила Оливеру показать, как это можно сделать. Она поддразнивала его, побуждая осмелиться доказать, что поддельное самоубийство может получиться, поскольку его объяснения звучали смехотворно. Ему совершенно нечего опасаться, добавила женщина, ведь она же сама врач. А думала она при этом только об одном: захочет ли он, чтобы она поехала с ним в Лос-Анджелес?

С пьяным безрассудством Райан залез на стул, надежно затянул веревку на своей шее, и объяснил ей, как действует его видеокамера и как надо приблизить кадр, чтобы снять крупный план.

– Мэгги, пять секунд снимаешь мои ноги, а потом подставляешь стул обратно. Мне не хочется стать жертвой чертового несчастного случая.

– Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? – спросила Филдинг.

Беспечно улыбнувшись, Оливер заверил ее, что хочет. Может, не сразу – ему понадобится немного времени для налаживания связей и заключения контрактов. Но позже он заберет ее отсюда... как только устроится.

Мэгги дождалась, когда он закрепил веревку на потолочной балке над своей головой, а потом вытащила из-под него стул. Он повис в воздухе, и его ноги начали дергаться.

– Быстрее, Мэгг! – задыхаясь, прохрипел он. – Черт, я слишком тяжелый! Ставь стул на место! СКОРЕЕ ПОДСТАВЬ ЕГО!!!

Когда актер выпустил веревку из рук, она не оборвалась и он не упал на пол. Его руки просто соскользнули вниз, пока не ухватились за узел, затянувшийся на шее. Филдинг сразу взяла камеру, чтобы запечатлеть его. Глаза Оливера отчаянно вытаращились уже через полминуты, жилы

натянулись и вздулись, белки глаз налились кровью, а распухший побагровевший язык вывалился изо рта. Больше трех минут он цеплялся пальцами за свою шею, но в итоге руки безжизненно повисли, пальцы скрючились, а носки ступней исполнили в воздухе заключительные па его последнего предсмертного танца.

Перед уходом Мэгги перевернула стул вверх ногами и упаковала все свои вещи, находившиеся в квартире Райана, начисто стерев свое присутствие из его жизни, как и кадры его смерти с видеокамеры. Его последняя роль – он мог бы гордиться ею, если б дожил до просмотра, – была достойна «Оскара».

Ее любимый Оливер умер. С ним не случилось бы ничего плохого, если б его глаза не сказали ей, что все его объяснения и обещания не имеют ничего общего с правдой...

Мэгги увидела одноэтажный автобус и ясно разглядела лицо водителя, поворачивавшего слева. Голубые вспышки уже почти поравнялись с ее машиной. Она пристально взглянула на обоих водителей, подъезжающих с двух сторон, – и, точно выбрав момент, вдавила ногу в педаль газа.

* * *

Водитель «неотложки» еле успел затормозить. Водителю автобуса этого шанса не дали. «Эксплорер» Мэгги врезался сбоку в почти десятитонную махину автобуса. Позже обоим водителям вспомнится, что они мельком увидели за рулем темноволосую женщину, и обоим показалось, что она намеренно вылетела им наперерез.

Глава 56

Именно Лора Бест сообщила Грегу эту новость. Мэгги Филдинг скончалась на территории больницы в результате столкновения ее внедорожника с машиной «Скорой» и автобусом. С обоих водителей взяли показания прямо в отделении неотложной помощи. Второго члена бригады «неотложки» пришлось госпитализировать с подозрением на сердечный приступ. Ребенок родился прямо на месте аварии, но мать спасти не удалось.

Тёрнер воспринял эту новость с мрачным унынием. Филдинг унесла с собой очередную жизнь, и еще две жизни пока висели на волоске. Состояние Алекс по-прежнему оставалось критическим, и именно поэтому он продолжал торчать в больнице.

Бест с деловитым видом держала планшет, словно явилась в больницу с инспекцией. Одетая, как обычно, в отличного качества костюм шоколадного цвета, она подчеркнула свои достоинства кремовой блузкой. Волосы ее сияли чистотой, кожа здоровьем, макияж был сделан безупречно. Когда-нибудь она может достигнуть более высоких чинов благодаря одним лишь внешним достоинствам.

– Алекс Тейлор уже заговорила? – спросила констебль.

– Что вы имеете в виду? – Тёрнер удивленно поднял брови.

– Я задала вам конкретный вопрос, Грег. – Лора раздраженно постучала ручкой по планшету.

Выхватив у нее ручку, он сломал ее надвое.

– Детектив-констебль Бест, впредь извольте обращаться ко мне исключительно как к инспектору. Итак, зачем же вам приспичило поговорить с доктором Тейлор?

Лицо его подчиненной мгновенно покраснело, и в глазах у нее сверкнул гнев.

– Потому что я хочу прояснить создавшуюся путаницу и все те дурацкие разговоры про то, что она якобы ни в чем не виновна.

Прежде чем Лора осознала происходящее и успела хоть словом выразить свой протест, Грег практически насильно потащил ее по коридору в сторону операционной. Втолкнув ее в палату через двойные двери, он показал ей стол, где едва не умерла Тейлор. На полу еще валялись пропитавшиеся кровью салфетки и полотенца, а вокруг стола громоздилась забытая пока аппаратура, использованная для спасения ее жизни. Алекс

только что увезли в палату интенсивной терапии, поэтому никто еще не успел привести в порядок место преступления.

– Кровь, которую вы видите, принадлежала Алекс Тейлор, – произнес Тёрнер. – Сейчас она борется за собственную жизнь, и прояснить это надо только таким безмозглым констеблям, как вы.

– Ну так разве она не пыталась покончить с собой? – побелев, спросила Лора. – Ведь Джейки Джексон позволил ей сбежать. И она наверняка попыталась совершить самоубийство...

Сжав руками ее плечи, Грег подтащил подчиненную прямо к операционному столу и показал на окровавленные подлокотники.

– Алекс Тейлор привязали к этому столу, связали ей ноги и руки, не дав возможности сопротивляться. Именно Мэгги Филдинг вскрыла ей вены на запястьях и оставила здесь умирать. Все, что говорила нам Алекс, оказалось правдой. Мэгги Филдинг похищала ее и подвергала невообразимым пыткам. Она же убила Эми Эббот, Лилиан Армстронг и Фиону Вудс и сегодня вечером пыталась также убить Тейлор. Вы ошибались насчет нее, констебль Бест, так же как и я. Но знаете, что я думаю? Вероятно, я получу повышение за расследование преступлений Мэгги Филдинг, в то время как вы, Лора Бест, если продолжите работать в моем подчинении, будете оставаться констеблем до самой отставки. Поэтому, возможно, вам стоит подумать о переводе в какой-нибудь не имеющий ко мне отношения участок, где вы сможете попытаться прищипорить другого безрассудного жеребца.

После короткой паузы Бест молча покинула операционную, но через мгновение вместо нее появился Натан.

– Как я понял, у вас был личный разговор?

Грег покачал головой и твердо ответил:

– Слава богу, личные разговоры закончились. Остались исключительно профессиональные.

По губам Белла скользнула призрачная улыбка.

– Состояние Алекс стабилизировалось, – сообщил он. – Похоже, она победила.

Внезапно Натан пригнулся к полу, и его стошнило. Инспектор схватил единственную оставшуюся чистой салфетку, выдернув ее из-под тампонов с хирургического подноса и передал измотанному врачу.

Он почувствовал, как мрачное уныние на его душе начало рассеиваться, уступая место надежде.

– Прекрасная новость, Натан... Вы чертовски хороший врач.

Отплевавшись, Белл вытер рот и пожал плечами.

– У меня был чертовски хороший ассистент.

Грегу вспомнилось, как он пытался вдохнуть жизнь в холодные бескровные губы Алекс, и Тёрнер вдруг понял, что ее спасение похоже на чудо. Взглянул на два циферблата, висевшие на дальней стене – один отсчитывал минуты, а другой показывал реальное время, – и изумленно осознал, что только что наступил новый день. Стрелки перевалили за полночь.

– Когда вы закончили? – спросил полицейский.

– Четыре часа назад, – ответил Натан.

– Не хотите ли выпить в честь Рождества?

– Еще как хочу, и побольше. Смертельно хочется напиться.

Мужчины направились обратно по коридору, где на полу еще темнели следы крови Алекс. Они уже высохли; вскоре их вообще смоют. Грег не сводил с них глаз всю дорогу. Внезапно его озарило: именно так Тейлор дала им знать, где ее искать. Она помогла им найти ее. Он не знал, как именно она это сделала, но не сомневался, что Алекс сама спровоцировала какую-то рану, чтобы навести их на след.

Его восхищение вознеслось на новую высоту. Эта женщина бесстрашна – она умудрилась выжить и победить, несмотря на то что ей никто не верил.

* * *

Алекс открыла глаза – и поняла, что ее спасли. Она слышала, как работают приборы вентиляции легких и кардиомониторы, слышала тихие разговоры занятых делом коллег. Она уже открывала глаза раньше – и первым увидела лицо Натана, а он сразу заверил ее, что теперь всем известно о ее невиновности и что полиция изобличила Мэгги Филдинг. Белл также поговорил с Патриком, сообщив ему, что ее удалось спасти. Он добавил для Алекс, что тот разрыдался. Натан сообщил ей это ради того, чтобы дать шанс простить Патрика. Дать шанс бросить самого Натана.

Алекс заметила, как посерело его лицо, лишенное всяческих эмоций. Лишь в напряженном взгляде она прочла глубину его неуверенности. Острейшее сомнение на свое право приобщения к ее миру. Они ведь сделали только первый шаг в новую общую жизнь. Они в начале пути. Когда Натан коснулся ее щеки, Алекс с нежностью прижалась к его теплой ладони.

Может, когда-нибудь она расскажет ему, как пыталась свести счеты с жизнью. О том, что приняла четкое решение, когда Мэгги Филдинг напала на нее в коридоре. Ей отчаянно захотелось умереть здесь и сейчас, положив конец всем своим пыткам и страхам. В тот момент, когда она специально напоролась на скальпель, возможность смерти не волновала ее – она думала только о том, чтобы покончить со всеми мучениями.

Может, однажды, вновь набравшись смелости, она признается ему в этой слабости. Когда вновь осознает себя как Алекс Тейлор, как врача, спасающего людские жизни; осознает себя женщиной, пережившей и победившей то, что большинство людей не в силах даже вообразить...

notes

1

Медицинские подходы или правила, определяющие последовательность действий при диагностике заболевания и определении состояния больного.

2

Курт Шиммельбуш (1860–1895) – немецкий хирург, предложивший использовать для наркоза проволочную маску собственной конструкции.

3

Лагер – тип пива.

4

Кредитная карта «Барклиз банк».

5

Джейн Остин (1775–1817) – английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе, жила в Бате с 1801 по 1806 г. Там же происходит действие двух ее романов «Нортенгерское аббатство» и «Доводы рассудка».

6

Томас Гейнсборо (1727–1788) – английский живописец, график, портретист и пейзажист, жил и работал в Бате с 1759 по 1774 г.

7

Ричард Нэш (1674–1761) – знаменитый в Англии красавец и модник, служивший в Бате мастером церемоний. Благодаря его реформам Бат стал модным курортом.

8

Энди Уорхол (1928–1987) – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, издатель журналов и кинорежиссер, заметная персона в истории поп-арт-движения и современного искусства в целом. Известен также популярными портретами знаменитостей.

9

Вероятно, имеется в виду один из триллеров «Кэрри», снятых по одноименной книге американского писателя С. Кинга, где в одном из эпизодов на героиню выливают ведро свиной крови.

10

Знаменитый трехарочный мост с двухсторонней застройкой, построен в конце XVIII в. через р. Эйвон по образцу известных итальянских мостов Риальто в Венеции и Понте-Веккьо во Флоренции. Перед мостом построена также оригинальная трехступенчатая плотина.

11

Мидии (фр.).

«Иль-Диво» – интернациональный квартет оперных исполнителей, выступающий в стиле, сочетающем поп-музыку с оперой.

13

Орацио Джентилески (1563–1639) – итальянский художник эпохи раннего барокко, лучший и талантливейший представитель школы Караваджо.

Исторический «оскароносный» английский фильм (1995) о борьбе Шотландии за независимость против английского господства.

Секретарша главы британской разведывательной службы MI-6 из книг и фильмов о Джеймсе Бонде.

16

Воздушная спасательная служба.

Гарольд Шипман (1946–2004) – британский серийный убийца-врач, орудовавший в пригороде Манчестера Хайде.

18

Маточные кольца.

Дама Кэтрин Энн Куксон (1906–1998) – английская писательница в жанре любовного романа, многие из ее книг экранизированы.

20

188 см.

7 июля 2005 г. в лондонском метро произошла серия терактов, в результате которой погибли 52 человека, а более 700 получили ранения.

Юэн Аглоу (1932–2000) – британский художник, известный своими обнаженными натурами и натюрмортами.

«Молчание ягнят» – знаменитый американский фильм-триллер, снятый в 1991 г. реж. Дж. Демми по мотивам одноименного романа Т. Харриса.

Английская пословица, рожденная благодаря старому английскому закону, по которому кража овцы каралась смертной казнью через повешение.

Table of Contents

[Лиз Лоулер Не просыпайся](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)
[Глава 42](#)
[Глава 43](#)
[Глава 44](#)
[Глава 45](#)
[Глава 46](#)
[Глава 47](#)
[Глава 48](#)
[Глава 49](#)
[Глава 50](#)
[Глава 51](#)
[Глава 52](#)
[Глава 53](#)
[Глава 54](#)
[Глава 55](#)
[Глава 56](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)

[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)